

Евгения
Валюшук

ЛИТЕРАТУРА

7

класс

*Евгения
Волощина*

ЛЮТЕРАТУРА

Учебник для 7-го класса
общеобразовательных учебных заведений
с русским языком обучения

*Рекомендовано
Министерством образования и науки Украины*

Киев
«Генеза»
2007

Книгу называют сокровищницей мудрости. И не только потому, что из нее мы черпаем разнообразные сведения об окружающем мире, но главным образом потому, что она передает нам важный *духовный опыт*.

Чем же этот опыт ценен и что он собой представляет?

Во-первых, он охватывает сложный мир *человеческих чувств* — от тончайших, едва уловимых ощущений до всепоглощающих страстей. Читая книгу, мы можем пережить то, чего не пережили в жизни: отчаяние Вакулы, готового любой ценой добиться любви красавицы Оксаны, сочувствие мальчика из обеспеченной семьи к обездоленным «детям подземелья», радостное удивление измученного голодом школьника при виде макарон и яблок, присланных ему заботливой учительницей. При этом чувства, которые мы разделяем с вымышленными персонажами, волнуют нас ничуть не меньше, чем эмоции, вызванные событиями, происходящими в реальной жизни. Иногда, с головой погрузившись в чтение, мы с удивлением обнаруживаем, что смеемся, возмущаемся или огорчаемся вслух — то есть ведем себя так, будто имеем дело не с книгой, а с реальным собеседником. Подобные чувства играют в нашей жизни роль куда более значительную, чем кажется на первый взгляд. Ибо, сопереживая литературным героям, мы постигаем силу и глубину человеческих эмоций, а одновременно с этим учимся выражать свои ощущения.

Во-вторых, духовный опыт включает в себя *размышления* над жизненными явлениями и их *оценку*. В этом, кстати сказать, заключается одно из отличий художественной литературы от науки. Там, где ученый изучает и описывает факты, писатель стремится раскрыть их смысл и дать им свою оценку. Иначе говоря, наука отвечает на вопрос «что это?», тогда как литература отвечает на вопросы «зачем это?», «хорошо это или дурно?». Скажем, в то время как психолог дает научное обоснование «жажды жизни», присущей каждому человеку, писатель показывает, на какие чудеса она вдохновляет того, кто по-настоящему силен духом. Наблюдая за героем, который, преодолевая боль и отчаяние, до последнего дыхания борется за свое существование, мы становимся свидетелями того, как данная человеку от рождения «жажда жизни» преобразуется в гордое, всепобеждающее мужество. Так художественная литература предоставляет нам разнообразные образцы человеческого поведения, благодаря которым мы учимся отличать благородные поступки от недостойных, отделять полезные для души мысли от разрушительных, усваиваем нелегкие, но жизненно необходимые уроки нравственности.

С каждым новым произведением читатель проживает в своем воображении «чужую» жизнь. Ведь в ходе чтения мы не просто следим за развитием событий, а на какое-то время «сливаемся» с книгой, смотрим на мир глазами понравившегося героя, проникаемся его настроением и устремлениями. «Все хорошие книги, — говорил по этому поводу американский писатель Э.М. Хемингуэй, — сходны в одном: когда вы дочитываете их до конца, вам кажется, что всё это произошло с вами, и так оно навсегда при вас и останется: хорошее и плохое, восторги, печали и сожаления, люди и места, и

В. Ниблих. Мир книг, или Мир горит

какая была погода». В ходе такого «слияния» с произведением читатель приобретает новые знания, необходимые для решения проблем, с которыми он сталкивается в реальности. Эти знания — поистине бесценное богатство нашей жизни.

Духовный опыт можно почерпнуть из любого художественного произведения — в том числе из такого, в котором человек вообще не упоминается. Например, изображая парус, скитающийся в «тумане моря голубом», или сосну, мечтающую среди снегов о пальме, М.Ю. Лермонтов ни слова не говорит о человеке. Тем не менее читатель без труда догадывается, что это — иносказательные образы человеческой души. И дело не только в том, что парус и сосна в лермонтовских стихотворениях наделены человеческой способностью чувствовать, но еще и в том, что в них «зашифрованы» некие душевные состояния и размышления о человеческой судьбе. Незримым присутствием человека отмечены даже стихотворные пейзажи, которые не

содержат подобных «шифров»: это присутствие проявляется через их окрашенность теми или иными эмоциями — восхищением, грустью, растерянностью, отчаянием и т.п. Дерево, камень, бабочка, чашка, перчатка, часы — всё, что окружает нас в реальности, *наполняется в художественном произведении человеческим смыслом*. Ибо, как заметил литературный критик В. Николаенко, «о чем бы ни рассказывал художник, он в конечном счете всегда говорит о самых важных для человека вещах: о Жизни и Смерти, о Любви и Боге, о Красоте и Свободе, о Добре и Зле».

Конечно, каждый писатель смотрит на эти вещи по-своему. Д. Дефо, например, верит в безграничные созидательные возможности человека, а потому и его роман о Робинзоне приобретает звучание величественного гимна человеческому разуму и труду. А вот Р.Д. Брэдбери, напротив, считает, что в человечестве силен дух варварского разрушения, и потому в одной из своих новелл изображает толпу, яростно разрывающую портрет Джоконды, который принадлежит к высшим достижениям мировой культуры. Таким образом, в литературном произведении отпечатывается *личность писателя, его миропонимание, его духовная жизнь*. Именно поэтому книгу порой сравнивают с окном, «в котором можно увидеть душу» ее создателя.

Всматриваясь в такие «окна», читатель знакомится с разнообразными точками зрения на мир. Не все они покажутся ему убедительными. И это естественно: кому-то близок Дефо, восторгающийся прогрессом земной цивилизации, а кому-то — Брэдбери, опасющийся, что в будущем человечество вернется к первобытной дикости. Но, читая книгу за книгой, мы извлекаем из духовных миров близких и далеких нам писателей зерна истины, которые со временем дадут всходы в наших душах.

В этом-то и кроется главное волшебство общения с книгами: впитывая духовный опыт писателей, душа читателя растет вверх и вширь. И вместе с ростом души утончается его понимание жизни, благодаря чему он постигает ценность явлений, которым раньше не придавал значения, открывает для себя красоту и смысл окружающего мира. А еще вместе с ростом души происходит развитие личности читателя: ведь, опираясь на духовный опыт мастеров слова, он сознательно строит и обустроивает свое «я», преодолевает слабые и укрепляет сильные стороны своего характера, пытается решить конкретные задачи своего нравственного совершенствования. Вот почему книга является не только «воротами» во внешний мир, но и проводником по запутанным тропам внутреннего мира самого читателя. И вот почему чтение художественной литературы является серьезной духовной работой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Из чего состоит духовный опыт, запечатленный в художественной литературе? Чем этот опыт интересен и полезен для нас?
2. Докажите, что именно человек является главным предметом изображения в художественной литературе.
3. Почему книгу называют окном, «в котором можно увидеть душу» ее создателя?
4. Во вступительной статье, которую вы только что прочли, приводятся примеры из произведений, изученных вами в шестом классе. Укажите точные названия этих произведений.

5. Выпишите высказывания о книгах, процитированные во вступительной статье. Раскройте их смысл.

Работа в парах. Внимательно рассмотрите работы современного художника В. Ниблиха, представляющие оригинальные образы книги. Раскройте символический смысл каждого из этих образов. На какие размышления они вас наталкивают? А как бы вы изобразили мир книги?

В. Ниблих. Приятного аппетита!

РАЗДЕЛ
ПЕРВЫЙ

Фольклор
и художественная
литература

Глава 1

БОГАТЫРИ БЫЛИННЫЕ

«Преданья старины глубокой...»

Вспомните легендарных героев, чьи подвиги были воспеты в древних мифах. Назовите имена этих персонажей. Какие черты характера поэтизировались в их образах?

С древних времен люди преклонялись перед героями, в одиночку противостоявшими против сил зла. Их свершения увековечивались в мифах, легендах и героических песнях, передававшихся из уст в уста многими поколениями. К числу таких произведений принадлежат и *былины* — древнерусские песни о знаменитых богатырях Киевской Руси. Наиболее популярные герои таких песен — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Микула Селянинович, великан Святогор. Былины рассказывали об их удивительных воинских и трудовых подвигах. В образах былинных богатырей запечатлелись древние представления о народном герое-заступнике, наделенном несокрушимой физической мощью и широтой души, отстаивающем идеалы добра и справедливости.

Серебряный шлем. Середина XII — начало XIII в.

Былины возникли более 1000 лет назад. Они слагались на основе древних преданий и песен и, подобно другим фольклорным произведениям, были плодом коллективной творческой фантазии. Так же как в мифах и сказках, важную роль в былинных повествованиях играли фантастические элементы (описания необычайных подвигов, несметных вражеских полчищ, невиданных чудищ и т.п.). Но, в отличие от сказок и мифов, сюжеты былин, как правило, имели реальную историческую основу. Действие в былинах происходило не в мифические «первоначальные времена», когда на земле только устанавливались главные законы жизни, и не в сказочном царстве, расположенном «за тридевять земель», а в конкретной исторической эпоху и в конкретной местности (например, в Киеве или Чернигове). Да и в фантастических картинах героических сражений слышались отголоски реальных исторических событий, — в частности, войн древнерусских городов с многочисленными

Древнерусские мечи
X—XIII вв.

племенами кочевников. Живая связь с историей — это первая характерная особенность былин.

Другая отличительная черта этих произведений связана с их песенным происхождением. В старину былины исполнялись под аккомпанемент гуслей*, и для их создания использовался особый поэтический слог — так называемый *былинный стих*. Он произносился неспешно, нараспев и задавал былине торжественный тон.

Сюжет быliny часто строился по плану, уже знакомому вам по народным сказкам. Он состоял из краткого вступления — *зачина* (в котором указывалось время и место действия), *основной части* (повествовавшей о героических подвигах богатырей) и *концовки* (где кратко подытоживалось рассказанное). Эта сюжетная схема украшалась характерным фольклорным «орнаментом» — гиперболами (вместо чары вина герою, например, наливают полведра), постоянными эпитетами (солнце красное, поле чистое, добрый молодец, ветры буйные и т.п.), повторами отдельных слов, выражений и целых картин. Такой «орнамент», равно как и общее построение сюжета, служил лучшим напоминанию содержания быliny.

Гусли. Реконструкция

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Былина — древнерусская фольклорная песня, повествующая о героических свершениях легендарных богатырей. Для быliny характерно переплетение фантастических и исторических элементов, а также торжественно-приподнятый, спокойно-величавый тон, задаваемый *былинным стихом*. Сюжет быliny украшен традиционным фольклорным «орнаментом» (повторы, гиперболы, постоянные эпитеты и др.).

Возникнув на заре истории Киевской Руси, быliny на много столетий пережили свою эпоху и оставили глубокий след в культуре восточнославянских народов. Их влияние, в частности, прослеживается в украинских думах и героических песнях, а также в ряде произведений, позже созданных выдающимися русскими писателями, композиторами, художниками.

* Гусли — старинный струнный щипковый музыкальный инструмент.

«Археологические раскопки» были. Рассказы о том, как некий богатырь одним махом сокрушил несметные полчища врагов или одержал победу над могучим чудищем, кажутся настолько далекими от реальности, что современному читателю трудно поверить в существование какой-либо связи между ними и событиями древней истории. И всё же она существует. Недаром филологи называют былины «алмазами исторической памяти». Правда, «докопаться» до исторической

основы былин довольно трудно: ведь приходится пробиваться не только сквозь напластования вымысла, но и сквозь более поздние исторические наслоения, возникавшие, например, в результате наложений на воспоминания о давнем сражении новых впечатлений о недавних похожих событиях. Тем не менее специалисты всерьез занимаются такими «раскопками» и добиваются результатов. Сравнивая добытые таким образом исторические факты с их художественной обработкой в былинах, мы можем по достоинству оценить игру народной фантазии.

Скажем, в большинстве былин русские богатыри (или, как их еще называли, «храбры») служат киевскому князю Владимиру. В этом образе, по мнению ученых, соединились черты двух исторических князей, пользовавшихся огромной популярностью в Киевской Руси, — Владимира Крестителя и Владимира Мономаха.

Рассмотрим другой пример. В одной из былин рассказывается о том, как богатырь Алеша Попович одолел Тугарина Змеевича — огромное летающее существо в человеческом облике. По мнению исследователей, за образом Тугарина Змеевича стоял половецкий хан Тугоркан, живший в XI в. Любопытно, что человек, с которого, по всей видимости, был «списан» образ Алеши Поповича, жил на полтора столетия позже описываемых в былине событий. Очевидно, ратный подвиг совершил какой-то другой воин, имя которого не сохранилось, а народная память со временем приписала его Алеше Поповичу. ●

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Чему посвящались былины? Почему их относят к числу фольклорных произведений?
2. Назовите наиболее известных героев древнерусских былин. О ком из них вам уже приходилось слышать?
3. Какие реальные события отражались в былинах? Приведите примеры художественной обработки исторических фактов в былинах.
4. Расскажите об особенностях исполнения былины. Что характерно для былинного стиха?
5. Какие знакомые вам фольклорные элементы использовались в былинных песнях? Что общего между былиной и народной сказкой? А в чем заключаются их главные отличия?
6. Дайте определение былины.

Ратные подвиги былинных богатырей

Огромной народной любовью был окружен образ Ильи Муромца. Былины изображали Илью «старшим» богатырем, превосходящим своих соратников

и силой, и мудростью. Возможно, считают исследователи, исключительное положение этого героя объяснялось его близостью к простым слушателям песен: ведь, в отличие от большинства былинных богатырей, принадлежавших к знатым и богатым родам, Илья Муромец происходил из крестьянской семьи. Его спокойная, уверенная сила, нравственная стойкость, чувство собственного достоинства, независимость в отношениях с князем вызывали глубокую симпатию. Восхищала слушателей и необычная биография этого героя: 30 лет, согласно былинам, Илья, скованный неведомым недугом, «сиднем» просидел дома, пока таинственные странники не пробудили в нем «силушку великую» и не благословили его на дела богатырские. С этого дня началась история его героических свершений.

В. Васнецов. Битва русских со скифами

Перед чтением. Один из подвигов богатыря описывается в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Читая ее, подумайте над следующими вопросами:

1. Какие сказочные элементы задействованы в сюжете этого произведения?
2. Какие подробности в данной былине можно рассматривать как «исторические указатели» на реальную эпоху и реальную местность?

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова,
Выезжал удаленький дородный добрый м'олодец;
Он стоял заутреню во Муромли,
А и к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град,
Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.

У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным-черно́,
А и черным-черно, как черна вóрона;
Так пехотою никто тут не похаживат,
На добрóm кони никто тут не проезживает,
Птица черный ворон не пролетывает,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А и побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.

Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А и зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
А и ты славныя богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела;
А и по той ли по дорожке прямоезжею
Да и пехотою никто да не прохаживал,
На добрóm кони никто да не проезживал:
Как у той ли-то у грязи-то у черной,
Да у той ли у березы у поклáпые¹,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сиди Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сиди Соловей-разбойник Одихмантьев сын;
А то свишет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли-то, от посвисту соловьего,
И от его ли-то, от покрику звериного,
То все травушки-муравы ушлетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст²,
А и окольной дорожкой цела тысяща».

¹ Поклáпый — нагнутый, понурый, крюковатый.

² Верста́ — старая русская мера длины, равная 1,06 км.

Он пустил добра коня да и богатырского.
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко грязи он ко черной,
Да ко тое ко березе ко поклапые,
К тому славному кресту ко Леванидову.

Засвистал-то Соловей да и по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да и лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле вси приклонилися.
Его добрый конь да богатырский,
А он на корзни¹ да потыкается;
А и как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам;
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
Не слышал ли посвисту соловьего,
Не слышал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?»

А и тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрéлил в то́го Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею.
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышко повез да соловьиное.

В том гнездышке да соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А и три дочери его любимых;
Больша дочка эта смотрит во окошечко косящато,
Говорит она да таковы слова:
«Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром кони,
Да везет он мужичища-деревенщину,

¹ Корзни — корни.

Да у правого стремени прикована».
Поглядела его дру́га дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшко раздольицем чистым полем,
Да и везет он мужичища-деревенщину,
Да и ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичищо-деревенщина,
Да и сидит, мужик, он на добро́м кони,
Да и везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то и она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-тко рогатины звериные,
Да бегите-тко в раздольице чисто́ полё,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья то ёсть да соловьиные,
Похватили как рогатины звериные
Да и бежали-то они да и во чисто поле
К тому ли мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то, мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-тко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В своё гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой саха́рною,
Да вы пойте его пи́тьицем медвяным,
Да и дарите ему да́ры драгоценные».
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
А и зовут-то мужика да и деревенщину.
Во то гнездышко во соловьиное;
Да и мужик-от-деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту́ полю́,
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А и Владимир-князь он вышел со божьей церквѣ,
Он пришел в палату белокаенну,
Во столовую свою во горенку.
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А и тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посерёдь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пята он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколанным.
Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
«Ты скажи-тко, ты откулешный, дородный добрый молодец,
Тобе как-то молодца да именем зовут,
Величают удалого по отчеству?»
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!»

Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же ты, старья казак да Илья Муромец!
Да и давно ли ты повыехал из Муромля,
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?»
Говорил Илья он таковы слова:
«Ай ты, славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муромле,
А и к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град.
Ехал мимо эту грязь да мимо черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу-ту поклапую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».

Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичишо-деревенщина!
Во глазах, мужик, да подлыгаешься¹,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал,
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А у той ли-то у грязи-то у черной,
Да у славной у речки у Смородины,

¹ Подлыгаться — входить в доверие ложью, привирать.

А и у той ли у березы у покляпые,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын;
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвѣ лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:

«Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он к стремени булатному прикованный».
То Владимир князь-от стольно-киевский,
Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, собака, по-звериному».
Говорил-то Соловей ему разбойник Одихмантьев сын:
«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казѣка Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати».

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
«Ай же старья казак ты, Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловьѣ да и по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:

«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты в полсвисту соловьего,
Закричи-тко ты во полкрику звериного».

Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старья казак ты, Илья Муромец,
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные:
Не могу засвистать да и по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному,
А и вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зеленѣ вина,
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы поразойдутся,

Да уста мои сажа́рны порасходяться,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья тот князю он Владимиру:
«Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-ко к Соловью к разбойнику».
То Владимир-князь да стольно-киевский,
Он скорёнько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
Принял чарочку от князя он одной ручко́й,
Выпил чарочку-то Соловей одним духо́м.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покривились,
А око́ленки во теремах рассыпались
От его от посвисту соловьего,
А что есть-то лю́дюшек, так все мертвы лежат;
А Владимир-князь-от стольно-киевский,
Куней шубонькой он укрывается.

А и тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра́ коня,
А и он вез-то Соловья да во чисто́ поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцей-ма́терей,
Тебе полно-тко вловить да жен мо́лодых,
Тебе полно-тко спускать-то сиротить да малых детушек».
А тут, Соловью, ему и славу́ поют,
А и славу поют ему век по веку.

ЧТЕНИЕ-САМОУЧЕНИЕ

Учимся анализировать былинку

1. Учимся осмысливать прочитанное

1. Подготовьте пересказ былины, последовательно отвечая на предложенные ниже вопросы:

А. Как Илья Муромец одержал победу над вражеским войском, стоявшим под Черниговом? Какие художественные средства подчеркивают многочисленность этого войска?

<http://shkifniypidruc.ucoz.ru>

Б. Почему, несмотря на предупреждение об опасности, Илья предпочел ехать в Киев короткой дорогой? Какие свойства его натуры проявились в этом эпизоде?

В. В чем заключалась сила Соловья-разбойника? Подкрепите свой ответ цитатами.

Г. Как богатырь одолел Соловья-разбойника? Почему он отказался принять выкуп за поверженного врага?

Д. Как Илья Муромец был принят при дворе князя Владимира? Почему князь сначала не поверил рассказу богатыря? А что его заставило изменить свое мнение?

2. Какие свершения Ильи Муромца прославляются в этой былине? Почему их можно назвать героическими?

3. Что свидетельствует о любовном отношении народа к Илье?

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Что олицетворяет собой образ Соловья-разбойника?

2. В каком эпизоде сила Ильи Муромца противопоставляется власти князя Владимира? Какая мысль стоит за этим противопоставлением?

3. Какие нравственные качества народного героя воплощены в образе Ильи Муромца? Аргументируйте свой ответ примерами из текста.

III. Учимся фантазировать

1. Каким вы представляете себе Соловья-разбойника? Кто он: человек или чудище? Подробно опишите его внешность (устно).

2. Какие подвиги мог бы совершить Илья Муромец в современном мире?

IV. Филологический мастер-класс

1. Определите в прочитанной былине зачин, основную часть и концовку. Найдите в тексте повторяющиеся элементы.

2. Приведите примеры использования гиперболы в былине. Что подчеркивает этот прием в ваших примерах?

3. По памяти восстановите постоянные эпитеты, которыми сопровождаются следующие слова: «... молодец», «силушка ...», «... ворон», «цветочки ...», «уста ...», «... вино».

4. Какие географические названия и имена исторических личностей упоминаются в прочитанной вами былине? А какие образы и детали придают описываемым в ней событиям сказочно-фантастический характер?

Консультация профессора Филолога

Из истории слова «былина». Название «былина» восходит к слову «быль», которое означает «то, что действительно было».

Интересно, что это название намного моложе самих былин.

В древности подобные героические песни именовались «старинами», позднее — «богатырскими сказками», и лишь в 40-е годы XIX в. для обозначения этих произведений было

введено слово «былина». Оно позаимствовано из выражения

«по былинам сего времени», которое встречается в знаменитом литературном памятнике Киевской Руси — «Слове о полку Игореве».

Сильный, храбрый богатырь Илья Муромец. Лубок. 70-е годы XVIII в.

Как былины дошли до нашего времени? На сегодня собрано более 3 тыс. записей былин. Среди них встречаются сотни вариантов одного и того же былинного сюжета. Различия между ними объясняются тем, что разные сказители (или певцы) привносили в сюжет что-нибудь свое: добавляли или опускали какие-либо подробности, произвольно соединяли 2 былины в одну и т.п. Чем были вызваны такие изменения?

Очевидно, что сначала рассказ о реальном историческом факте передавался в былине более или менее близко к действительности. Однако с течением времени интерес к отдельным деталям утрачивался. Это происходило и в тех случаях, когда песня перекочевывала в другую местность, — например, из Киевской земли в Новгородскую. Так возникали новые варианты одного и того же сюжета.

На протяжении многих столетий былины существовали только в устной форме. Со временем их стали записывать. Первые из дошедших до наших дней записей были сделаны в XVII в. В большинстве случаев они представляли собой краткие пересказы сюжетов былин. И лишь спустя столетие появился знаменитый сборник Кириши Данилова, в котором среди прочих фольклорных произведений были представлены полные тексты около 20 былин. Во второй половине XIX в. собиранием былин занимались и любители фольклора, и профессионалы (П.Н. Рыбников, А.Ф. Гильфердинг, А.Д. Григорьев, А.В. Марков, Н.Е. Ончуков и др.). Как оказалось, весьма своевременно: спустя столетие былины уже практически не исполнялись вживую. ●

В. Васнецов. Витязь на распутье

Трудовые свершения былинных богатырей

Перед чтением. Как вы уже знаете, в былинах воспевались не только воинские, но и трудовые подвиги богатырей. Этой теме, в частности, посвящена былина «Вольга и Микула Селянинович». Читая ее, подумайте над вопросом, почему труд пахаря здесь приравнивается к богатырскому подвигу.

Вольга и Микула Селянинович

Когда воссияло солнце красное
 На тое ли на небушко на ясное,
 Тогда зарождался мóлодой Вольгá,
 Молодой Вольга Святославович.
 Как стал тут Вóльга ростеть-мáтереть,
 Похотелося Вольги много мудрости:
 Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
 Птицей-соколом летать ему под оболока,
 Серым волком рыскать да по чистым полям.
 Уходили все рыбы во синие моря,
 Улетали все птицы за оболока,
 Ускакали все звери во темные леса.
 Как стал тут Вóльга ростеть-матереть,
 Собирал себе дружинушку хоробрую:
 Тридцать молодцов да без единого,
 А сам-то был Вольга во тридцатых.
 Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
 Темно-кариих жеребчиков, нелэгченных.
 Вот посели на добрых коней, поехали,
 Поехали к городам да за получкою¹.

¹ Получка — податъ.

Повыехали в раздольице чистó поле,
Услыхали в чистом поле ора́тая,
Как о́рет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Оме́шки¹ по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до́ вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и дру́гой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как о́рет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до па́бедья²,
А наехали в чистом поле оратая.

Как о́рет в поле оратай, посвистывает,
А бороздки он да пометывает,
А пеньё-коренья вывертывает,
А большие-то каменья в борозду ва́лит.
У оратая кобылка соло́вая³,
Гужи́ки у нее да шелко́вые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешки на сошке булатныи,
Присо́щечек у сошки серебряный,
А рога́чик-то у сошки красна золота,
А у оратая кудри качаются,
Что не скатен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафья́н⁴:
Вот шилом пяты, носы остры,
Вот под пя́ту-пяту́ воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него да черна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:
«Божья́ помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать да пахать, да крестьяновати,
А бороздки тебе пометывати,
А пенья-коренья вывертывати,
А большие-то каменья в борозду валить!»
Говорит оратай таковы слова:

¹ О́мешки — лемехи.

² Па́бедье — второй завтрак, полдник.

³ Соло́вая — о масти лошадей: желтоватый (в сочетании со светлым хвостом).

⁴ Сафья́н — тонкая и мягкая козья или овечья кожа, специально выделанная и окрашенная в яркий цвет.

«Поди-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надобна божья помочь крестьяновати.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?»

Тут проговóрил Вольга Святославович:

«Как пожаловал меня да родной дядюшка,
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Кúрцевцем,
Другим городом Орéховцем,
Третьим городом Крестьяновцем;
Теперь еду к городам за получкою».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да все разбойнички,
Они подрубят-то сляги¹ калиновы,
Да потопят ты в реку да во Смородину!
Я недавно там был в городе, третьего дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд²,
А сам я сидел-то сорок пуд.

А тут стали мужички с меня грошóв просить.
Я им стал-то ведь грошов делить,
А грошов-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь да больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить,
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит.
Который сидя сидит, тот и лежа лежит».

Тут проговорил ведь Вóльга Святославович:

«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Ты поедем-ка со мною во товарищах».
А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул;
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у нее да завивается,
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Говорит оратай таковы слова:
«Я оставил сошку в бороздочке

¹ Сля́ги — тонкие длинные бревна.

² Пуд — старая русская мера веса, равная 16,38 кг.

Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломожный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится,
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повывернути,
Из омешков бы земельку повытряхнути,
Да бросить сошку за ракитов куст».

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Кó той ли ко сошке кленовенькой:
Оны сошку за обжи¹ вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут молодой Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Целым он да ведь десяточком.
Оны сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
А тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Оны сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшка
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добрых коней, поехали
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.

¹ Обжи — здесь: сошные оглобли.

У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать.
«Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Как бы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Как бы эта кобыла коньком бы была
За эту кобылу цены не было бы!»

Тут проговорил Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отчеству?»
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
“Молодой Микула Селянинович!”»

Тут приехали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати;
Стали города рассматривати;
А ребята-то стали поговаривати:
«Как этот третьяго дни был, да мужичков он бил!»
А мужички-то стали собираться,
Собираться они да думу думати,
Как бы прийти да извиниться,
А им низко бы да поклониться.
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Ай же ты, Микула Селянинович!
Я жалую от себя трема городами со крестьянами.
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ка ты дань да ведь грошовую!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Ближе к тексту перескажите содержание прочитанной былины.
2. В каких подробностях сюжета раскрываются сила и мастерство пахаря? А какая деталь свидетельствует о превосходстве крестьянина над воинами?
3. Найдите в тексте постоянные эпитеты, гиперболы, повторы. Раскройте их художественное значение.

4. Используя сведения о том, как в старину исполнялись былины, подготовьтесь к выразительному чтению изученного произведения в классе. Продумайте темп и интонации своего исполнения.

Думайте сами! Почему крестьянский труд стал темой героической песни? Какие нравственные ценности прославляются в прочитанной вами былине?

Творческое задание. Дайте аргументированный письменный ответ на один из вопросов:

А. В чем заключается художественная ценность древнерусских былин?

Б. Какие нравственные достоинства народа воспевались в образах древнерусских богатырей?

Возвращение былинных богатырей

С течением времени образы былинных богатырей выросли в символы народа и его героического прошлого. Именно в таком ключе воспринимали былинных героев русские художники, композиторы и писатели XIX–XX вв.

К былинным темам, в частности, обращались такие выдающиеся русские композиторы, как М.П. Мусоргский, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков. Например, *М.П. Мусоргский* завершил свой сборник фортепианных произве-

Как, по вашему мнению, звучала мелодия, под которую исполнялись былины в старину?

дений «Картинки с выставки» пьесой «Богатырские ворота», звучавшей как гимн отечеству. Теме подвигов героев древнерусской земли посвящена Вторая симфония* А.П. Бородина, названная «Богатырской». А Н.А. Римский-Корсаков создал чудесную оперу на основе былин о славном новгородце Садко. Музыкой этого композитора сопровождается сюжет кинофильма «Садко».

Древнерусская история и культура были одним из главных источников творчества Алексея Константиновича Толстого — выдающегося русского писателя и поэта XIX в. В своих произведениях он воссоздавал дух давно минувших эпох. Не прошли мимо его внимания и былинные сюжеты. Одно из своих стихотворений А.К. Толстой посвятил Илье Муромцу.

Илья Муромец

(Отрывок)

1

Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

2

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?

4

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!» (...)

На каких чертах образа былинного героя заостряет внимание поэт?

* Симфония — большое музыкальное произведение для оркестра, состоящее обычно из 3–4-х частей, отличающихся друг от друга характером и темпом.

Образы легендарных богатырей вдохновляли и знаменитых художников конца XIX — начала XX в. — И.Е. Репина, В.М. Васнецова, М.В. Нестерова, Н.К. Рериха. Названные живописцы видели в них олицетворение богатырской мощи народа и идеи бескорыстного, героического служения отчизне. Однако, наделяя изображаемых богатырей общенародными, национальными чертами, художники в то же время стремились подчеркнуть и их индивидуальные особенности. Наиболее наглядно такие особенности переданы на картине «Богатыри» Виктора Михайловича Васнецова. Замысел этой картины художник объяснил следующим образом: «Картина моя — Добрыня, Илья и Алеша Попович на богатырском выезде примечают в поле, нет ли где врага, не обижают ли где-кого».

1. Внимательно рассмотрите репродукцию картины Васнецова. Обратите внимание на возраст, выражения лиц и позы богатырей. Что вы можете сказать о каждом из них?

2. Догадались ли вы о том, кто есть кто на этой картине? Найти на ней Илью Муромца для вас наверняка не составило труда — самый старший, самый могучий богатырь, конечно же, занимает центральное место. Но кто находится слева и справа от него? Проверить правильность ваших предположений поможет отрывок из искусствоведческой статьи, помещенный под репродукцией картины.

В. Васнецов. Богатыри

«Алеша показан молодым красавцем, он — ловкий, находчивый и всегда готовый на выдумки певец и гуслир-богатырь. В его широком, смуглом, обветренном лице с густыми черными бровями, умными и живыми глазами, с мягкими очертаниями губ и подбородка выражена прелесть молодого русского крестьянина».

(Из издания «Галерея искусств»)

Глава 2

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ХРАМ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Живые голоса древности

Чем отличается фольклор от художественной литературы?

В. Васнецов.
Нестор Летописец

В те времена, когда гуслиры воспевали подвиги богатырей, монахи в тиши своих келий корпели над летописями важных исторических событий. Их записи тоже не были свободны от художественного вымысла, поскольку наряду с реальными фактами содержали легенды и предания, повествовавшие о далекой старине. Однако, в отличие от сочинителей былин, преобразовавших исторические события в полужантастические картины, летописцы стремились по возможности точно зафиксировать то, что произошло в действительности.

С течением времени летописи дополнялись, перерабатывались и компоновались в особые «своды»*. Древнейший из дошедших до нас летописных сводов — «Повесть временных лет». Он был составлен около 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря по имени Нестор.

Это был «книжник» широкого исторического кругозора и незаурядного литературного дарования. Он не только дополнил предшествующие летописи описаниями событий, очевидцем которых был, но и дал свою версию истории становления Руси.

Около 1116 г. князь Владимир Мономах, заботившийся о своей репутации в глазах потомков, отдал «Повесть временных лет» на переработку в Выдубицкий монастырь, находившийся под Киевом. Вследствие этого в ней

появились тексты, прославлявшие его деятельность. В частности, в летописный свод была включена история коварного ослепления князя Василька Теребовльского братьями, в которой Мономах выступал в роли противника княжеской междоусобицы и защитником справедливости.

Однако Владимир не остановился на переделке летописей. Около 1117 г. он написал о себе сам. Произведение, в котором князь рассказал о своей

* Свод — здесь: совокупность текстов, сведенных в одно целое и расположенных в определенной последовательности.

жизни, о своих делах и чаяниях, вошло в историю как «**Поучение Владимира Мономаха**».

Это название объединяет 3 текста: собственно «Поучение», автобиографию Мономаха и его письмо к князю Олегу Черниговскому. В совокупности они дают представление о личности автора, не уступающей по своему размаху былинным богатырям.

Кого и чему «поучал» князь Владимир в своем сочинении? Обращаясь в нем к своим детям, Мономах объяснял, каким, по его мнению, должен быть настоящий правитель. При этом он опирался на личный опыт, тем самым показывая, что не только словом, но и делом отвечает за свои убеждения.

Впрочем, дети Мономаха на ту пору сами княжили в разных городах Киевской Руси и, несомненно, уже имели навыки политической деятельности. Поэтому не следует понимать буквально то, что «Поучение» адресовано именно им. В действительности оно обращено ко всем будущим правителям. И вот что удивительно: хотя времена княжеского правления давным-давно ушли в прошлое, да и последовавшая за ними эпоха царей закончилась еще в начале минувшего века, за истекшие столетия наставления Владимира Мономаха практически не устарели. Они по сей день прочитываются как ценное руководство для политиков, находящихся у кормила власти.

Чем же можно объяснить секрет долгожительства этого произведения? Очевидно, тем, что автор вложил в него всю мудрость, приобретенную за долгие годы бурной, исполненной опасностей и великих свершений жизни. Это была мудрость не только правителя, имевшего огромный опыт военных походов, принятия важных политических решений, забот о процветании родной земли, но и мудрость человека, старавшегося жить по законам христианской морали. Именно высокое нравственное звучание принесло «Поучению» Мономаха славу бессмертного духовного завещания потомкам.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. О чем рассказывали древнерусские летописи? Почему мы вправе утверждать, что на летописных текстах лежит отпечаток художественного вымысла?
2. Что вы знаете о старейшем из дошедших до нас летописных сводов Древней Руси?
3. Дайте краткую характеристику «Поучению Владимира Мономаха». Для кого и с какой целью оно было написано?

Комментарий профессора Архивайкина

Легендарный древнерусский правитель. Немногие из древнерусских правителей достигли столь же громкой славы, как Владимир Мономах. Он оставил по себе яркие воспоминания, которые из века в век пересказывались и в царских дворцах, и в крестьянских избах. С его именем были связаны народные представления о могуществе и величии Древнерусского государства. Знаменитая «шапка Мономаха» со временем стала

Золотой амулет-змеевик, принадлежавший Владимиру Мономаху. Был найден под Черниговом в 1821 г.

*Князь Владимир Мономах.
Рисунок XVII в.*

символом царской власти: ею короновались все русские цари, включая последнего царя Российской империи Николая II, расстрелянного в 1918 г. большевиками.

На основании автобиографии Владимира мы можем сделать вывод о том, что он был незаурядным правителем и необыкновенным человеком. Ему была свойственна исключительная отвага, проявлявшаяся не только в многочисленных военных походах, но и на охоте, которая в старину часто превращалась в настоящее испытание. Вот лишь некоторые из приключений, пережитых Владимиром во время «ловов»: «Два тура, — пишет он в «Почуении», — метали меня рогами вместе с конем, олень меня бодал, а из двух лосей один ногами топтал, а другой рогами бодал. Вепрь у меня с бедра меч сорвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мной опрокинул, и Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей».

Князя Владимира отличали также удивительная неприхотливость, трудолюбие, привычка лично следить за порядком, не гнушаясь «некняжеских» дел и не заботясь о своем комфорте. «Что надлежало делать отроку* моему, — писал Мономах в автобиографии, — то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. Ни на посадников** не полагаясь, ни на биричей***, сам делал, что надо было; весь распорядок и в доме у себя также устанавливал. И у ловчих**** охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился».

Известно описание внешности Владимира Мономаха, возможно, восходящее к записям современников: «Лицом был красен, очи велики, власы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростом не вельми велик, но крепкий телом и силен».

(По книге Б. Рыбакова «Мир истории») ●

* Отрок — мальчик-подросток; здесь: слуга.

** Посадник — наместник князя.

*** Бирич — глашатай; иногда — род полицейского служителя.

**** Ловчий — здесь: ведающий охотой.

Владимир Мономах на охоте

Нравственные заветы «Поучения»

Перед чтением. Читая предложенные отрывки из «Поучения Владимира Мономаха», обратите внимание на те мысли автора, которые вы сочтете полезными лично для себя. Выпишите их в тетрадь.

Поучение Владимира Мономаха

(Отрывок)

Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на саях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескучную, — это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на саях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеш к нам, и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» и прочее. И потом собрал я эти полюболюбившиеся слова и расположил их по порядку и переписал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заковать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешных. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Ибо грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущиеся же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир, и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас, когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо пограл меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Пограбили меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: “Если есть награда праведнику — значит, есть Бог, творящий суд на земле”». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздну руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих грех неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала ему» и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей, иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать Слово Господне: «Еде и питью быть без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не много

смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держа книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — моли, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите, да соединимся, говорит Господь. Если будут грехи ваши как обгащенные, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к Светодавцу, скажем: «Слава тебе, Человеколюбец!»».

Поистине, дети мои, разумеите, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить, кровь его пролить вскоре. А Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше разумения нашего терпит, так и во всю жизнь нашу. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они. Ни затворничеством, ни монашеством, ни недоеданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как помыслишь о нем?» «Велик ты, Господи, и чудны дела твои. Разум человеческий не может постигнуть чудеса твои». И снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет? И земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Звери различные и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица, — если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Всё же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им,

то, и имея язык, онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. «И кто не восхвалит тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою: а то, дальнейшее, — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня: если не всё примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» вызывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устранийтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но молвите: смертны суть; сегодня живы, а завтра в гробу; всё это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В доме своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна¹ или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжайте и ночью, расставив охрану со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то пищей и питьем: ибо

¹Тиу́н — название различного рода должностных лиц на Руси в XI—XVII вв. (управляющего княжеским хозяйством, судьи и др.).

они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если будете забывать это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

«Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене, воздавши Богу хвалу, и потом на рассвете, увидев солнце восходящее, с радостью прославьте Бога и молвите: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой дивный!» И еще: «Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. (...)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Что вы узнали о Владимире Мономахе, ознакомившись с информацией о нем и прочитав отрывки из «Поучения»?
2. Какие качества характера, согласно «Поучению», должен воспитывать в себе правитель? Как он должен вести себя в повседневной жизни? Подкрепите ответ цитатами.
3. Какие наставления автор подтверждает личными примерами?
4. На нескольких примерах раскройте связь между наставлениями Владимира Мономаха и законами христианской морали.
5. Найдите в прочитанном тексте описание мироздания. Как в нем передается восхищение автора красотой и мудростью устройства Вселенной? Подумайте над тем, почему Владимир Мономах ввел это описание в «Поучение».

Работа в парах. Выполните следующие задания:

- А. На основе прочитанных отрывков из «Поучения Владимира Мономаха» подготовьте краткий перечень правил поведения правителя. Какие из этих правил могли бы, по вашему мнению, пригодиться современным политикам?
- Б. Объясните употребляемые в «Поучении» выражения: «*иметь страх Божий в своем сердце*»; «*малым делом можно получить милость Божию*»; «*глаза держи книзу, а душу ввысь*».

ПОВТОРЯЕМ И ОБЩЕДМ НАУЧЕННОЕ В ПЕРВОМ РАЗДЕЛЕ

1. С какими памятниками искусства слова Древней Руси вы познакомились в первом разделе? Какие новые сведения о древнерусской культуре вы почерпнули из этого раздела?
2. Перечислите характерные признаки былин. Проиллюстрируйте свой ответ примерами из прочитанных произведений.
3. Чем былинное повествование отличается от летописного?
4. Кратко охарактеризуйте содержание «Поучения Владимира Мономаха». Какие нравственные заветы в нем высказаны?

Групповые задания. Класс делится на 4 группы, каждая из которых должна выполнить одно из предложенных ниже заданий:

А. Представьте, что вы являетесь членами творческого коллектива, который готовит радиозапись былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Разработайте режиссерские требования для актеров-чтецов и специалиста, занимающегося музыкальным оформлением. Сыграйте такой «радиоспектакль» в классе.

Б. Подготовьтесь к пантомимному изображению картины В.М. Васнецова «Богатыри». Покажите свою пантомиму одноклассникам, и пусть они сопоставят ее с репродукцией, помещенной на с. 27 учебника.

В. Придумайте шуточную былинку, рассказывающую о каком-либо запомнившемся событии из жизни вашего класса, или шуточное «поучение» для современных политиков. В своих сочинениях используйте цитаты из прочитанных произведений.

Г. Внимательно рассмотрите репродукцию картины В. Васнецова «Боян», на которой изображен легендарный древнерусский певец, чье имя упоминается в древних литературных памятниках. Дайте ответы на следующие вопросы:

- Каким предстает на полотне Боян? Что придает его образу черты духовного величия?
- Как на картине передается внимание слушателей?
- Как вы думаете, о чем идет речь в песне Бояна? Аргументируйте свой ответ.

В. Васнецов. Боян

**РАЗДЕЛ
ВТОРОЙ**

**Жанры
художественной
литературы**

Консультация профессора Филодогова

По своему читательскому опыту вы уже знаете, чем отличается роман от повести, рассказ от новеллы, а былина от басни. Всё это — разные *жанры* художественной литературы. Один жанр объединяет произведения, написанные разными авторами. Так, жанр литературной сказки объединяет, например, «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина, «Снежную королеву» Х.К. Андерсена, «Пиппи Длинныйчулок»

А. Линдгрен и многие другие авторские сказки. Существует множество жанров, и лишь с немногими из них вы познакомились на протяжении предыдущих лет изучения литературы.

Что же такое жанр?

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Жанр (от франц. *genre* — род, вид) — это вид художественных произведений, например басня, повесть, притча. Каждый жанр имеет свои особенности, которые сохраняются на протяжении веков, но в то же время разные эпохи приносят в него новые черты. Это обеспечивает жанру и долголетие, и постоянное обновление.

Многие жанры, возникшие еще в древности, существуют и в наши дни. Конечно, басни русского поэта XX в. С.В. Михалкова ушли довольно далеко от тех историй, которыми легендарный Эзоп покорял древних греков. Однако в произведениях этих авторов прослеживаются общие черты, позволяющие отнести их к жанру басни.

Знание жанровых особенностей необходимо для того, чтобы глубже понять как смысл произведения, так и его художественную форму. Например, в случае той же басни необходимо знать, что ее сюжет и образы имеют аллегорический поучительный смысл, иначе содержание басни для неопытного читателя останется непонятным. А при чтении былины следует помнить о том, что этот жанр предполагает использование гипербола, повторов, постоянных эпитетов, других фольклорных средств художественной выразительности.

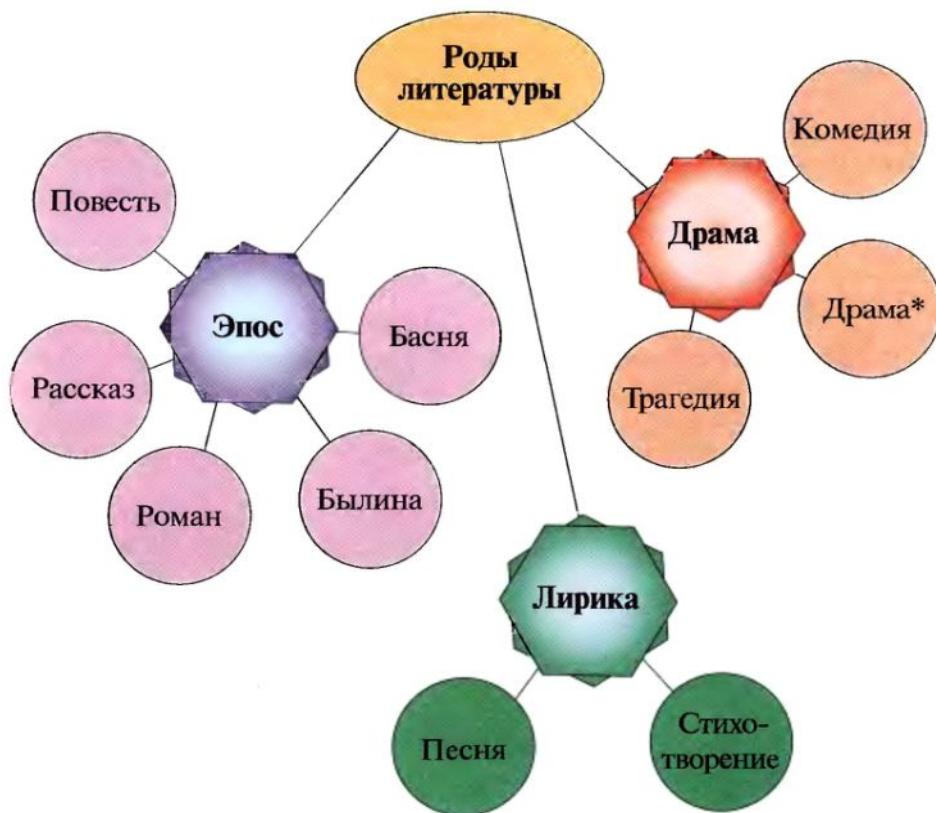
Жанры объединяются в литературные *роды*. Ученые выделяют 3 основных литературных рода: *эпос*, *лирику* и *драму*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

В *эпосе* обычно изображаются события, поступки и внутренний мир людей. Эпические произведения чаще всего написаны в прозаической, реже — в стихотворной форме.

В отличие от эпоса, лирика не столько изображает, сколько выражает. Она выражает переживания и мысли поэта, его внутреннее состояние. Большинство лирических произведений написаны в стихотворной форме. Драма объединяет произведения, написанные для театральной постановки. Самое важное в драме – это действия, поступки героев.

Помещенная ниже схема поможет вам определить, к какому роду относятся некоторые жанры. Постарайтесь ее запомнить. ●

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Что такое жанр? Перечислите известные вам жанры.
2. Установите, к какому литературному роду относятся названные вами жанры. Кратко охарактеризуйте каждый из этих родов.
3. Объясните, почему важно знать характерные черты жанров.

* Термин «дра́ма» обозначает и литературный род, и жанр.

Глава 2

ПОЭЗИЯ, ВСКОРМЛЕННАЯ НАРОДНОЙ ПЕСНЕЙ

*Роберт Бернс
(1759–1796)*

Еще при жизни Роберт Бернс был признан талантливейшим поэтом Шотландии. Песни на его стихи звучали во всех уголках страны. За его книжки бедняки отдавали едва ли не последние гроши. Восторженные речи об этом поэте-самородке не смолкали и в богатых домах. Он был гордостью своих соотечественников.

Успех поэзии Р. Бернса во многом определялся ее глубинной связью с народной жизнью и народным творчеством. А эта связь, в свою очередь, определялась обстоятельствами биографии поэта.

Бернс родился в семье бедного фермера. Нужда с юных лет приучила его к тяжелому крестьянскому труду. В одном из стихотворений поэт рассказывал:

Косить, пахать и боронить
Я научился с детства.
И это всё, что мой отец
Оставил мне в наследство.

(Перевод С. Маршака)

Впрочем, в наследство от отца ему достались еще и чувство собственного достоинства, честность, чистосердечие, неумная тяга к книгам, побуждавшая среди бесконечных фермерских забот находить время для чтения. Благодаря ей выходец из народа, получивший в

Хижина, в которой родился Р. Бернс

<http://shkifniypidruc.ucoz.ru>

детстве самое скромное образование и всю жизнь трудившийся на земле, сумел стать человеком широкой эрудиции и отменного литературного вкуса.

Важным источником, питавшим творческую мысль Р. Бернса, был шотландский фольклор. Любовь к нему поэту привила старая родственница, знавшая множество старинных песен и сказок. Вместе с ее голосом в душу мальчика вливались и ритмы народных мелодий, и образы фантастических существ — фей, колдунов, оборотней, привидений, русалок, великанов, леших. «От этих старых песен... — вспоминал поэт, — во мне прорастали дремавшие зерна поэзии...» В дальнейшем Бернс отдавал много времени и сил собиранию народных песен, преданий, поверий и баллад. Народные напевы вдохновляли его на создание новых стихов — таких же мелодичных, задушевных и задорных.

Однако лирика Р. Бернса была близка к народной не только по звучанию, но и по содержанию. Она была проникнута настроениями искреннего сочувствия людям труда и насмешливого презрения к кичливым богачам. В ней во всём своем многообразии отразилась крестьянская жизнь: изнурительная работа в поле и веселые застолья, древние обычаи и повсе-

Гравюра В. Фаворского

дневный быт, любовные свидания и горькие разлуки. А главное, стихи Бернса были проникнуты народным мироощущением. В них запечатлелась и вера в нравственную силу народа, и щемящая привязанность к родному краю, и трепетное отношение к природе.

К сочинению стихов поэта, если верить его же словам, подтолкнула... первая любовь. Это чувство в 15-летнем юноше вызвала простая деревенская девушка по имени Нелли, помогавшая ему во время жатвы. Вот как об этом рассказывал сам Бернс: «Трудно подобрать для нее слова на литературном английском языке, но у нас в Шотландии про таких говорят: хорошая, пригожая да ласковая. Одним словом, она, сама того не зная, впервые пробудила в моем сердце ту пленительную страсть, которую я и по сей день, несмотря на горькие разочарования, опасливую житейскую мудрость и книжную философию, считаю самой светлой из всех человеческих радостей, самой дорогой нашей усладой на земле... Никогда я не говорил Нелли прямо, что люблю ее... Многое в ней могло вызвать любовь, и притом она еще прекрасно пела. На ее любимый напев я и попытался впервые выразить свои чувства в рифмах... Так для меня начались любовь и поэзия...»

Публикация первой же книги стихотворений Р. Бернса стала литературной сенсацией. У него появились богатые покровители, его стали приглашать на званые вечера. Однако успех не вскружил поэту голову; он понимал, что для многих представителей избранного общества является всего лишь модным автором, и помнил о судьбе своего предшественника, шотландского поэта Р. Фергюссона, умершего в нищете и забвении. Поэтому после шумных столичных приемов Бернс снова возвратился к своему «старому знакомому» — плугу.

Немало испытаний выпало на долю поэта-пахаря. Среди них была и великая нужда, из которой он так и не смог вырваться до конца своей жизни, и великая слава, распахнувшая перед ним, гением-самородком, двери аристократических салонов. Но ничто не могло разрушить его связи с народом и любви к жизни. Стихи Бернса очаровывают своей жизнерадостностью и безыскусностью. Они утверждают веру в лучшие свойства человеческой природы, в победу добра, справедливости и разума на земле.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Почему Р. Бернса называют поэтом-пахарем?
2. Что характерно для лирики этого поэта?
3. Раскройте причины близости поэзии Бернса к жизни и творчеству его народа.

Перед чтением. Подумайте над названием стихотворения, которое вам предстоит прочесть. Попробуйте спрогнозировать, о чем в нем пойдет речь.

Кто честной бедности своей
Стыдится и всё прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И всё такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И всё такое прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатью.

Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всём при том,
При всём при том,
Хоть весь он в позументах*, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

Гравюра В. Фаворского

* Позумент — тесьма, шитая золотом или серебром.

При всём при том,
При всём при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И всё такое прочее!

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести

На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всём при том,
При всём при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

Перевод С. Маршака

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. Какова главная мысль стихотворения «Честная бедность»? Согласны ли вы с ней?
2. Какие достоинства бедных людей прославляет в этом произведении автор?
3. В чем, по мнению поэта, заключается настоящее благородство? Разделяете ли вы его мнение?
4. От чьего лица написано стихотворение? Почему?
5. Каким настроением проникнуто данное произведение? Подумайте над интонациями, которые должны выражать это настроение при чтении стихотворения вслух. Выучите его наизусть.
6. В каких строчках выражается надежда на справедливый и разумный порядок жизни?
Думайте сами! Что сближает «Честную бедность» Р. Бернса с народными песнями?

Глава 3

ОТКРЫВАТЕЛЬ ОСТРОВОВ ДУХОВНЫХ СОКРОВИЩ

Вспомните известные вам произведения Р.Л. Стивенсона (или их экранизации). Чем они вас заинтересовали?

*Роберт Луис
Стивенсон
(1850–1894)*

Роберт Луис Стивенсон известен прежде всего как автор увлекательных приключенческих романов. Особенно любим читателями его «Остров Сокровищ», на основе которого были созданы замечательные кино- и мультипликационные фильмы. Однако далеко не все знают, что, кроме романов, Р.Л. Стивенсон писал еще и стихи. И стихи эти по талантности ничуть не уступают его прозе. Им в той же мере, что и стивенсоновским романам, присущ дух романтики, освещавший не только творчество писателя, но и всю его жизнь.

Р.Л. Стивенсон родился в столице Шотландии, городе Эдинбурге. Родители надеялись, что он продолжит семейную традицию и, следом за дедом и отцом, станет строителем маяков. Но юный Роберт Луис

хотел присоединиться к тем, кто в штиль и шторм прокладывает путь на маяк — его влекла романтика путешествий. Он мечтал о них с детства, когда, прикованный болезнями к постели, слушал сказки отца и няни или читал книги об удивительных странствиях. Эти фантазии не остались пустыми грезами: став взрослым, писатель много путешествовал, открывая для себя другие страны и культурные традиции.

Во время одной из поездок по Европе Р.Л. Стивенсон встретил свою любовь — американку Фанни Осборн. Фанни была значительно старше его и имела детей от предыдущего брака, что, с точки зрения родителей писателя, служило серьезным препятствием для женитьбы. Но, вопреки их воле, Стивенсон отправился к любимой в далекую Калифорнию. Плавание через океан и последовавшая за ним поездка в глубь Американского континента едва не погубили тяжело больного Стивенсона. Зато он осуществил свою мечту — женился на женщине, без которой не мыслил жизни. И хотя материальное положение писателя было более чем скромным, каждый день, прожитый вместе с Фанни и ее детьми, он воспринимал как щедрый подарок судьбы. Неудивительно, что неприязнительное жилище, в котором протекали дни семейной жизни, в стихотворениях Стивенсона превращалось в роскошный дворец, вынырывающий из лесной зелени и морской синевы.

Последние годы писателя прошли на острове Самоа, расположенном в Тихом океане. Местные жители полюбили чужестранца, выучившего их язык и принимавшего деятельное участие в решении их проблем.

До конца жизни Р.Л. Стивенсон ощущал себя романтиком-странником. Это ощущение отразилось и в стихотворных строчках, выбитых на камне, что стоит на могиле писателя:

Под звездным небом, на ветру,
Место последнее избери.
Легко жил я, легко умру
И лечь в могилу готов.
На камне могильном напишите так:
«Здесь он хотел оставить знак,
С моря вернулся моряк,
И охотник вернулся с холмов».

В своих произведениях Р.Л. Стивенсон приглашает читателя совершить увлекательные путешествия — не только в пространстве, но и во времени. Они имеют общую цель: увести нас в мир фантазии, где царит романтическая мечта, где разворачиваются необычные события и действуют необычные герои. Такой мир, в частности, предстает перед нами в знаменитой *балладе* Р.Л. Стивенсона «Вересковый мед».

Самоа

«Дворец»
самоанского вождя

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Баллада (франц. *ballade*, от прованс. *balada* — танцевать) — жанр, в основе которого лежит повествование с необычным историческим, легендарным, фантастическим или бытовым сюжетом. В это повествование, как правило, включен диалог (явный или скрытый), в нем нередко присутствуют также зачин и концовка. Характерная черта баллады — эмоциональная оценка изображаемых событий.

Жанр баллады возник в устном народном творчестве. Фольклорная баллада была особенно популярна в Англии и Шотландии XIV–XVI вв. На основе народных баллад или по их образцу писатели создавали собственные (литературные) баллады.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какие сведения о Р.Л. Стивенсоне вам запомнились?
 2. Что характерно для произведений этого писателя?
 3. Дайте определение жанра баллады.
- Думайте сами! Чем отличается фольклорная баллада от литературной?

Перед чтением. Читая балладу «Вересковый мед», обратите внимание на то, как автор выражает в ней свое отношение к героям и к описываемым событиям.

Вересковый мед

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Прогнал он бедных пиктов¹
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилах тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

¹ Пикты — название древнего народа, населявшего территорию современной Шотландии.

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
«Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!»

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
«Слушай, шотландский король.
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,

Выдам заветную тайну!» —
Карлик сказал королю.

Голос его воробыный
Резко и четко звучал:
«Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
И я научу шотландцев
Готовить старинный мед!..»

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик...
И эхом ответил
С обрыва отец-старик:

«Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бредущих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!»

Перевод С. Маришака

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать балладу

1. Учимся осмысливать прочитанное

1. Какое впечатление произвела на вас прочитанная баллада? Что вам в ней понравилось?
2. В каких строфах раскрывается жестокость, с которой шотландский король уничтожал пиктов?
3. Почему отец и сын отказались выдать секрет королю? Не слишком ли высокую, по вашему мнению, цену они заплатили за эту тайну? Правильно ли поступил старик, попросив короля сбросить юного медовара со скалы?
4. Кому из героев автор симпатизирует? Подкрепите свой ответ цитатами.

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Определите главную мысль баллады «Вересковый мед».
2. Можно ли назвать поведение медоваров героическим? Аргументируйте свое мнение.

III. Учимся фантазировать

Представьте, что король оставил юного пикта в живых. Как в этом случае развивались бы события?

IV. Филологический мастер-класс

1. Как, согласно определению жанра баллады, вы бы охарактеризовали сюжет «Верескового меда» — как исторический, легендарный, фантастический или бытовой? Обоснуйте свою точку зрения.
2. Как вы думаете, почему юный медовар не участвует в разговоре с королем?
3. В переводе, который вы прочли, дается следующая характеристика голоса старого медовара: «Голос его воробыный Резко и четко звучал...». Как вы считаете, что подчеркивает эта характеристика: слабость героя или его силу?

Творческое задание. На основе сюжета «Верескового меда» Р.Л. Стивенсона напишите одноименную балладу в прозе.

Глава 4

«ПЕВЕЦ ТАИНСТВЕННЫХ ВИДЕНИЙ...»

**Василий Андреевич
Жуковский
(1783–1852)**

Для своих современников Жуковский был не просто одним из талантливейших поэтов, но и живым олицетворением поэтической души — благородной, бескорыстной, светлой.

Василий Андреевич Жуковский был внебрачным сыном русского дворянина Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки, красавицы Сальхи. От матери мальчик унаследовал красоту, чувствительную натуру и доброту. Крестный отец, обедневший помещик Андрей Григорьевич Жуковский, дал ему свою фамилию. Воспитывался будущий поэт в семье Буниных, окружившей его самой нежной любовью.

Еще в детские годы Василий проявил склонности к музыке, литературе, иностранным языкам и рисованию. Эти способности получили дальнейшее развитие во время его учебы в Благородном пансионе при Московском университете. Именно там Жуковский осознал свое литературное призвание. И именно там он разработал для себя программу нравственного самосовершенствования, включавшую следующие пункты:

- «1. Побороть лень, которая есть паралич души.
2. Избавиться от прирожденной медлительности.
3. Научиться обращать зависть в соревнование или искреннее и приятное удивление.
4. Каждый день — доброму делу, мысли или чувству».

<http://shkifniypidruc.ucoz.ru>

Следуя этой программе, поэт смог стать одним из самых высококультурных людей своего времени.

По завершении обучения В.А. Жуковский решил посвятить себя литературе. Однако идея служения искусству в его сознании была неотделима от идеи служения родине. Поэтому, когда в Россию вступили наполеоновские войска, он без колебаний записался в ополчение. Впрочем, став воином, Жуковский не перестал быть поэтом: опыт сражений (в том числе — и Бородинского) вдохновил его на новые стихи, имевшие большой успех у читателей.

Будучи уже известным поэтом, Жуковский сочетал литературное творчество с педагогической деятельностью. Сначала он давал уроки детям своей сводной сестры, а спустя некоторое время принял предложение стать наставником наследника русского престола.

Жизнь в царском дворце ему, поэту, нуждавшемуся в уединении, доставляла мало удовольствия. И всё же Жуковский продолжал нести свою службу, добросовестно заботясь об образовании юного цесаревича. Он надеялся, что сможет содействовать воспитанию идеального правителя — широко мыслящего, прогрессивного, человеческого, преданного отчизне и народу. Было, впрочем, и другое немаловажное оправдание пребывания поэта при дворе: используя свою приближенность к царской семье, он мог заступаться за тех, кто попадал в немилость к властям. И, надо сказать, его заступничество, обычно вызывавшее раздражение царя, нередко смягчало участь этих людей.

Особое внимание В.А. Жуковский уделял молодым талантам. Он считал своим долгом всячески помогать им. Среди тех, кто пользовался многолетней поддержкой поэта, были А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь. Не последнюю роль сыграл В.А. Жуковский и в освобождении из крепостных Т.Г. Шевченко. Узнав о бедственном положении одаренного украинца, он, предварительно торговавшись с хозяином-крепостником, помог собрать нужную для выкупа сумму.

Велик был вклад В.А. Жуковского в развитие русской литературы. Он определялся не только его поэтическим творчеством, но и переводческой работой. Эти стороны деятельности удачно дополняли друг друга. В качестве переводчика Жуковский переносил на русскую почву величайшие достижения мировой литературы, а в качестве поэта находил оригинальные национальные формы для популярных за границей литературных веяний. Оба направления литературной деятельности принесли богатые плоды при работе поэта с балладами: опыт переводов лучших баллад зарубежных авторов служил ему опорой при создании собственных стихотворений этого жанра.

Ниже вашему вниманию предлагаются 2 баллады В.А. Жуковского. Первая из них, «Перчатка», представляет собой перевод одноименного стихотворения немецкого поэта Фридриха Шиллера, а вторая — «Светлана» — является оригинальным произведением.

Д Л Я
Н Е М Н О Г И Х Ъ .

М О С К В А ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1818.

*Титульный лист альманаха
с переводами В.А. Жуковского
стихов И.В. Гете
и Ф. Шиллера*

1. Расскажите о детских и юношеских годах В.А. Жуковского.
2. С какими видами деятельности поэт сочетал литературное творчество?
3. Какое значение для его поэзии имела переводческая работа? Работа в парах. Обсудите содержание программы нравственного самосовершенствования, разработанной В.А. Жуковским в юности. Какие из ее пунктов вы считаете полезными для себя?

Перед чтением. Читая балладу «Перчатка», определите, что общего между этим произведением и «Вересковым медом» Р.Л. Стивенсона.

Перчатка

Повесть

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лег. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решетки прятнул;
Но видит льва, робеет и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —

Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжелой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. Перескажите содержание баллады «Перчатка». Как вы поняли ее смысл?
2. Какие качества характера Делоржа проявились в его поступке? Можно ли назвать этот поступок рыцарским?
3. Прочитайте описание хищников. Как в нем передана грозная сила зверей? С какой целью автор подчеркивает эту силу?
4. Прочитайте строки, в которых рассказывается о том, как на арену упала перчатка. Случайно ли это произошло?
5. С каким чувством рыцарь возвратил перчатку прекрасной даме? Чем оно было вызвано? Заслужила ли красавица такое отношение?

Комментарий профессора Архивайкина

Исторической основой баллады «Перчатка» послужили предания о развлечениях французского двора времен короля Франциска I (1494–1547). Этот король происходил из династии Валуа и правил страной с 1515 по 1547 г. Его политика была направлена на установление во Франции абсолютной монархии*. Франциск I был известен как покровитель искусств и наук. Он пригласил во Францию итальянских архитекторов и художников, а также открыл гуманистический университет, который с конца XVIII в. стал называться Коллеж де Франс.

Главный герой баллады, рыцарь Делорж, — личность легендарная. Во Франции бытовало множество историй о его отважных поступках и любовных приключениях. ●

Ф. Клуз. Французский король Франциск I на коне. Фрагмент

* Абсолютная монархия — форма правления, при которой верховная власть целиком принадлежит одному лицу.

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: “Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налосе”».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;

И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершился локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в нее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укrotились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.

К. Брюллов. Гадающая Светлана

Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их подыалась

Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...

Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над саями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брежит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони быстрые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и выюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?

Страшен хжины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... выюги нет...
Слабо свечка тлится,
То пролетит дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах

Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о Творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;

Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало склада.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк мой:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ Зиждителя¹ закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. О чем рассказывается в балладе «Светлана»? Чем ее сюжет отличается от сюжетов «Перчатки» и «Верескового меда»?
2. Какие чувства охватывают героиню во время гадания? В каких строках проявляется любовное отношение автора к Светлане?
3. Какие народные обряды и поверья нашли отражение в этой балладе?
4. Рассмотрите репродукцию картины К. Брюллова «Гадающая Светлана» (с. 54). Какой момент гадания, по вашему мнению, запечатлел художник?

¹ Зиждитель (устар.) — создатель.

АРТ-САЛОН

*Темы и образы стихотворений
Р. Бернса и В.Д. Жуковского
в поэзии, музыке, живописи*

Со сделанным В.А. Жуковским переводом «Перчатки» Ф. Шиллера в русской литературе соперничает перевод Михаила Юрьевича Лермонтова. Ниже это произведение предлагается вашему вниманию.

Перчатка

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блёстел.

Вот царскому знаку внимают,
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.

*Иллюстрация к
балладе Ф. Шил-
лера «Перчатка».
Немецкое издание
XIX в.*

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится,
И невольно ложится
Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытаться я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

*

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад,
Отсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недальнего счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!»
И гордую тотчас покинул.

Сравните прочитанное произведение с переводом В. А. Жуковского; определите главные различия между этими текстами. Какой из вариантов перевода вам нравится больше? Почему?

Какая из баллад Жуковского кажется вам подходящей основой для музыкального произведения?

Многие стихотворения В. А. Жуковского были словно созданы для того, чтобы быть положенными на музыку. Композиторов привлекала свойственная им утонченность переживаний, романтично-взволнованное настроение,

Каким вы представляете это произведение (его настроение, темп, ведущие музыкальные инструменты, голос певца)?

живописность образов, мелодичность. Среди тех, кто сочинял музыку на стихи этого поэта, были А.А. Алябьев, А.С. Даргомыжский, А.Е. Вардамов, П.И. Чайковский, С.В. Рахманинов. Лучшие из их произведений пополнили сокровищницу классического русского романса*.

Тема «честной бедности», поднятая в одноименном стихотворении Р. Бернса, была одной из главных в творчестве голландского художника Яна Вермеера ван Делфта (1632–1675). С огромной любовью он изображал повседневную жизнь людей из народа, подчеркивая в их образах физическую и нравственную красоту, чувство уважения к своему труду, внутреннюю силу и достоинство.

Внимательно рассмотрев репродукции картин Вермеера «Молочница» и «Кружевница» (с. 60), ответьте на следующие вопросы:

1. Что придает этим будничным сюжетам праздничный характер?
2. С каким настроением героини занимаются своим делом? Аргументируйте ответ, опираясь на детали художественного изображения.
3. Что в образах обеих женщин свидетельствует о внутреннем спокойствии и достоинстве?

Ян Вермеер ван Делфт. Молочница

На полотне «Молочница» образ статной и милостивой служанки дополняется детально выписан-

* Романс – музыкальное произведение для голоса с сопровождением фортепиано или каких-либо других инструментов, имеющее более сложную, чем песня, форму.

ным натюрмортом*. В общем замысле картины он играет важную роль: создавая впечатление, будто обыденные предметы светятся изнутри, художник добивается эффекта превращения обычного утра в радостный и светлый праздник.

Ян Вермеер ван Делфт. Кружевница

Какой вы представляете возлюбленную Делоржа из баллады В.А. Жуковского «Перчатка»? Возможно, увидеть ее образ вам помогут прекрасные дамы с полотен живописцев прошлых эпох — Л. Кранаха Старшего (1472–1553), Г. Гольбейна Младшего (1498–1543) и Э. Берн-Джонса (1833–1898). Какой из этих портретов вы порекомендовали бы использовать в качестве иллюстрации к «Перчатке»? Обсудите свой выбор.

В образе героини картины «Кружевница» Вермеер акцентирует предельную сосредоточенность и увлеченность работой. Благодаря тому что девушка изображена на фоне пустой стены, ничто не отвлекает внимания зрителя от ее лица и рук. Красные и белые нити, расположенные на картине слева от кружевницы, прорисованы нечетко; любой из современных Вермееру художников изобразил бы их более точно. Зато Вермеер придал им живой, блестящий тон, а вместе с тем — и удивительную достоверность.

* Натюрморт (от франц. *nature morte* — буквально: мертвая природа) — рисунок или картина с изображением предметов: цветов, фруктов, битой дичи, рыбы, утвари и т.п.

Л. Кранах Старший.
Портрет
молодой дамы

Г. Гольбейн Младший.
Портрет
Анны Клевской

Э. Берн-Джонс.
Сидония фон Борк

Глава 5

«ДАНА МНЕ ЛИРА ОТ БОГОВ...»

«Будь молод в юности твоей!»

Что вам известно о жизни и творчестве А.С. Пушкина? Какие произведения этого поэта вы уже читали?

«Мы чтить тебя привыкли с юных лет...» — такими словами начинает свое стихотворение «Памяти Пушкина» А.Н. Плещеев. Действительно, в жизнь каждого из нас Пушкин входит с ранних лет, когда мы впервые знакомимся с его сказками. В школьные годы мы открываем другого Пушкина — гениального поэта и прозаика, основоположника классической русской литературы XIX в. «У нас ведь всё от Пушкина», — сказал как-то русский писатель Ф.М. Достоевский, тем самым подчеркнув роль первооткрывателя, выпавшую на долю этого поэта. Но, воздавая дань глубокого уважения поэзии Пушкина, важно помнить о том, что блеск ее славы не должен затмить личности художника — не менее яркой, чем сама эта слава.

Александр Сергеевич
Пушкин
(1799–1837)

С детских лет Александр удивлял окружающих своими поэтическими способностями, насмешливым и независимым умом, пылким нравом. Эти черты выделяли его и среди воспитанников Царскосельского лицея — престижного учебного заведения для избранных

Царское Село. Неизвестный художник. 1820-е годы

старшинства. Напротив, он искренне восхищался творческими успехами младшего собрата по перу и с легким сердцем признавал превосходство пушкинского поэтического дара над своим. В.А. Жуковский ввел Пушкина в литературное общество «Арзамас». Общение с «арзамасцами» (особенно в ту пору, когда среди них появились вольнодумцы, высказывавшиеся о необходимости изменения политического строя в России) не только способствовало творческому развитию молодого поэта, но и оказало значительное влияние на его мировоззрение в целом.

Под знаком возрастающего политического свободомыслия прошли первые 3 года послелицейской жизни Пушкина, совпавшие с особым периодом в русской истории. Победа над Наполеоном пробудила в обществе сознание собственной силы, жажду деятельности и чувство протеста против крепостничества, которое позорным пятном лежало на облике России. В молодом поколении дворян появилось немало рыцарей идеи свободы, готовых вступить в борьбу с царским правительством и пожертвовать собой ради изменения политического строя. Со многими из них А.С. Пушкин тесно общался, и дух этого общения всё глубже проникал в его стихи. Показательно, что в написанном тогда стихотворении с красноречивым названием «Вольность» поэт демонстративно отказывался от любовной поэзии в пользу вольнолюбивой музыки. А в другом произведении того же периода он чистосердечно заявлял:

Литературные вечера у В.А. Жуковского

дворянских детей. И хотя по ряду дисциплин юный Пушкин отнюдь не радовал наставников прилежанием, Лицей по праву мог гордиться его творческими успехами, получившими признание самых авторитетных литераторов того времени.

Важную роль в жизни поэта сыграл В.А. Жуковский. В его лице Пушкин неизменно находил поддержку, доброту и душевную теплоту. Жуковский относился к нему, как любящий старший брат, однако не подчеркивал своего

Свободу лишь учась славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.

Подобные стихи отвечали главным умонастроениям и духовным потребностям прогрессивно мыслящей части дворянского общества. Однако нашлись завистливые недоброжелатели, добровольно доносившие царскому правительству о «возмутительных сочинениях, высказываниях и выходках» поэта. Последствия не заставили себя ждать: над Пушкиным нависла угроза ссылки. Только благодаря заступничеству влиятельных друзей он был сослан не в Сибирь, а на юг.

В период изгнания, длившийся с 1820 по 1824 г., поэт много путешествовал, в том числе — и по территории современной Украины: он побывал в Крыму, Чернигове, Екатеринославе (ныне Днепропетровск), Одессе... Побывал Пушкин и на Кавказе, некоторое время жил в Кишиневе. Но ни изнурительные скитания, ни постоянные денежные затруднения, ни сомнительное положение изгнанника не сломили свободный дух поэта. И в ссылке он продолжал общаться с благородными вольнодумцами и сочинять бунтарские стихи. Именно в эти годы, по словам литературоведа Ю.М. Лотмана, «...имя Пушкина сделалось известным всей читающей России», а сам Пушкин стал «кумиром романтической молодежи».

*Г. и Н. Чернецовы.
Пушкин в Бахчисарайском дворце. 1837 г.*

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какое место занимает творчество А.С. Пушкина в истории русской литературы?
2. Как сложились отношения Пушкина с В.А. Жуковским? Что дала эта дружба молодому поэту?
3. Чем было вызвано решение царского правительства отправить его в ссылку? Где побывал поэт за время изгнания?

По страницам лирики А.С. Пушкина

Сложные чувства испытывал поэт во время южной ссылки. Гонения не пошатнули его веры в святость идеи свободы и не погасили его протеста против давления царского режима. Кроме того, новые края обогатили Пушкина яркими впечатлениями, встречами с интересными людьми, богатыми любовными переживаниями. Всё это составляло светлую сторону опыта южной ссылки. Однако была в нем и темная сторона. Вдали от бурной столичной жизни, пребывая под неусыпным надзором властей, Пушкин остро ощущал ограниченность своей свободы. Нередко он чувствовал себя настоящим узником. Это чувство поэт выразил в стихотворении, которое так и называл — «Узник». Оно стало классическим произведением *русской гражданской лирики*. Со временем на основе этого стихотворения сложилась народная песня.

Перед чтением. Читая стихотворение «Узник», подумайте, почему оно написано от первого лица.

Узник

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. Каким настроением проникнуто стихотворение «Узник»? В каких его строках звучит призыв к свободе?
2. Какую роль в стихотворении играет образ орла?
3. Какие человеческие свойства приписывает этому образу поэт?
4. В каких строках образы орла и узника соединяются в единое «мы»? Раскройте смысл такого соединения. Объясните, к кому относится название стихотворения «Узник».
5. Раскройте художественно-выразительную роль повтора слова «туда» в третьей строфе.
6. Обратите внимание на образы природы, которые включены в картину свободной жизни, нарисованную в последней строфе. Почему, по вашему мнению, поэт задействовал здесь именно эти образы? А каким представляете «край свободы» вы? Опишите его (устно).

Консультация профессора Филолога

Вольнолюбивая лирика составляет лишь часть поэтического мира А.С. Пушкина. Значительное место в нем занимает *пейзажная и любовная поэзия*. Ряд пушкинских стихотворений, посвящен философским размышлениям о жизни и смерти, превратностях судьбы и беге времени. Такие стихотворения принято называть *философской лирикой*. Впрочем, подобные размышления звучат не только в философской поэзии этого автора; склонность к ним является характерной чертой пушкинского *лирического героя*. ●

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯДКА

Лирический герой — это образ поэта в лирике, художественный «двойник» автора, наделенный определенными чертами характера, а иногда — и индивидуальной судьбой.

Между лирическим героем и автором существует сходство, однако в этот образ, как и в любой другой, автор привносит элементы художественного вымысла. Поэтому не следует думать, будто лирический герой и автор — это одно и то же лицо.

Вы сможете поближе познакомиться с лирическим героем пушкинской поэзии, прочитав представленные ниже стихотворения.

Цветок

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем?
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какое событие описывается в стихотворении «Цветок»? Как это событие переживается лирическим героем, на какие размышления его наталкивает?
2. Выделите в череде вопросов лирического героя те, что нацелены на осмысление человеческих отношений и человеческой судьбы.
3. В чем, по вашему мнению, заключается философский смысл уподобления человеческой жизни засохшему цветку (четвертая строфа)?
4. Какие советы дает поэт в стихотворении «Если жизнь тебя обманет...»? Полезны ли такие советы лично для вас?
5. Что вы можете сказать о характере лирического героя 2-х прочитанных стихотворений? Как он воспринимает жизнь?
6. Придумайте историю засохшего цветка. Сочиняя ее, постарайтесь использовать как можно больше вопросов, заданных лирическим героем «Цветка».
7. Выучите наизусть любое из помещенных в этой главе стихотворений А.С. Пушкина.

По страницам прозы А.С. Пушкина

Чем повесть отличается от рассказа и романа? Назовите повести, изученные вами в предыдущих классах. Вспомните автора, который в своем сборнике повестей воспользовался литературной маской «пасичника Рудого Панька». Что дала ему эта маска? А как назывался этот сборник?

Осень 1830 г. А.С. Пушкин проводил в родовом имении Болдино. Этот период стал самым продуктивным в его творчестве. В течение нескольких месяцев он написал невероятное количество произведений, совершенных по своему художественному исполнению. В их числе — цикл «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», отметивший собой вершину русской классической прозы.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Цикл (от греч. *kyklos* — круг) — группа произведений (стихотворений, рассказов, повестей и т.д.), объединенных автором в одно целое. Между этими произведениями существует внутренняя связь, которая важна для понимания их общего замысла.

В упомянутом выше цикле Пушкин прибегнул к розыгрышу: он использовал литературную маску вымышленного помещика Белкина, перу которого якобы принадлежат вошедшие в книгу повести. За собой же писатель оставил роль скромного «издателя», в чьи руки якобы случайно попала рукопись этого помещика. Для большей убедительности в предисловии к книге Пушкин поместил краткое жизнеописание Белкина. Согласно ему, Иван Петрович Белкин, умерший в 30-летнем возрасте, был милейшим человеком, который в деревенской тиши сочинял повести, не помышляя о том, чтобы представить их на суд читательской публики. После смерти Белкина, гласит жизнеописание, большая часть его архива была употреблена на хозяйственные нужды. Чудом уцелевшая рукопись «Повестей...» неведомо какими путями попала к «издателю», посчитавшему ее достойной публикации. Такой, по версии Пушкина, была предыстория этой книги.

Консультация профессора Филолога

Цикл «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» состоит из 5-ти произведений: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка». Они очаровывают своей простотой и легкостью. Но за этим безыскусным очарованием скрывается весьма искусное владение разнообразными художественными приемами. Оно, в частности, проявляется в мастерской *композиции* каждой из повестей.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Композиция — это построение художественного произведения, обусловленное его содержанием и жанром.

Главной пружиной композиции в каждом произведении пушкинского цикла выступает *интрига*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Интрига (франц. *intrigue*, от лат. *intrico* — запутываю) — сложное и напряженное сплетение действий персонажей, которые для достижения своих целей прибегают к уловкам и сокрытию своих намерений. Интрига обычно вводится в сюжеты с приключенческими элементами.

Читая любую из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», вы непременно почувствуете, как автор подогрывает интерес к интриге, обрывая повествование на самом интересном месте и предельно оттягивая окончательное разрешение запутанной ситуации. ●

Вспомните содержание библейской притчи о блудном сыне.

Перед чтением. Читая повесть, отметьте моменты, в которых ее сюжет перекликается с упомянутой библейской притчей.

Станционный смотритель

(Из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина»)

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Князь Вяземский

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель?

Суший мученик четырнадцатого класса¹, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Чрез пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь² бросает ему на стол свою дорожную³!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Еще несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего смотрители со мною не церемонились, и часто брал я с бою то, что, во мнении моем, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я выкинуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губер-

¹ Мученик четырнадцатого класса — то есть коллежский регистратор, чиновник низшего разряда по Табели о рангах.

² Фельдъегерь — правительственный курьер.

³ Подорожная — бумага на право проезда.

Иллюстрация О. Якутович

наторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например, *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трех верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю, «Эй, Дуня! — закричал смотритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота ее меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я смотрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия, — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына: в первой почтенный старик в колпаке и шляфórке¹ отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шляфórке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой

¹ Шляфóрк (шляфóрк) — спальная одежда, халат.

Иллюстрация О. Якутович

прочел я приличные немецкие стихи. Всё это доньше сохранилось в моей памяти, также как и горшки с бальзамином, и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сюртук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечат-

ление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые глаза: я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения ее поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев, «с тех пор, как этим занимаюсь», но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменен; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моем, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картины, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его сдину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его, — мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отвечал он угрюмо, — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебывало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А Бог ее знает», — отвечал он. «Так видно она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал шепотом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомого.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно

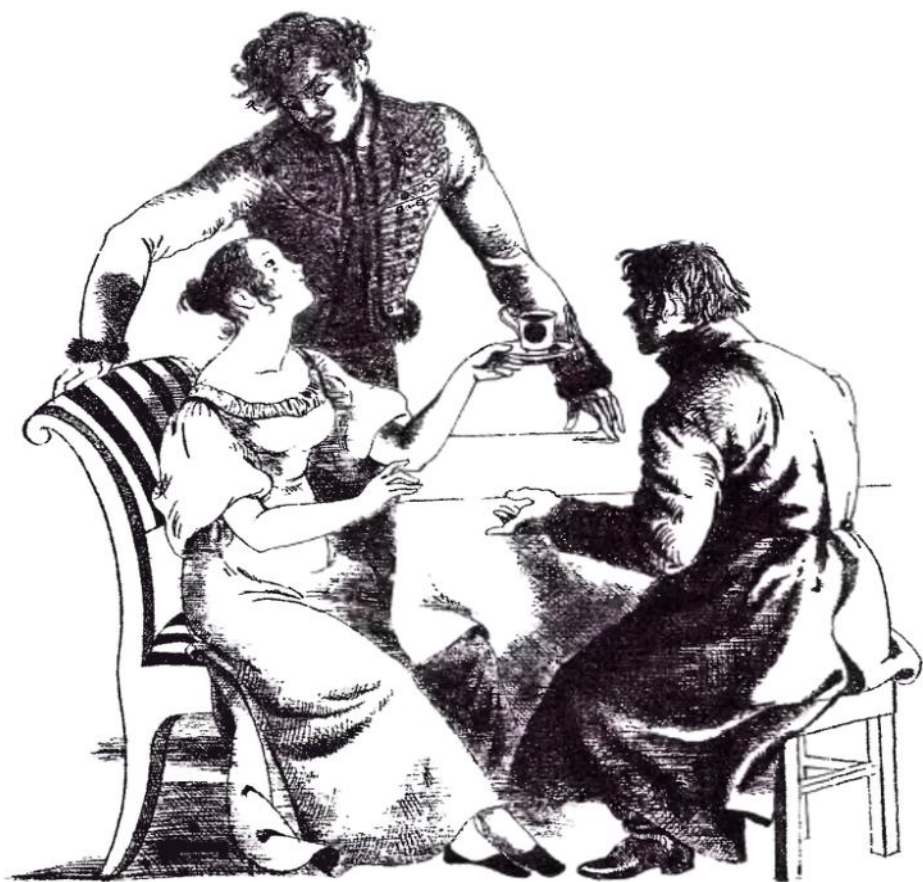

Иллюстрация О. Якутович

рассказывать мне свое горе. — Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиnevывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошел в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сём известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное свое действие. Гнев проезжего прошел; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпутав шаль и слернув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с черными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но возвратясь, нашел он молодого человека почти без памяти лежащего на

лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьем у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и охая заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своей рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки, и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

Прошел еще день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дунею, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полубылся доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обедне. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дунею и вызвался довезти ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление, и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошел сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошел в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились еще в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошел домой ни жив ни мертв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила ее крестная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил ее. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелен, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снес своего несчастья; он тут же слег в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил

смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда еще догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец, или только желал похвастаться дальновидностью, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправясь от болезни, смотритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своем намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вез его, сказывал, что всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. «Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку, в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живет в Демутовом трактире. Смотритель решился к нему явиться.

Рано утром пришел он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушел и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье¹. «Что, брат, тебе надобно?» — спросил он его. Сердце старика закипело, слезы навернулись на глазах, и он дрожащим голосом произнес только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повел в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало: отдайте мне по крайней мере бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж ее понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве, — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублевых смятых ассигнаций². Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошел!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть раз еще увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошел.

¹ Скуфья — круглая шапочка.

² Ассигнация — бумажные деньги.

Иллюстрация О. Якутович

В этот самый день, вечером, шел он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трехэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он, — не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?» — «Да вот что: барин твой приказал мне

отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живет». — «Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у нее». — «Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, — спасибо, что надоумил, а я свое дело сделаю». И с этим словом пошел он по лестнице.

Двери были закрыты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка, — зачем тебе ее надобно?» Смотритель, не отвечая, вошел в залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслед ему служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шел далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошел к растворенной двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, намазывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер. Испуганный Минский кинулся ее подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошел к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы, — что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошел вон!» — и сильной рукою, схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришел к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступить. Через два дни отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принял за свою должность. «Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, бог ее ведает. Всяко случается. Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голю кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согресишь, да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева. Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули мое сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно еще, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моем приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных

деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителю могилу».

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повел меня за околицу.

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезать. Бывало (царство ему небесное!), идет из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков!» — а он нас орешками и наделяет. Всё, бывало, с нами возится.

— А проезжие вспоминают ли его?

— Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернет, да тому не до мертвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня? — спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка, — ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной москвою; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на груды песка, в которую врыт был черный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Ванька, — я смотрел на нее издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пятачок и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать повесть

1. Учимся осмысливать прочитанное

1. Расскажите о жизни Выриных до того дня, когда в их доме появился гусар. В каких деталях раскрывается беззаветная любовь отца к дочери? Разделяла ли Дуня это чувство?

2. К какой хитрости прибегнул офицер для того, чтобы похитить дочь станционного смотрителя? Какую роль в этом событии, по вашему мнению, сыграла сама Дуня? В чем заключалась жестокость ее поступка? Была ли такая жестокость оправдана?

3. Как подействовал на Вырина побег дочери? Почему он решил отправиться на поиски Дуни?
4. Расскажите о визите Самсона Вырина к Минскому. Как повел себя офицер во время этой встречи? Чем он мотивировал свой отказ? Найдите соответствующую цитату и дайте ей оценку. Как вы думаете, из каких побуждений Минский при прощании дал Вырину деньги? Как поступил с ними отец девушки?
5. Убедившись, что дочь живет в благополучии и любви, Вырин мог бы утешиться, однако этого не произошло. Что его тревожило? В чем заключалась непоправимость его горя?
6. Раскаивалась ли Дуня в своем поступке? Обоснуйте ответ цитатами из текста.

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Кому из героев повести вы больше всего сочувствуете? Почему?
2. В образе станционного смотрителя А.С. Пушкин изобразил «маленького человека» — то есть человека, который занимает низкое положение в обществе и чувствует себя незащищенным перед теми, кто наделен силой и властью. Что вы можете сказать о внутреннем мире этого героя?
3. Какие нравственные проблемы поднимает писатель в этом произведении?
4. Возможно, прочитанная повесть побудила вас переосмыслить свои отношения с родителями. Что именно она помогла вам осознать? Какой нравственный урок вы можете извлечь для себя из истории Самсона Вырина?

III. Учимся фантазировать

Групповые задания. Разбившись на 2 группы, выполните одно из предложенных ниже заданий:

- А. Придумайте, каким образом Дуня могла бы исправить совершенную ошибку.
- Б. Пофантазируйте о том, как сложится жизнь Дуни в будущем. Будет ли она счастлива?

IV. Филологический мастер-класс

1. В чем состоит интрига «Станционного смотрителя»? Когда она возникает? А когда наступает ее окончательная развязка?
 2. Как переживания Самсона Вырина отразились на его внешности? Найдите соответствующие цитаты.
 3. Проследите за изменениями, которые происходят с жилищем станционного смотрителя. Что они подчеркивают?
 4. Раскройте связь идеи повести «Станционный смотритель» с притчей о блудном сыне; определите общие и отличные элементы в сюжетах данных произведений. В каком эпизоде пушкинской повести эта связь открыто проявляется?
 5. Что вы можете сказать о характере повествователя и его отношении к главному герою истории? Какие чувства повествователь стремится пробудить в читателе?
 6. Перечитайте эпиграф. Как он соотносится с содержанием повести?
- Творческое задание.** Каждый читатель открывает *своего* Пушкина. Известная русская поэтесса М.И. Цветаева так и озаглавила свои размышления о нем: «Мой Пушкин». А как воспринимаете этого поэта вы? Подготовьте небольшое сочинение на тему «Мой Пушкин».

Глава 6

«В УМЕ СВОЕМ Я СОЗДАЛ МИР ИНОЙ...»

«Венец певца, венец терновый!»

Что вы знаете о детстве и юности М.Ю. Лермонтова? Какие из его стихотворений вам запомнились?

Имя Михаила Юрьевича Лермонтова стоит в одном ряду с именем А.С. Пушкина. Русский поэт XX в. Б.Л. Пастернак писал: «Пушкиным началась наша современная культура, наше современное мышление и бытие. Пушкин возвел дом нашей духовной жизни... Лермонтов был его первым обитателем».

Судьба этого «первого обитателя» сложилась трагично: Лермонтов погиб на дуэли, не дожив и до 30-ти лет. Есть печальный символический смысл в том, что местом гибели поэта стал Кавказ — край, который он горячо любил и многократно изображал в своих стихах и рисунках. Как это порой случается, Лермонтов предчувствовал трагическую развязку своей жизни: в ряде стихотворений он настойчиво возвращался к мысли о близкой «кровавой» смерти. Одну из самых поразительных пророческих картин такого рода мы встречаем в стихотворении «Сон», которое было написано незадолго до дуэли, стоившей поэту жизни:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...

Впервые Лермонтов увидел Кавказ в 10-летнем возрасте. Главное, что его тогда поразило, — это вид громадных гор, столь непривычный для глаз ребенка, росшего среди равнинных пейзажей. Здесь, на Кавказе, мальчик открыл для себя романтический мир — «страну чудес». Воспоминания об этом мире согрели его душу в годы непростого взросления, протекавшие сначала в Благородном пансионе при Московском университете, затем в самом университете и, наконец, — в юнкерской школе. Картины величественной кавказской природы воскресали в воображении молодого Лермонтова и в то время, когда он задыхался в душливой атмосфере светской жизни. Туда, на Кавказ, поэт вернулся уже офицером действующей армии. Участвуя в схватках с горцами, он проявил лучшие воинские качества.

Михаил Юрьевич
Лермонтов
(1814–1841)

Тетрадь М.Ю. Лермонтова
с его последними стихами

Вот каким остался Лермонтов в воспоминаниях тех, кто встречал его на войне: «Поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы». Один из офицеров-кавказцев, К. Мамацев, рассказывал: «...повсюду поручик Лермонтов, везде первым подвергался выстрелам... и во главе отряда оказывал самоотвержение выше всякой похвалы...» За проявленную отвагу М.Ю. Лермонтов был представлен к награждению золотой саблей, но царь Николай I, раздраженный вольномыслием и «неблагонадежностью» поэта, попросту вычеркнул его фамилию из списка...

Нелепая дуэль, состоявшаяся под кавказским небом, оборвала жизнь гения на взлете. Но своеобразным памятником и этой жизни, и многокрасочному кавказскому миру стало творчество М.Ю. Лермонтова. Его поэзия и проза изобилуют горными пейзажами, описаниями диких и местных обычаев, образами свободолюбивых и своенравных горцев, рассказами о мирной

М. Лермонтов. Тифлис

и военной кавказской жизни. И хотя кавказская тема — лишь одна из многих в творчестве М.Ю. Лермонтова, она играет исключительно важную роль в его художественном мире. В ней с особой остротой выразились романтические переживания поэта, его жажда свободы и порыв к идеальному миру.

Спустя несколько лет после смерти Лермонтова Россию посетил французский писатель А. Дюма — автор «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо» и многих других знаменитых романов. Побывал он и на Кавказе, в тех местах, где служил поэт. «Знаете ли, чем занимался мой ум в это время? — признавался писатель. — Невольными воспоминаниями и невольным переводом на французский язык оды Лермонтова, с которой меня познакомили в Петербурге и о которой я совершенно забыл. Ода называется “Дары Терека”^{*}. Никакой шум не соответствует лучше поэтическому размеру, чем шум реки».

Испытывая огромный интерес к личности М.Ю. Лермонтова, Дюма перевел несколько его стихотворений на французский язык и опубликовал сведения о его жизни. Это была первая, не только на Западе, но и в России, биография поэта.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Какую роль в жизни М.Ю. Лермонтова сыграл Кавказ?
2. Чем привлекал поэта этот край?
3. Каким предстает М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников?
4. Как вы думаете, почему А. Дюма заинтересовался жизнью и творчеством Лермонтова?

Из стихотворений М.Ю. Лермонтова о Кавказе

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор;
Люблю я Кавказ!..

^{*} Тёрек — река на Кавказе.

М. Лермонтов. Пятигорск

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какие чувства поэта выражены в стихотворении «Кавказ»? С какими интонациями его следует читать? Подготовьтесь к выразительному чтению этого произведения в классе.
2. С чем поэт сравнивает Кавказ? О чем свидетельствует это сравнение?
3. Какие факты из жизни М. Ю. Лермонтова отразились в прочитанном вами стихотворении? (Найдите соответствующие цитаты.) Как эти факты в воображении поэта связываются с кавказской природой?
4. Вы, конечно, обратили внимание на то, что каждая строфа стихотворения заканчивается одной и той же строкой: «Люблю я Кавказ». Что подчеркивает этот повтор?

Кавказ в лермонтовских поэмах

Кавказская тема нашла отражение в целом ряде лермонтовских *поэм*: «Азраил», «Ангел смерти», «Измаил-Бей», «Хаджи Абрек», «Демон» и др.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Поэма (греч. *poiēma*, от *poiēō* – делаю, творю) – крупное стихотворное произведение с лирическим или повествовательным сюжетом.

К числу лучших «кавказских» поэм М.Ю. Лермонтова принадлежит «Мцыри». В этой поэме рассказывается о нескольких днях из жизни обитателя одного из кавказских монастырей. Ее замысел возник в 1837 г., когда, путешествуя по Старой Военно-Грузинской дороге, поэт познакомился с неким монахом, поведавшим ему историю своей жизни. Это был горец, в детстве попавший в плен к легендарному генералу Ермолову. Во время похода мальчик заболел, и генерал оставил его на попечение монахов. В монастыре он вырос и возмужал. Нелегко было вольнолюбивому сыну гор привыкнуть к монастырской жизни; он тосковал по родным местам и несколько раз пытался бежать. Следствием одной из таких попыток стала длительная болезнь, едва не стоившая беглецу жизни. Выздоровев, юноша смирился со своей участью и остался в монастыре. Эпизод его побега и был положен М.Ю. Лермонтовым в основу сюжета поэмы «Мцыри».

Работая над этим произведением, поэт значительно расширил рассказ монаха: главным образом, за счет живописных пейзажных зарисовок и детальных описаний душевных состояний главного героя (его воспоминаний, грез, впечатлений и переживаний). Все эти *отступления* «уводят» сюжет в сторону, замедляя ход изображаемых событий. Однако они несут важную художественно-смысловую нагрузку: именно из них складывается картина напряженной душевной жизни главного героя.

Подобные отступления называются *лирическими*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Лирическое отступление — это слова повествователя, прямо не связанные с описываемыми событиями, но содержащие в себе важные комментарии и эмоциональные оценки изображаемых явлений.

Перед чтением. Читая поэму, обратите внимание на то, как чувства главного героя окрашивают собой картины природы.

Мцыри¹

Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю.

1-я Книга царств

I

Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь шумят
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы

¹ Мцыри на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Прим. Лермонтова.)

И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадилиц благонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год
Вручал России свой народ.

И Божья благодать сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился — даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал,
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного при́зрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел вздыхая на восток,
Томим неясною тоской

По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом,
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал,
И с каждым днем приметно вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать;
Т А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,

Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

«Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах,
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов — “отец” и “мать”,
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен.
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил

М. Лермонтов. Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты

Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы, теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

«Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пусть теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

«Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежее толпой,
Как братья, в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!

Простерты в воздухе давно
Объяты каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтися никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

7

«И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и, как сон,
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей

И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ушелье там бежал поток,
Он шумен был, но не глубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они, перед дождем,
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

8

«Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

«Бежал я долго — где, куда,
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только. Много я часов

Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча, я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

«Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор.
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудюю камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

«Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,

И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж деревьев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

«Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной:
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,

И жадно я припал к волне.
Вдруг голос — легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд,
И жадно вслушиваться стал.
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

13

«Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее, и зной
Дышал от уст ее и шек,
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной

Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь.
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

«Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралась за ней,
Как за добычею своей,
Объяты жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе, — и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

«Напрасно в бешенстве, порой,
Я рвал отчаянной рукой

Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшной и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на деревá;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горячею росой...
Но верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

М. Лермонтов. Кавказский вид с верблюдами

«Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный лес,
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

«Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,

Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

«Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Славил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

«Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит,
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
«Она смеялась надо мной!

«Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав,
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут всё ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

«Да, заслужил я жребий мой!
 Могучий конь в степи чужой,
 Плохого сбросив седока,
 На родину издалека
 Найдёт прямой и краткий путь...
 Что я пред ним? Напрасно грудь
 Полна желаньем и тоской:
 То жар бессильный и пустой,
 Игра мечты, болезнь ума.
 На мне печать свою тюрьма
 Оставила... Таков цветок
 Темничный: вырос одинок
 И бледен он меж плит сырых,
 И долго листьев молодых
 Не распускал, всё ждал лучей
 Живительных. И много дней
 Прошло, и добрая рука
 Печалью тронулась цветка,
 И был он в сад перенесен,
 В соседство роз. Со всех сторон
 Дышала сладость бытия...
 Но что ж? Едва взошла заря,
 Палящий луч ее обжог
 В тюрьме воспитанный цветок...

«И, как его, палил меня
 Огонь безжалостного дня.
 Напрасно прятал я в траву
 Мою усталую главу;
 Иссохший лист ее венцом
 Терновым над моим челом
 Свивался, и в лицо огнем
 Сама земля дышала мне.
 Сверкая быстро в вышине,
 Кружились искры; с белых скал
 Струился пар. Мир божий спал
 В оцепенении глухом
 Отчаянья тяжелым сном.
 Хотя бы крикнул коростель,
 Иль стрекозы живая трель
 Послышалась, или ручья
 Ребячий лепет... Лишь змея,
 Сухим бурьяном шелестя,
 Сверкая желтою спиной,

Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежась на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

«И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред. Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть,
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне.
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась

Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: "Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

*

"Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

"Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

"О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою..."

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Слиwała тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

«Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих

25

«Прощай, отец... дай руку мне;
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожест свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

«Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать —
Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упыюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины холодный пот,
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!»

I. Учимся осмысливать прочитанное

1. Какое впечатление произвела на вас поэма «Мцыри»? Какие ее эпизоды показались вам наиболее интересными?
2. Что автор сообщает о детстве главного героя? Какие черты характера мальчик проявил во время болезни, из-за которой вынужден был остаться в монастыре?
3. Как герой чувствовал себя в монастыре? Действительно ли он со временем привык к своему новому обиталищу?
4. Объясните причины побега юноши из монастыря.
5. В каких эпизодах раскрывается связь Мцыри с кавказской природой? Приведите соответствующие цитаты.
6. Расскажите о происшествиях, которые герой пережил во время своих 3-дневных скитаний. Какие душевные качества он проявил в моменты столкновения с опасностью?
7. Какие чувства испытал Мцыри, осознав, что поневоле вернулся к монастырю? Почему он отказался бороться за свою жизнь после того, как его, обессиленного и израненного, доставили в монастырь? О чем герой тоскует на пороге смерти?
8. По памяти опишите картины природы, которые предстали перед глазами Мцыри на воле. А теперь найдите эти описания в тексте. Какие образы и художественные средства придают им выразительность?

II. Учимся обобщать прочитанное

Работа в парах. 1. Выберите наиболее обобщенный и емкий, по вашему мнению, ответ на следующие вопросы:

А. Что стало главной причиной побега Мцыри из монастыря?

- Нежелание принять монашество.
- Тоска по родине.
- Поиск приключений.
- Мечта о свободе.

Б. Что помогло герою выйти победителем из поединка с барсом?

- Ловкость и быстрота реакции.
- Жажда борьбы.
- Ненависть к хищнику.

В. Что поставило Мцыри на грань жизни и смерти?

- Раны, полученные в схватке с барсом.
- Сильное эмоциональное потрясение, испытанное в дни пребывания на воле.
- Осознание того, что вырваться из монастырского плена невозможно.

2. Обсудите высказывание литературного критика В.Г. Белинского: *«Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всём, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощностью»*. В ходе обсуждения ответьте на такие вопросы:

А. Что, по мнению критика, важно в образе Мцыри?

Б. Что дает В.Г. Белинскому основание называть Мцыри «исполинской натурой»? Согласны ли вы с такой оценкой?

В. Разделяете ли вы мнение критика о том, что в образе Мцыри отразилась «тень» личности самого поэта? Аргументируйте свою точку зрения.

III. Учимся фантазировать

1. Как бы, по вашему мнению, сложилась жизнь Мцыри, если бы его побег из монастыря оказался удачным?

2. В первой главе, играющей роль вступления к поэме, упоминается старый монах, смахивающий пыль с могильных плит. Как вы думаете, кто это? (Вспомните о реальных фактах, натолкнувших Лермонтова на создание «Мцыри».)

IV. Филологический мастер-класс

1. Сравните пейзажи в начале и в конце побега Мцыри (главы 6 и 22). Каким настроением они окрашены?

2. Раскройте смысл сравнения Мцыри с «темничным цветком» (глава 21).

3. Как вы знаете, М.Ю. Лермонтов был не только поэтом, но и прозаиком. Представьте, что он написал историю Мцыри в жанре рассказа. Чем прозаическая версия отличалась бы от стихотворной?

Творческое задание. Напишите сочинение на тему «Пьянящий аромат свободы (образ Мцыри из одноименной поэмы М.Ю. Лермонтова)».

Глава 7

РОМАНТИКА БИТВ И ПОДВИГОВ

Гениальный сын украинской земли

Какую роль в жизни Н.В. Гоголя сыграла Украина? Как называется сборник повестей, рассказывающих были и небылицы из украинской жизни?

Николай Васильевич Гоголь происходил из украинской мелкопоместной дворянской семьи, которая вела свою родословную от казачьего старшины. В роду Гоголей отчетливо прослеживается литературный «след». Один из предков писателя, В. Танский, был довольно известным «природным виршописцем во вкусе плошадном». Отец Николая Васильевича писал комедии на украинском языке, с успехом ставившиеся в домашнем театре знатного родственника Гоголей Д. Трошинского. От отца писатель унаследовал страсть к сочинительству и благоговейную любовь к книге.

Развитию творческих способностей Гоголя-младшего способствовали впечатления детских лет, прошедших на лоне пышных пейзажей Полтавщины, в непосредственной близости к народной жизни. В родовом поместье Гоголей, Васильевке, Николай открыл для себя красоту песен, поверий и сказок украинского народа. А в годы обучения в Нежинской гимназии высших наук он начал собирать произведения

**Николай Васильевич
Гоголь
(1809–1852)**

украинского фольклора, материалы для будущего украинско-русского словаря (который, к сожалению, так и не был составлен), а также изучать литературу и историю родной земли.

С украинской темой был связан и первый творческий успех Н.В. Гоголя. Выпустив в свет сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», в котором во всей самобытности и поэтичности предстал образ Украины, молодой писатель, как говорится, проснулся знаменитым. Вдохновленный этой удачей, Гоголь еще глубже погрузился в изучение украинской культуры. Особый восторг у него вызывали украинские народные песни. «Моя радость, жизнь моя! песни! — изливал он душу в письме к М.А. Максимовичу. — Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!»

В ходе увлеченных занятий украинской темой у Гоголя родилась идея создания «Истории Малороссии», а еще — мечта о должности профессора истории при Киевском университете. В письме к А.С. Пушкину он изображал предстоящий переезд «в древний, прекрасный Киев» в самых радужных тонах: «Я восхищаюсь заранее, когда воображу, как закипят труды мои в Киеве... Там я кончу истории Украины и юга России и напишу Всеобщую историю».

Этим планам не суждено было осуществиться, хотя возможность выступать перед студентами с лекциями по истории Гоголь всё-таки получил, но не в Киевском, а в Санкт-Петербургском университете. Правда, потеряв интерес к профессорской службе, он довольно скоро оставил ее. Да и от идеи написания большого ученого труда по истории пришлось отказаться — дальше одного «Отрывка из истории Малороссии» Гоголь так и не пошел. Но на фоне работы над этим материалом родился замысел очередного сборника повестей. Его название — «Миргород» — сопровождалось подзаголовком, устанавливающим прямую связь с предыдущей гоголевской книгой: «Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”».

Действительно, «Миргород» стал новым этапом развития украинской темы в творчестве писателя. Он открывал читателям новые, ранее не замеченные стороны этой темы. В отличие от «диканьковских» повестей, расшитых богатыми фантастическими узорами, в большинстве произведений «миргородского» цикла Н.В. Гоголь показывал скуку и пошлость повседневной провинциальной жизни. В то же время новый сборник содержал несколько произведений, близких по своему общему настрою к «Вечерам...». Это — повесть «Вий», в которой, как и в «Вечерах...», снова появились образы ведьм, чертей, колдунов, а также повесть «Тарас Бульба», посвященная героическому прошлому украинского народа.

На первый взгляд, между этими произведениями нет ничего общего: если в основу «Вия» положен фантастический сюжет борьбы бурсака Хомы с таинственной ведьмой-панночкой, то главной темой «Тараса Бульбы» является историческая борьба вольнолюбивых сыновей Запорожской Сечи с угнетателями украинского народа. И, тем не менее, эти повести объединяет романтический дух народной жизни, к концу обоих произведений приобретающий трагическую окраску...

Миргород. Старосветский уголок. Фото 1902 г.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Что повлияло на увлечение Н.В. Гоголя украинской историей?
2. Какие замыслы в связи с этим увлечением вынашивал писатель?
3. Как вы думаете, почему летописи казались Гоголю «черствыми» в сравнении с народными песнями?
4. Дайте краткую характеристику сборнику «Миргород». Перечислите вошедшие в него произведения. Почему автор определил эту книгу как продолжение сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки»? А в чем состоит главное различие между данными книгами?
5. Что объединяет повести «Вий» и «Тарас Бульба»?

Оглядываясь назад: насколько исторична историческая повесть?

Над «Тарасом Бульбой» Н.В. Гоголь работал в течение 9-ти лет. За это время им были созданы 2 варианта (или 2 редакции) произведения, значительно отличавшиеся друг от друга. Во второй редакции появились новые персонажи, конфликты, ситуации, расширился историко-бытовой фон, детализировались сцены военных сражений. Именно этот вариант Гоголь считал окончательным*.

По своему жанру «Тарас Бульба» является *исторической повестью*. Однако следует иметь в виду, что, несмотря на реалистически выписанные бытовые

* В этой редакции повесть представлена в учебнике.

детали, в этом произведении господствует романтическое восприятие истории. Гоголь стремился прежде всего показать героизм украинского народа, боровшегося за свою свободу, и передать романтику запорожской вольницы. Жизнь казаков предстает здесь в опоэтизированном виде, и поэтому не следует воспринимать повесть как художественную разновидность исторических свидетельств. Важно также помнить о том, что, изображая картины из жизни Запорожской Сечи, писатель воссоздавал те представления о чести и позоре, долге и предательстве, любви и ненависти, которые, по его мнению, бытовали среди казаков в XV—XVII вв. Разумеется, за истекшее время в сознании людей многое изменилось, и современный читатель может согласиться далеко не со всеми оценками и жизненными решениями гоголевских персонажей, но это обстоятельство не умаляет познавательной ценности повести.

Что вы знаете о Запорожской Сечи? Что вам известно о законах, традициях и обычаях запорожских казаков?

Перед чтением. Читая повесть, подумайте над следующими вопросами:

1. Какие нравственные ценности, отстаиваемые героями повести, сохраняют свое значение и для нас?
2. Какие представления этих персонажей кажутся вам устаревшими?

Тарас Бульба

(В сокращении)

I

— А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрысники? И эдак все ходят в академии? — Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе¹ и приехавших домой к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас свитки²? Экие свитки! Таких свиток еще и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшись в по́лы.

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал наконец старший из них.

— Смотри ты, какой пышный! А отчего ж бы не смеяться?

— Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

¹ Бурса — духовное учебное заведение, семинария.

² Верхняя одежда у южных россиян. (Прим. Гоголя.)

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чем бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Тарас Бульба, засучив рукава, — посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумаки и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше году их не видали, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьется! — говорил Бульба, остановившись. — Ей-богу, хорошо! — продолжал он, немного оправляясь, — так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет казак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил; никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство: что это за веревка висит? А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот еще что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень¹ ростом), ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

— Э, да ты мазунчик, как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша мать! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши; и акалемия, и все те книжки, буквари, и философия — всё это *казна-що*, я плевать на всё это! — Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в печати. — А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. — И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбку, да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, меду сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.

¹ Сажень — старая русская мера длины, с XVIII в. равная 2,13 м; до этого времени не была постоянной.

Бульба повел сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монидах, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускаться никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опростеть, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намеки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющих более на Украине бороатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры, в виду обступившего народа; во вкусе того бранного¹ трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию². Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороку, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венешейской, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями, через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными пестрыми изразцами, — всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время; приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час представил сыновей, говоря: «Вот смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю». Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, паны-браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! — так говорил Бульба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурменов били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Горацій, что ли?

¹ Бранный (устар.) — военный.

² Уния — объединение, союз.

«Вишь, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап, — всё старый, собака, знает, а еще и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит не давал вам и понюхать горелки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сынки, крепко стегали вас березовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделали уже слишком разумные, так, может, и плетюганями пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду и в четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвечал хладнокровно Остап, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андрий. — Пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

— Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, поеду! — И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам всё это? На что эти горшки? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но услыша о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно сжатых губах.

Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле-мирный славянский дух и завелось козачество — широкая, разгульная замашка русской природы, — и когда все поречья, перевозки, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак» (что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей возникли грозные селения, курени¹ и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью

¹ Курень — отдельная часть запорожского войска; жилище казаков.

против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набегов, грозивших ее опрокинуть. Короли польские, очутившиеся, вместо удельных князей, властителями сих пространных земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значение козаков и выгоды таковой бранной сторожевой жизни. Они поощряли их и льстили сему расположению. Под их отдаленную властью гетьманы, избранные из среды самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа. Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидал; но в случае войны и общего движения в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всем своем вооружении, получа один только червонец платы от короля, — и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход — воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропалую, пить и бражничать, как только может один русский, — всё это было ему по плечу. Кроме рейстровых козаков¹, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных²: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сел и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: «Эй вы, пивники, броварики! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! полно вам за плугом ходить, да пачкать в земле свои желтые чеботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!» И слова эти были как искры, падавшие на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кади и разбивали бочки, ремесленник и торгош посылал к черту и ремесло, и лавку, бил горшки в доме. И всё, что ни было, садилось на коня. Словом, русский характер получил здесь могучий, широкий размах, дюжую наружность.

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Вечно неугомонный, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в села, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлей с дыма. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары³ не

¹ Рейстрóвые козаки́ — регулярное войско.

² Охочекомóнные — конные добровольцы.

³ Комисса́ры — здесь: польские сборщики податей.

уважили в чем старшин и стояли пред ними в шапках, когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства.

Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!»; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове его еще бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и лучшей пшеницы и пришел усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей.

Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно включенные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью, она взрастила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?» — говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, — и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевремен-

ными морщинами. Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, со страстью, со слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю. Рыдая, глядела она им в очи, когда всемогущий сон начинал уже смыкать их, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка; красные полосы ясно сверкнули на небе.

Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А где старá? (Так он обыкновенно называл жену свою.) Живее, стара, готовь нам есть: путь лежит великий!

Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные красные, с серебряными подковами; шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать как увидела их, и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

— Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать! — произнес, наконец, Бульба. — Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба. — Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу

их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... приплите хоть весточку о себе... — Далее она не могла говорить.

— Ну, пойдем, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности: она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли ее бережно и унесли в хату. Но, когда выехали они за ворота, она со всею легкостью дикой козы, несообразной ее летам, выбежала за ворота, с непостижимой силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственной горячностью; ее опять увели.

Молодые козаки ехали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, со своей стороны, был тоже несколько смущен, хотя старался этого не показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад; хутор их как будто ушел в землю; только видны были над землей две трубы скромного их домика да вершины деревьев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг еще стлался перед ними, — тот луг, по которому они могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую козачку, боязливо перелетавшую через него с помощью своих свежих, быстрых ног. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным сверху колесом от телеги одиноко торчит в небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. — Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут еще. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими

Иллюстрация Е. Кибрика

друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый год еще бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы

Иллюстрация Е. Кибрика

и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперед, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни: эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Учившиеся им ни к чему не могли привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. Притом же это республиканское устройство бursы, это ужасное множество молодых, дюжих, здоровых людей — всё это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, — всё это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье. Голодная бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. Торговки, сидевшие на базаре, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки из тыкв, как орлицы детей своих, если только видели проходившего бурсака. Консул¹, долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подве-

¹ К он су л — здесь: старший воспитанник.

домственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговли. Эти бурсаки составляли совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались. Сам воевода, Адам Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их построже. Впрочем, это наставление было вовсе излишне, потому что ректор и профессора-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы по их приказанию пороли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почесывали свои шаровары. Многим из них это было вовсе ничего и казалось немного чем крепче хорошей водки с перцем; другим, наконец, сильно надоедали такие беспрестанные припарки, и они убегали на Запорожье, если умели найти дорогу и если не были перехватываемы на пути. Остап Бульба, несмотря на то что начал с большим старанием учить логику и даже богословие, никак не избавлялся неумолимых розг. Естественное, что всё это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаков. Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был изобретательнее своего брата; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда с помощью изобретательного ума своего умел увертываться от наказания, тогда как брат его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восемнадцать лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философические диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокою, нежную. Пред ним беспрерывно мелькали ее сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокруг ее девственных и вместе мощных членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах, среди низень-

Иллюстрация Е. Кибрика

ких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и дома были выстроены с некоторою прихотливостию. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с пристрашными усами хлыснул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули — и Андрий, к счастью успевший отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая толпою, в богатом убранстве, стояла за воротами, окружив игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостью, он пролез через частокол в сад, взлез на дерево, которое раскидывалось ветвями на самую крышу дома; с дерева перелез он на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши

вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но когда заметила, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости пошевелить рукою, когда узнала в нем того же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог пошевелить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами¹, вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки и которая повергла бедного бурсака в еще большее смущение. Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в ее ослепительные очи. Раздавшийся в это время у дверей стук испугал ее. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывесть его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Он встретил ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому. Он видел ее вскользь еще один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной черноглазой полячки выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.)

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только козачьи черные шапки одни мелькали между ее колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал, наконец, Бульба, очнувшись от своей задумчивости. — Как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да прищпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И козаки, принагнувшись к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только струя сжимаемой травы показывала след их быстрого бега.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их встрепетнулись, как птицы.

Т Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся

¹ Шемизётка с фестонами — рубашка с зубчатой каймой.

в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог весть откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячею разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на несколько минут для обеда, причем схавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась темно-зеленою; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру¹, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щек. Вся музыка, звучавшая днем, утихала и сменялась другою. Пестрые суслики выпалзывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, стрекотанье, — всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянную блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого

¹ Амбра — здесь: аромат.

тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, всё та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдаленного леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами устала издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что козак было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. И не пробуйте — вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Черта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь.

Через три дни после этого они были уже недалеко от места, бывшего предметом их поездки. В воздухе вдруг заглодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдаль и темною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал наконец свое и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в середину его острова вытесняли его еще далее из берегов и волны его стлались широко по земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменившая свое жилище.

Куча народу бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределенным удовольствием, — и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнечных молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом... Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина¹ земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показа-

¹ Аршин — старая русская мера длины, равная 0,71 м.

ния полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее по тесной улице, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они миновали предместье и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека¹, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубами в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину!

Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки: он держал в руках ее и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши шапку чертом и вскинувши руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! Не жалея, Фома, горелки православным христианам!» И Фома, с подбитым глазом, мерял без счету каждому пристававшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца четверо старых вырабатывали довольно мелко ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам и вдруг, опустившись, неслись вприсядку и били круто и крепко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе далече отдавались гопак и тропак, выбиваемые звонкими подковами сапогов. Но один всех живее вскрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуприна развевалась по ветру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимний кожух был надет в рукава, и пот градом лил с него, как из ведра. «Да сними хоть кожух! — сказал, наконец, Тарас. — Видишь, как парит!» — «Не можно!» — кричал запорожец. «Отчего?» — «Не можно; у меня уж такой нрав: что скину, то пропью». А шапки уж давно не было на молодце, ни пояса на кафтане, ни шитого платка; всё пошло куда следует. Толпа росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движения, как всё отдирало танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным изобретателям, назван козачком.

— Эх, если бы не конь! — вскрикнул Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

¹ Засе́ка — срубленные деревья, которыми завалено пространство перед крепостным валом для затруднения приступа.

Иллюстрация Е. Кибрика

А между тем в народе стали попадаться и степенные, уважаемые по заслугам всю Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрий слышали только приветствия: «А, этр ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп!» — «Откуда Бог

несет тебя, Тарас?» — «Ты как сюда зашел, Долото?» — «Здорово, Кирдяга! Здорово, Густый! Думал ли я видеть тебя, Ремень?» И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно; и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? Что Боролавка? Что Колопер? Что Пидсышок?» И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсышкова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: «Добрые были козаки!»

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военною школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным заниматься изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то беспрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добыть добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Оно не было сборищем бражников, напивавшихся с горя, но было просто бешеное разгулье веселости. Всякий приходящий сюда позабывал и бросал всё, что дотоле его занимало. Он, можно сказать, плевал на свое прошлое и беззаботно предавался воле и товариществу таких же, как сам, гуляк, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную веселость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. Рассказы и болтовня среди собравшейся толпы, лениво отдыхавшей на земле, часто так были смешны и дышали такою силою живого рассказа, что нужно было иметь всю хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранять неподвижное выражение лица, не моргнув даже усом, — резкая черта, которою отличается доньине от других братьев своих южный россиянин. Веселость была пьяна, шумна, но при всём том это не был черный кабак, где мрачно-искажающим весельем забывается человек; это был тесный круг школьных товарищей. Разница была только в том, что вместо сидения за указкой и пошлых толков учителя они производили набег на пяти тысячах коней; вместо луга, где играют в мяч, у них были неохраемые, беспечные границы, в виду которых татарин выказывал быстрю свою голову и неподвижно, сурово глядел турок в зеленой чалме своей. Разница та, что вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов; что здесь были те, у которых уже моталась около шеи веревка и которые вместо бледной смерти увидели жизнь — и жизнь во всём разгуле; что здесь были те, которые, по благородному обычаю, не могли удержать в кармане своем копейки; что здесь были те, которые

дотоле червонец считали богатством... Здесь были все бурсаки, не вытерпевшие академических лоз и не вынесшие из школы ни одной буквы; но вместе с ними здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и Римская республика. Тут было много тех офицеров, которые потом отличались в королевских войсках; тут было множество образовавшихся опытных партизанов, которые имели благородное убеждение мыслить, что всё равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Много было и таких, которые пришли на Сечь с тем, чтобы потом сказать, что они были на Сечи и уже закаленные рыцари. Но кого тут не было? Эта странная республика была именно потребностью того века. Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов во всякое время могли найти здесь работу. Одни только обожатели женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже в предместье Сечи не смела показываться ни одна женщина.

Остапу и Андрию казалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил: откуда эти люди, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращаясь в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому¹, который обыкновенно говорил:

— Здравствуй! Что, во Христа веруешь?

— Верую! — отвечал приходивший.

— И в Троицу Святую веруешь?

— Верую!

— И в церковь ходишь?

— Хожу!

— А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

— Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же в который сам знаешь курень.

Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. (...) Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а еще более походили на школу и бурсу детей, живущих на всём готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Всё было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батька. У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата², каша и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. Нередко происходила ссора у куреней с куренями. В таком случае дело тот же час доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали друг другу бока, пока одни не пересиливали наконец и не брали верх, и тогда начиналась гульня. Такова была эта Сечь, имевшая столько приманок для молодых людей.

Остап и Андрий кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и всё, что волновало прежде

¹ Кошево́й — войсковой атаман.

² Салама́та — мучная каша.

душу, и предались новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его насмерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела впечатления на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им же убитого, и потом обоих засыпали землею. Долго потом всё чудился ему страшный обряд казни и всё представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у козаков. Часто вместе с другими товарищами своего куреня, а иногда со всем куренем и с соседними куренями выступали они в степи для стрельбы несметного числа всех возможных степных птиц, оленей и коз или же выходили на озера, реки и протоки, отведенные по жребию каждому куреню, закидывать невода, сети и тащить богатые тони на продовольствие всего куреня. Хотя и не было тут науки, на которой пробуетсся козак, но они стали уже заметны между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всём. Бойко и метко стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги.

Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю. Наконец в один день пришел к кошевому и сказал ему прямо:

- Что, кошевой, пора бы погулять запорожцам?
- Негде погулять, — отвечал кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнув на сторону.
- Как негде? Можно пойти на Турещину или на Татарву.
- Не можно ни в Турещину, ни в Татарву, — отвечал кошевой, взявши опять хладнокровно в рот свою трубку.
- Как не можно?
- Так. Мы обещали султану мир.
- Да ведь он бусурмен: и Бог и Святое Писание велит бить бусурменов.
- Не имеем права. Если б не клялись еще нашею верою, то, может быть, и можно было бы; а теперь нет, не можно.
- Как не можно? Как же ты говоришь: не имеем права? Вот у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тот, ни другой не был на войне, а ты говоришь — не имеем права; а ты говоришь — не нужно идти запорожцам.
- Ну, уж не следует так.
- Так, стало быть, следует, чтобы пропадала даром козацкая сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни отчизне, ни всему

христианству не было от него никакой пользы? Так на что же мы живем, на какого черта мы живем? растолкуй ты мне это. Ты человек умный, тебя недаром выбрали в кошевые, растолкуй ты мне, на что мы живем?

Кошевой не дал ответа на этот запрос. Это был упрямый козак. Он немного помолчал и потом сказал:

— А войне всё-таки не бывать.

— Так не бывать войне? — спросил опять Тарас.

— Нет.

— Так уж и думать об этом нечего?

— И думать об этом нечего.

«Постой же ты, чертов кулак! — сказал Бульба про себя, — ты у меня будешь знать!» И положил тут же отмстить кошевому.

Сговорившись с тем и другим, задал он всем попойку, и хмельные козаки, в числе нескольких человек, повалили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду. Не нашедши палок, хранившихся всегда у довбиша¹, они схватили по полену в руки и начали колотить в них. На бой прежде всего прибежал довбиш, высокий человек с одним только глазом, несмотря, однако ж, на то, страшно заспанным.

— Кто смеет бить в литавры? — закричал он.

— Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебе велят! — отвечали подгулявшие старшины.

Довбиш вынул тотчас из кармана палки, которые он взял с собою, очень хорошо зная окончание подобных происшествий. Литавры грянули, — и скоро на площадь, как шмели, стали собираться черные кучи запорожцев. Все собрались в кружок, и после третьего боя показались, наконец, старшины: кошевой с палицей в руке — знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею и есаул с жезлом. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на все стороны козакам, которые гордо стояли, подпершись руками в бока.

— Что значит это собранье? Чего хотите, панове? — сказал кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

— Клади палицу! Клади, чертов сын, сей же час палицу! Не хотим тебя больше! — кричали из толпы козаки.

Некоторые из трезвых куреней хотели, как казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крик и шум сделались общими.

Кошевой хотел было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа может за это прибить его насмерть, что всегда почти бывает в подобных случаях, поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе.

— Прикажете, панове, и нам положить знаки достоинства? — сказали судья, писарь и есаул и готовились тут же положить чернильницу, войсковую печать и жезл.

— Нет, вы оставайтесь! — закричали из толпы, — нам нужно было только прогнать кошевого, потому что он баба, а нам нужно человека в кошевые.

¹ Дóвбиш — литаврщик.

— Кого же выберете теперь в кошевые? — сказали старшины.
— Кукубенка выбрать! — кричала часть.
— Не хотим Кукубенка! — кричала другая. — Рано ему, еще молоко на губах не обсохло!

— Шило пусть будет атаманом! — кричали одни. — Шила посадить в кошевые!

— В спину тебе шило! — кричала с бранью толпа. — Что он за козак, когда проворовался, собачий сын, как татарин? К черту в мешок пьяницу Шила!

— Бородатого, Бородатого посадим в кошевые!

— Не хотим Бородатого! К нечистой матери Бородатого!

— Кричите Кирдягу! — шепнул Тарас Бульба некоторым.

— Кирдягу! Кирдягу! — кричала толпа. — Бородатого! Бородатого! Кирдягу! Кирдягу! Шила! К черту с Шилом! Кирдягу!

Все кандидаты, услышавши произнесенными свои имена, тотчас же вышли из толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личным участием своим в избрании.

— Кирдягу! Кирдягу! — раздавалось сильнее прочих. — Бородатого!

Дело принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовал.

— Ступайте за Кирдягою! — закричали.

Человек десяток козаков отделилось тут же из толпы; некоторые из них едва держались на ногах — до такой степени успели нагрузиться, — и отправились прямо к Кирдяге, объявить ему о его избрании.

Кирдяга, хотя престарелый, но умный козак, давно уже сидел в своем курене и как будто бы не ведал ни о чем происходившем.

— Что, панове, что вам нужно? — спросил он.

— Иди, тебя выбрали в кошевые!..

— Помилосердствуйте, панове! — сказал Кирдяга. — Где мне быть достойну такой чести! Где мне быть кошевым! Да у меня и разума не хватит к отправлению такой должности. Будто уже никого лучшего не нашлось в целом войске?

— Ступай же, говорят тебе! — кричали запорожцы. Двое из них схватили его под руки, и как он ни упирался ногами, но был, наконец, притащен на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиванием сзади кулаками, пинками и увещаниями. — Не пяться же, чертов сын! Принимай же честь, собака, когда тебе дают ее!

Таким образом введен был Кирдяга в козачий круг.

— Что, панове? — провозгласили во весь народ приведшие его. — Согласны ли вы, чтобы сей козак был у нас кошевым?

— Все согласны! — закричала толпа, и от крику долго гремело все поле.

Один из старшин взял палицу и поднес ее новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчас же отказался. Старшина поднес в другой раз. Кирдяга отказался и в другой раз и потом уже, за третьим разом, взял палицу. Ободрительный крик раздался по всей толпе, и вновь далеко загудело от козацкого крика всё поле. Тогда выступило из середины народа четверо самых старых, седоусых и седочупринных козаков (слишком старых не было на Сечи, ибо никто из запорожцев не умирал своею смертью) и, взявши каждый в руки земли, которая на ту пору от бывшего дождя

растворилась в грязь, положили ее ему на голову. Стекла с головы его мокрая земля, потекла по усам и по щекам и всё лицо замазала ему грязью. Но Кирдяга стоял не сдвинувшись и благодарил козаков за оказанную честь.

Таким образом кончилось шумное избрание, которому, неизвестно, были ли так рады другие, как рад был Бульба: этим он отомстил прежнему кошевому; к тому же и Кирдяга был старый его товарищ и бывал с ним в одних и тех же сухопутных и морских походах, деля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тут же праздновать избрание, и поднялась гульня, какой еще не видавали дотоле Остап и Андрий. Винные шинки были разбиты; мед, горелка и пиво забирались просто, без денег; шинкари были уже рады и тому, что сами остались целы. Вся ночь прошла в криках и песнях, славивших подвиги. И взошедший месяц долго еще видел толпы музыкантов, проходивших по улицам с бандурами, турбанами, круглыми балабайками, и церковных песельников, которых держали на Сечи для пенья в церкви и для восхваленья запорожских дел. Наконец хмель и утомленье стали одолевать крепкие головы. И видно было, как то там, то в другом месте падал на землю козак. Как товарищ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вместе с ним. Там гурьбою улегалась целая куча; там выбирал иной, как бы получше ему улечься, и лег прямо на деревянную колоду. Последний, который был покрепче, еще выводил какие-то бессвязные речи; наконец и того подкосила хмельная сила, и тот повалился — и заснула вся Сечь. (...)

● На следующий день прибывшие на Сечь новички рассказали о волне притеснений и надругательств, прокатившейся по украинской земле. Поведали они и о том, как жестоко расправляются с непокорными казаками польские дворяне. Выслушав недобрые вести, запорожцы единодушно решили выступить в поход. ●

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТАНИЮ

1. Перескажите эпизод встречи Тараса Бульбы с сыновьями, вернувшись домой после обучения в бурсе. Какие сведения о характере и привычках Тараса вы почерпнули из прочитанного отрывка? Что он считал самым важным в воспитании Остапа и Андрия? Почему старый казак принял решение как можно скорее отправить их на Запорожскую Сечь?
2. Перечитайте описание светлицы в доме Бульбы. Как оно характеризует хозяина?
3. Какое впечатление произвели на вас сыновья Тараса? Кто из них вам больше понравился? Почему?
4. Какие черты характеров братьев проявились во время учебы в бурсе? Подкрепите свой ответ пересказом соответствующих эпизодов.
5. С каким настроением Остап и Андрий покидали родной дом? О чем печалился каждый из них?
6. Что увидели казаки, въехав в предместье Сечи? Найдите описание спящего на дороге казака. Как автор подчеркивает его силу? Раскройте символическое значение этого образа.
7. Расскажите о порядках, царивших на Запорожской Сечи. Что, как вам кажется, преобладало в тамошней жизни — свободное «веселое разгулье» или суровая дисциплина? Какие правила запорожцев вас удивили? Какие из них вы считаете справедливыми?

Работа в парах. В рассказ о путешествии героев на Запорожскую Сечь вставлено описание степи, в котором с поразительной художественной силой передано богатство красок, звуков и ароматов украинской природы. Прочитайте его. Найдите в нем ответы на следующие вопросы: А. Какими чувствами автора проникнуто данное описание? Укажите строки, в которых повествователь открыто выражает свой восторг перед степью.

Б. С чем сравнивается многоцветье утренней степи? Как бы вы передали это сравнение на полотне?

В. Какие растения, животные, птицы и насекомые упоминаются в данном описании? Какие средства художественной выразительности придают им поэтичность?

Г. Какие изменения происходят в степи на закате солнца? Какие цвета преобладают в вечернем степном пейзаже?

V

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронесли слухи: «Запорожцы!.. показались запорожцы!..» Всё, что могло спастись, спасалось. Всё подымалось и разбегалось, по обычаю этого нестройного, беспечного века, когда не воздвигали ни крепостей, ни замков, а как попало становил на время соломенное жилище свое человек. Он думал: «Не тратить же на избу работу и деньги, когда и без того будет она снесена татарским набегом!» Всё всполошилось: кто менял волов и плуг на коня и ружье и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только можно было унести. Попадались иногда по дороге и такие, которые вооруженною рукою встречали гостей, но больше было таких, которые бежали заранее. Все знали, что трудно иметь дело с буйной и бранной толпой, известной под именем запорожского войска, которое в наружном своевольном неустройстве своем заключало устройство обдуманное для времени битвы. Конные ехали, не отягчая и не горяча коней, пешие шли трезво за возами, и весь табор подвигался только по ночам, отдыхая днем и выбирая для того пустыри, незаселенные места и леса, которых было тогда еще вдоволь. Засылаемы были вперед лазутчики и рассыльные узнавать и выведывать, где, что и как. И часто в тех местах, где менее всего могли ожидать их, они появлялись вдруг — и всё тогда прощалось с жизнью. Пожары охватывали деревни; скот и лошади, которые не угонялись за войском, были избиваемы тут же на месте. Казалось, больше пировали они, чем совершали поход свой. Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. (...)

И скоро величественное аббатство обхватилося сокрушительным пламенем, и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделявшиеся волны огня. Бегущие толпы монахов, женщин вдруг многолюднили те города, где какая-нибудь была надежда на гарнизон и городское рушение. Высылаемая временами правительством запоздалая помощь, состоявшая из небольших полков, или не могла найти их, или же робела, обращала тыл при первой встрече и улетала на лихих конях своих. Случалось, что многие военачальники королевские, торжествовавшие дотоле в прежних битвах, решались, соединя свои силы, стать грудью против запорожцев. И тут-то

более всего пробовали себя наши молодые козаки, чуждавшиеся грабительства, корысти и бессильного неприятеля, горевшие желанием показать себя перед старыми, померяться один на один с бойким и хвастливым ляхом, красовавшимся на горделивом коне, с летавшими по ветру откидными рукавами епанчи¹. Потешна была наука. Много уже они добыли себе конной сбруи, дорогих сабель и ружей. В один месяц возмужали, и совершенно переродились только что оперившиеся птенцы, и стали мужами. Черты лица их, в которых доселе видна была какая-то юношеская мягкость, стали теперь грозны и сильны. А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знание вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерять всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средство, как уклониться от нее, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть ее. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепостью дышало его тело, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу льва.

— О! да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас. — Ей-ей, будет добрый полковник, да еще такой, что и батька за пояс заткнет!

Андрий весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве: что-то пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят головы, с громом падают на землю кони, а он несется, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске, и наносит всем удары, и не слышит нанесенных. Не раз дивился отец также и Андрию, видя, как он, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

— И это добрый — враг бы не взял его! — вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка! (...)

● Наконец запорожское войско добралось до Дубно. Казаки попытались взять город приступом, но горожане оказали отчаянное сопротивление. Тогда кошевой приказал взять город-крепость в осаду. Казаки расположились лагерем вокруг Дубно. Молодые воины заметно скучали — им не терпелось снова испытать себя в боях. Между тем положение осажденных с каждым днем ухудшалось: в городе заканчивались запасы еды и питья.

Как-то ночью к Андрию тайком пробралась изможденная женщина. Молодой казак узнал в ней служанку той самой польской панночки, в которую он был влюблен. ●

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий, почти задыхаясь, шепотом, прерывавшимся всякую минуту от внутреннего волнения. — Где панночка? жива ли еще она?

¹ Епанча — плащ.

— Она тут, в городе.

— В городе? — произнес он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу. — Отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года как сидит воеводой в Дубне.

— Что ж, она замужем? Да говори же, какая ты странная! что она теперь?..

— Она другой лень ничего не ела.

— Как?..

— Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрий остолбенел.

— Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришел ко мне; а не помнит — чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрет мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, — чтоб ради ее дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

— Но как же ты здесь? Как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Разве есть подземный ход?

— Есть.

— Где?

— Ты не выдашь, рышарь?

— Клянусь крестом святым!

— Спустися в яр и перейдя проток, там, где тростник.

— И выходит в самый город?

— Прямо к городскому монастырю.

— Идем, идем сейчас!

— Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!

— Хорошо, будет. Стой здесь, возле воза, или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошел к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их курению. Сердце его билось. Всё минувшее, всё, что было заглушено нынешними козацкими биваками, суровой бранною жизнью, — всё всплыло разом на поверхность, потопивши, в свою очередь, настоящее. Опять вынырнула перед ним, как из темной морской пучины, гордая женщина. Вновь сверкнули в его памяти прекрасные руки, очи, смеющиеся уста, густые темно-ореховые волосы, курчаво распавшиеся по грудям, и все упругие, в согласном сочетании созданные члены девического стана. Нет, они не погасли, не исчезли в груди его, они посторонились только, чтобы дать на время простор другим могучим движениям; но часто, часто смущался ими глубокий сон молодого козака, и часто, проснувшись, лежал он без сна на одре, не умея истолковать тому причины.

Он шел, а биение сердца становилось сильнее, сильнее при одной мысли, что увидит ее опять, и дрожали молодые колени. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришел: поднес руку ко лбу и долго тер его.

стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец вздрогнул, весь исполнился испуга: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает от голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших черных хлебов себе под руку, но подумал тут же, не будет ли эта пища, годная для дюжего, неприхотливого запорожца, груба и неприлична ее нежному сложению. Тут вспомнил он, что вчера кошевой попрекал кашеваров за то, что сварили за один раз всю гречневую муку на саламату, тогда как бы ее стало на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдет вдоволь саламаты в казанах, он вытащил отцовский походный казанок и с ним отправился к кашевару их куреня, спавшему у двух десятиведерных казанов, под которыми еще теплилась зола. Заглянувши в них, он изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловеческих сил, чтобы всё это съесть, тем более что в их курене считалось меньше людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней — нигде ничего. Поневоле пришла ему в голову поговорка: «Запорожцы как дети: коли мало — съедят, коли много — тоже ничего не оставляют». Что делать? Был, однако же, где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошел к отцовскому возу, но на возу уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на земле, храпел на всё поле. Андрий схватил мешок одной рукой и дернул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил впросонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал что было мочи: «Держите, держите чертова ляха! да ловите коня, коня ловите!» — «Замолчи, я тебя убью!» — закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из козаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближнем курене и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он наконец отправился с своею ношею. Татарка лежала, едва дыша.

— Вставай, идем! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить все?

Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, еще один мешок с просом, взял даже в руки те хлеба, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шел отважно между рядами спавших запорожцев.

— Андрий! — сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло. Он остановился и, весь дрожа, тихо произнес:

— А что?

— С тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на все бока! Не доведут тебя бабы к добру! — Сказавши это, он оперся головою на локоть и стал пристально рассматривать закутанную в покрывало татарку.

Андрий стоял ни жив ни мертв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь.

Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг еще скорее, чем прихлынул. Когда же поворотился он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла пред ним, подобно земной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало,

и отблеск отдаленного зарева, вспыхнув, озарил только одни ее очи, помутившиеся, как у мертвеца. Он дернул за рукав ее, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад, и наконец опустились отлогостью в низменную ложину — почти яр, называемый в некоторых местах балками, — по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокой и усеянный почками. Опустясь в сия лошину, они скрылись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором. По крайней мере, когда Андрий оглянулся, то увидел, что позади его крутою стеной, более чем в рост человека, вознеслась покатошь. На вершине ее покачивалось несколько стебельков полевого былья, и над ними поднималась в небе луна в виде косвенно обращенного серпа из яркого червонного золота. Сорвавшийся со степи ветерок давал знать, что уже немного оставалось времени до рассвета. Но нигде не слышно было отдаленного петушьего крика: ни в городе, ни в разоренных окрестностях не оставалось давно ни одного петуха. По небольшому бревну перебрались они через проток, за которым возносился противоположный берег, казавшийся выше бывшего у них назади и выступавший совершенным обрывом. Казалось, в этом месте был крепкий и надежный сам собою пункт городской крепости; по крайней мере, земляной вал был тут ниже и не выглядел из-за него гарнизон. Но зато подальше подымалась толстая монастырская стена. Обрывистый берег весь оброс бурьяном, и по небольшой ложине между им и протоком рос высокий тростник, почти в вышину человека. На вершине обрыва видны были остатки плетня, отличавшие когда-то бывший огород. Перед ним — широкие листья лопуха; из-за него торчала лебеда, дикий колючий бодяк и подсолнечник, подымавший выше всех их свою голову. Здесь татарка скинула с себя черевички и пошла босиком, подобрав осторожно свое платье, потому что место было топко и наполнено водою. Пробираясь меж тростником, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем большее отверстия, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрий, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте. (...)

● По подземному ходу служанка повела Андрия в город. ●

VI

Андрий едва двигался в темном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба.

— Скоро нам будет видно, — сказала проводница, — мы подходим к месту, где поставила я святильник.

И точно, темные земляные стены начали понемногу озаряться. Они достигли небольшой площадки, где, казалось, была часовня; по крайней мере, к стене был приставлен узенький столик в виде алтарного престола, и над ним виден был почти совершенно изгладившийся, полинявший образ католической Мадонны. Небольшая серебряная лампадка, перед ним висевшая, чуть-чуть озаряла его. Татарка наклонилась и подняла с земли оставленный медный святильник на тонкой высокой ножке, с висевшими

вокруг ее на цепочках шипцами, шпилькой для поправления огня и гасильником. Взявши его, она зажгла его огнем от лампы. Свет усилился, и они, идя вместе, то освещаясь сильно огнем, то набрасываясь темною, как уголь, тенью, напоминали собою картины Жерардо della notte¹. Свежее, кипящее здоровьем и юностью, прекрасное лицо рыцаря представляло сильную противоположность с изнуренным и бледным лицом его спутницы. Проход стал несколько шире, так что Андрию можно было пораспрямиться. Он с любопытством рассматривал сии земляные стены, напомнившие ему киевские пещеры. Так же как и в пещерах киевских, тут видны были углубления в стенах и стояли кое-где гробы; местами даже попадались просто человеческие кости, от сырости сделавшиеся мягкими и рассыпавшиеся в муку. Видно, и здесь также были святые люди и укрывались также от мирских бурь, горя и обольщений. Сырость местами была очень сильна: под ногами их иногда была совершенная вода. Андрий должен был часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей спутнице, которой усталость возобновлялась беспрестанно. Небольшой кусок хлеба, проглоченный ею, произвел только боль в желудке, отвыкшем от пищи, и она оставалась часто без движения по несколько минут на одном месте.

Наконец перед ними показалась маленькая железная дверь. «Ну, слава Богу, мы пришли», — сказала слабым голосом татарка, приподняла руку, чтобы постучать, — и не имела сил. Андрий ударил вместо нее сильно в дверь; раздался гул, показавший, что за дверью был большой простор. Гул этот изменился, встретив, как казалось, высокие своды. Через минуты две загремели ключи, и кто-то, казалось, сходил по лестнице. Наконец дверь отперлась; их встретил монах, стоявший на узенькой лестнице, с ключами и свечой в руках. Андрий невольно остановился при виде католического монаха, возбуждавшего такое ненавистное презрение в козаках... Монах тоже несколько отступил назад, увидев запорожского козака, но слово, невнятно произнесенное татаркою, его успокоило. Он посветил им, запер за ними дверь, ввел их по лестнице вверх, и они очутились под высокими темными сводами монастырской церкви. У одного из алтарей, уставленного высокими подсвечниками и свечами, стоял на коленях священник и тихо молился. Около него с обеих сторон стояли также на коленях два молодые клирошанина в лиловых мантиях с белыми кружевными шемизетками сверх их и с кадилами в руках. Он молился о ниспослании чуда: о спасении города, о подкреплении падающего духа, о ниспослании терпения, об удалении искусителя, нашептывающего ропот и малодушный, робкий плач на земные несчастья. Несколько женщин, похожих на привидения, стояли на коленях, опершись и совершенно положив изнеможенные головы на спинки стоявших перед ними стульев и темных деревянных лавок; несколько мужчин, прислонясь у колонн и пилястр, на которых возлежали боковые своды, печально стояли тоже на коленях. Окно с цветными стеклами, бывшее над алтарем, озарилось розовым румянцем утра, и упали от него на пол голубые, желтые и других цветов кружки света, осветившие

¹ Della notte (итал.) — ночного. Герард (Жерардо) Ночной — прозвище, полученное от итальянцев нидерландским художником Герритом ван Хонтоорстом (1590—1656), картина которого присущ резкий контраст света и тени.

внезапно темную церковь. Весь алтарь в своем далеком углублении показался вдруг в сиянии; кадильный дым остановился в воздухе радужно освещенным облаком. Андрий не без изумления глядел из своего темного угла на чудо, произведенное светом. В это время величественный рев органа наполнил вдруг всю церковь. Он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые рокоты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, донесся высоко под сводами своими поющими звуками, напоминая тонкие девичьи голоса, и потом опять обратился он в густой рев и гром и затих. И долго еще громовые рокоты носились, дрожа, под сводами, и дивился Андрий с полуоткрытым ртом величественной музыке.

В это время, почувствовал он, кто-то дернул его за полу кафтана. «Пора!» — сказала татарка. Они перешли через церковь, не замеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе: всё возвещало восхождение солнца. Площадь, имевшая квадратную фигуру, была совершенно пуста; посредине ее оставались еще деревянные столики, показывавшие, что здесь был еще неделю, может быть, только назад рынок съестных припасов. Улица, которых тогда не мостили, была просто засохшая груда грязи. Площадь обступали кругом небольшие каменные и глиняные, в один этаж, дома с видными в стенах деревянными сваями и столбами во всю их высоту, косвенно перекрещенные деревянными же брусьями, как вообще строили дома тогдашние обыватели, что можно видеть и поныне еще в некоторых местах Литвы и Польши. Все они были покрыты непомерно высокими крышами со множеством слуховых окон и отдушин. На одной стороне, почти близ церкви, выше других возносилось совершенно отличное от прочих здание, вероятно, городской магистрат или какое-нибудь правительственное место. Оно было в два этажа, и над ним вверху надстроен был в две арки бельведер¹, где стоял часовой; большой часовой циферблат вделан был в крышу. Площадь казалась мертвою, но Андрию почудилось какое-то слабое стенание. Рассматривая, он заметил на другой стороне ее группу из двух-трех человек, лежавших почти без всякого движения на земле. Он вперил глаза внимательней, чтобы рассмотреть, заснувшие ли это были или умершие, и в это время наткнулся на что-то лежавшее у ног его. Это было мертвое тело женщины... Казалось, она была еще молода, хотя в искаженных, изможденных чертах ее нельзя было того видеть. На голове ее был красный шелковый платок; жемчуги или бусы в два ряда украшали ее наушники; две-три длинные, все в завитках, кудри выпадали из-под них на ее высохшую шею с натянувшимися жилами. Возле нее лежал ребенок, судорожно схвативший рукою за тощую грудь ее и скрутивший ее своими пальцами от невольной злости, не нашел в ней молока; он уже не плакал и не кричал, и только по тихо опускавшемуся и подымавшемуся животу его можно было думать, что он еще не умер или по крайней мере еще только готовился испустить последнее дыханье. Они поворотили в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: «Хлеба!» Но сил не было у него, равных бешенству; Андрий оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он

¹ Бельведёр — здесь: вышка над домом.

швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искусал его и тут же, на улице, в страшных судорогах испустил дух от долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода. Казалось, как будто, не вынося мучений в домах, многие нарочно выбежали на улицу: не ниспошлется ли в воздухе чего-нибудь, питающего силы. У ворот одного дома сидела старуха, и нельзя сказать, заснула ли она, умерла или просто позабылась: по крайней мере она уже не слышала и не видела ничего и, опустив голову на грудь, сидела недвижимо на одном и том же месте. С крыши другого дома висело вниз на веревочной петле вытянувшееся, иссохшее тело. Бедняк не мог вынести до конца страданий голода и захотел лучше произвольным самоубийством ускорить конец свой.

При виде сих поражающих свидетельств голода Андрий не вытерпел не спросить татарку:

— Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле брезговал; он может питаться теми тварями, которые запрещены законом, всё может тогда пойти в снесь.

— Всё переели, — сказала татарка, — всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всём городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов, всё привозилось из деревень.

— Но как же вы, умирая такою лютою смертью, всё еще думаете оборонить город?

— Да, может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Буджаках, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города; что он идет на выручку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб идти обоим вместе. И теперь всякую минуту ждут их... Но вот мы пришли к дому.

Андрий уже издали видел дом, непохожий на другие и, как казалось, строенный каким-нибудь архитектором итальянским. Он был сложен из красивых тонких кирпичей в два этажа. Окна нижнего этажа были заключены в высоко выдавшиеся гранитные карнизы; верхний этаж состоял весь из небольших арок, образовавших галерею; между ними видны были решетки с гербами. На углах дома тоже были гербы. Наружная широкая лестница из крашенных кирпичей выходила на самую площадь. Внизу лестницы сидело по одному часовому, которые картинно и симметрически держались одной рукой за стоявшие около них алебарды¹, а другою подпирали наклоненные свои головы, и, казалось, таким образом, более походили на изваяния, чем на живые существа. Они не спали и не дремали, но, казалось, были нечувствительны ко всему: они не обратили даже внимания на то, кто всходил по лестнице. На верху лестницы они нашли богато убранного, всего с ног до головы вооруженного воина, державшего в руке молитвенник. Он было возвел на них истомленные очи, но татарка сказала ему одно слово, и он опустил их вновь в открытые страницы своего молитвенника. Они вступили в первую комнату, довольно просторную, служившую приемною или просто переднею. Она была наполнена вся сидевшими в

¹ Алебарда — старинное оружие — фигурный топорик на длинном древке.

разных положениях у стен солдатами, слугами, псарями, виночерпиями и прочей дворней, необходимою для показания сана польского вельможи как военного, так и владельца собственных поместьев. Слышен был чад погаснувшей свечи. Две другие еще горели в двух огромных, почти в рост человека, подсвечниках, стоявших посередине, несмотря на то что уже давно в решетчатое широкое окно глядело утро. Андрий уже было хотел идти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но татарка дернула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене. Этою вышли они в коридор и потом в комнату, которую он начал внимательно рассматривать. Свет, проходивший сквозь щель ставня, тронул кое-что: малиновый занавес, позолоченный карниз и живопись на стене. Здесь татарка указала Андрию остаться, отворила дверь в другую комнату, из которой блеснул свет огня. Он услышал шепот и тихий голос, от которого всё потряслось у него. Он видел сквозь растворившуюся дверь, как мелькнула быстро стройная женская фигура с длинною роскошною косою, упавшею на поднятую кверху руку. Татарка возвратилась и сказала, чтобы он взошел. Он не помнил, как взошел и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампада теплилась перед образом; под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступенями для преклонения коленей во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. Казалось, как будто вся фигура ее хотела броситься к нему и вдруг остановилась. И он остался также изумленным пред нею. Не такую воображал он ее видеть: это была не она, не та, которую он знал прежде; ничего не было в ней похожего на ту, но вдвое прекраснее и чудеснее была она теперь, чем прежде. Тогда было в ней что-то неоконченное, недовершенное, теперь это было произведение, которому художник дал последний удар кисти. Та была прелестная, ветреная девушка; эта была красавица — женщина во всей развившейся красе своей. Полное чувство выражалось в ее поднятых глазах, не отрывки, не намеки на чувство, но всё чувство. Еще слезы не успели в них высохнуть и облекли их блистающею влагою, проходившею душу. Грудь, шея и плечи заключились в те прекрасные границы, которые назначены вполне развившейся красоте; волосы, которые прежде разносились легкими кудрями по лицу ее, теперь обратились в густую роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длине руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упала на грудь. Казалось, все до одной изменились черты ее. Напрасно силился он в них отыскать хотя одну из тех, которые носились в его памяти, — ни одной! Как ни велика была ее бледность, но она не помрачила чудесной красоты ее; напротив, казалось, как будто придала ей что-то стремительное, неотразимо победоносное. И ощутил Андрий в своей душе благоговейную боязнь и стал неподвижен перед нею. Она, казалось, также была поражена видом козака, представшего во всей красе и силе юношеского мужества, который, казалось, и в самой неподвижности своих членов уже обличал развязную вольность движений; ясною твердостью сверкал глаз его, смелою дугою выгнулась бархатная бровь, загорелые щеки блитали всею яркостью девственного огня, и как шелк, лоснился молодой черный ус.

Иллюстрация Е. Кибрика

— Нет, я не в силах ничем возблагодарить тебя, великодушный рыцарь, — сказала она, и весь колебался серебряный звук ее голоса. — Один Бог может возблагодарить тебя; не мне, слабой женщине...

Она потупила свои очи; прекрасными снежными полукружьями навдвинулись на них веки, окраенные длинными, как стрелы, ресницами. Наклонилось всё чудесное лицо ее, и тонкий румянец оттенил его снизу. Ничего не умел сказать на это Андрий. Он хотел бы выговорить всё, что ни есть на душе, — выговорить его так же горячо, как оно было на душе, — и не мог. Почувствовал он что-то заградившее ему уста: звук отнялся у слова; почувствовал он, что не ему, воспитанному в бурсе и в бранной кочевой жизни, отвечать на такие речи, и вознегодовал на свою козацкую натуру.

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесенный рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на нее, на хлеб и возвела очи на Андрия — и много было в очах тех. Сей умиленный взор, выказавший изнеможенье и бессилье выразить обнявшие ее чувства, был более доступен Андрию, чем все речи. Его душе вдруг стало легко; казалось, всё развязалось у него. Душевные движения и чувства, которые дотеле как будто кто-то удерживал тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобожденными, на воле и уже хотели излиться в неукротимые потоки слов, как вдруг красавица, оборотясь к татарке, беспокойно спросила:

— А мать? Ты отнесла ей?

— Она спит.

— А отцу?

— Отнесла. Он сказал, что придет сам благодарить рыцаря.

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту. С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий, как она ломала его блистающими пальцами своими и ела; и вдруг вспомнил о бесновавшемся от голода, который испустил дух в глазах его, проглотивши кусок хлеба. Он побледнел и, схватив ее за руку, закричал:

— Довольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.

И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребенок, смотрела ему в очи. И пусть бы выразило чье-нибудь слово... но не властны выразить ни резец, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что видится иной раз во взорах девы, ниже того умиленного чувства, которым объемлется глядящий в такие взоры девы.

— Царица! — вскрикнул Андрий, полный и сердечных, и душевных, и всяких избытков. — Что тебе нужно? чего ты хочешь? прикажи мне! Задай мне службу самую невозможную, какая только есть на свете, — я побегу исполнять ее! Скажи мне сделать то, чего не в силах сделать ни один человек, — я сделаю, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святым крестом, мне так сладко... но не в силах сказать того! У меня три хутора, половина табунов отцовских — мои, всё, что принесла отцу мать моя, что даже от него скрывает она, — всё мое. Такого ни у кого нет теперь у козаков наших оружия, как у меня: за одну рукоять моей сабли дают мне лучший табун и три тысячи овец. И от всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово или хотя только шевельнешь своею тонкою черною бровью! Но знаю, что, может быть, несу глупые речи, и нехстати, и нейдет всё это сюда, что не мне, проведшему жизнь в бурсе и на Запорожье, говорить так, как в обычае гово-

рять там, где бывают короли, князья и всё что ни есть лучшего в вельможном рыцарстве. Вижу, что ты иное творенье Бога, нежели все мы, и далеки пред тобою все другие боярские жены и дочери-девы. Мы не голимся быть твоими рабами, только небесные ангелы могут служить тебе.

С возрастающим изумлением, вся превратившись в слух, не проронив ни одного слова, слушала дева открытую сердечную речь, в которой, как в зеркале, отражалась молодая, полная сил душа. И каждое простое слово сей речи, выговоренное голосом, летевшим прямо с сердечного дна, было облечено в силу. И выдалось вперед всё прекрасное лицо ее, отбросила она далеко назад досадные волосы, открыла уста и долго глядела с открытыми устами. Потом хотела что-то сказать и вдруг остановилась и вспомнила, что другим назначеньем ведется рыцарь, что отец, братья и вся отчизна его стоят позади его суровыми мстителем, что страшны облегшие город запорожцы, что лютой смерти обречены все они со своим городом... И глаза ее вдруг наполнились слезами; быстро она схватила платок, шитый шелками, набросила себе на лицо его, и он в минуту стал весь влажен; и долго сидела, забросив назад свою прекрасную голову, сжав белоснежными зубами свою прекрасную нижнюю губу, — как бы внезапно почувствовав какое укушение ядовитого гада, — и не снимая с лица платка, чтобы он не видел ее сокрушительной грусти.

— Скажи мне одно слово! — сказал Андрий и взял ее за атласную руку. Сверкающий огонь пробежал по жилам его от сего прикосновенья, и жал он руку, лежавшую бесчувственно в руке его.

Но она молчала, не отнимала платка от лица своего и оставалась неподвижна.

— Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?

Бросила прочь она от себя платок, отдернула належавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилась в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом, подобно когда ветер, поднявшись прекрасным вечером, пробежит вдруг по густой чаще приводного тростника: зашелестят, зазвучат и понесутся вдруг унывно-тонкие звуки, и ловит их с непонятной грустью остановившийся путник, не чуя ни погасающего вечера, ни несущихся веселых песен народа, бредущего от полевых работ и жнив, ни отдаленного тарахтанья где-то проезжающей телеги.

— Не достойна ли я вечных сожалений? Не несчастна ли мать, родившая меня на свет? Не горькая ли доля припала на часть мне? Не лютой ли ты палач мой, моя свирепая судьба? Всех ты привела к ногам моим: лучших дворян из всего шляхетства, богатейших панов, графов и иноземных баронов и все — что ни есть цвет нашего рыцарства. Всем им было вольно любить меня, и за великое благо всякий из них почел бы любовь мою. Стоило мне только махнуть рукой, и любой из них, красивейший, прекраснейший лицом и породой, стал бы моим супругом. И ни к одному из них не причаровала ты моего сердца, свирепая судьба моя; а причаровала мое сердце, мимо лучших витязей земли нашей, к чуждому, к врагу нашему. За что же ты, Пречистая Божья Матерь, за какие грехи, за какие тяжкие преступления так неумолимо и беспощадно гонишь меня? В изобилии и роскошном избытке всего текли дни мои; лучшие, дорогие блюда и сладкие вина были мне снедью. И на что всё это было? к чему оно всё было? К тому

ли, чтобы наконец умереть лютою смертью, какой не умирает последний нищий в королевстве? И мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что перед концом своим должна видеть, как станут умирать в невыносимых муках отец и мать, для спасенья которых двадцать раз готова бы была отдать жизнь свою; мало всего этого: нужно, чтобы перед концом своим мне довелось увидеть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы он речами своими разодрал на части мое сердце, чтобы горькая моя участь была еще горше, чтобы еще жалче было мне моей молодой жизни, чтобы еще страшнее казалась мне смерть моя и чтобы еще больше, умирая, попрекала я тебя, свирепая судьба моя, и тебя — прости мое прегрешение, — Святая Божья Матерь!

И когда затихла она, безнадежное, безнадежное чувство отразилось в лице ее; ноющею грустью заговорила всякая черта его, и всё, от печально поникшего лба и опустившихся очей до слез, застывших и засохнувших по тихо пламеневшим щекам ее, — всё, казалось, говорило: «Нет счастья на лице сем!»

— Не слыхано на свете, не можно, не быть тому, — говорил Андрий, — чтобы красивейшая и лучшая из жен понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы пред ней, как пред святыней, преклонилось всё что ни есть лучшего на свете. Нет, ты не умрешь! Не тебе умирать! Клянусь моим рождением и всем, что мне мило на свете, ты не умрешь! Если же выйдет уже так и ничем — ни силой, ни молитвой, ни мужеством — нельзя будет отклонить горькой судьбы, то мы умрем вместе; и прежде я умру, умру перед тобой, у твоих прекрасных коленей, и разве уже мертвого меня разлучат с тобою.

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна! — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осока, стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем же голосом и сопроводив его тем движеньем руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело, неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчины? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну свою в сердце моем, понесу ее, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет ее оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!

На миг остолбенев, как прекрасная статуя, смотрела она ему в очи и вдруг зарыдала, и с чудною женскою стремительностью, на какую бывает только способна одна безрасчетно великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движение, кинулась она к нему на шею, обхватив его снегоподобными, чудными руками, и зарыдала. В это время раздались на улице неясные крики, сопровождаемые трубным и литаврным звуком. Но он не слышал их. Он слышал только, как чудные уста обдавали его благовонной теплотой своего дыханья, как слезы ее текли ручьями к нему на

лицо и спустившиеся все с головы пахучие ее волосы опутали его всего своим темным и блистающим шелком.

В это время вбежала к ним с радостным криком татарка.

— Спасены, спасены! — кричала она, не помня себя. — Наши вошли в город, привезли хлеба, пшеница, муки и связанных запорожцев.

Но не слышал никто из них, какие «наши» вошли в город, что привезли с собою и каких связали запорожцев. Полный не на земле вкушаемых чувств, Андрий поцеловал в сии благовонные уста, прильнувшие к щеке его, и небезответны были благовонные уста. Они отозвались тем же, и в сем обоюдностийном поцелуе ощутилось то, что один только раз в жизни дается чувствовать человеку.

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей! Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать ее. Вырвет старый Тарас седой клочок волос из своей чуприны и проклянет и день и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII

● Узнав, что к осажденным пришла подмога, кошевой приказал казакам разбиться на несколько отрядов и перекрыть все подступы к городу.

Тем временем в лагере появился ростовщик Янкель, только что побывавший в Дубно. Он рассказал Тарасу о том, что Андрий, до беспамятства влюбленный в дочь воеводы, перешел на сторону врага. Янкель своими глазами видел Андрия, разодетого в пышные одежды польского дворянина, и слышал, как воевода пообещал после победы над запорожцами сыграть свадьбу своей дочери и Андрия. Столкнувшись лицом к лицу с Янкелем, младший сын Бульбы, нимало не смутившись, произнес: «...скажи всем, что отец — теперь не отец мне, брат — не брат, товарищ — не товарищ и что я с ними буду биться со всеми».

Эта новость глубоко потрясла Тараса. И всё же в сердце старого отца теплилась надежда на то, что произошла какая-то ошибка. ●

(...) В городе услышали козацкое движение. Все высыпали на вал, и предстала пред козаков живая картина: польские витязи, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперенные белыми, как лебедь, перьями. На других были легкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами; кафтаны с откидными рукавами, шитые и золотом и просто выложенные шнурками; у тех сабли и ружья в дорогих оправах, за которые дорого приплачивались паны, — и много было всяких других убранств. Напереди стоял спесиво, в красной шапке, убранной золотом, буджаковский полковник. Грузен был полковник, всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан в силу облекал его. На другой стороне, почти к боковым воротам, стоял другой полковник, небольшой человек, весь высушенный; но малые зоркие очи глядели живо из-под густо нарощих бровей, и оборачивался он скоро на все стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тело свое, знал он хорошо ратную науку. Недалеко от него стоял хорунжий, длинный-длинный, с густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка в краске на лице: любил пан крепкие меды и добрую пирушку. И много было видно за ними всякой шляхты, вооружившейся кто на свои

червонцы, кто на королевскую казну, заложив всё, что ни нашлось в дедовских замках. Немало было и всяких сенаторских нахлебников, которых брали с собою сенаторы на обеды для почета, которые крали со стола и из буфетов серебряные кубки и после сегодняшнего почета на другой день садились на козлы править конями у какого-нибудь пана. Много всяких было там. Иной раз и выпить было не на что, а на войну все принарядились.

Козацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было на них ни на ком золота, только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях и ружейных оправах. Не любили козаки богато выражаться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели черные, червоноверхие бараньи их шапки.

Два козака выехало вперед из запорожских рядов. Один еще совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слова, на деле тоже не плохие козаки: Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много натерпевшийся на веку своим: горел в огне и прибежал на Сечь с обсмаленною, почерневшею головою и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец, вырастил усы, густые и черные как смоль. И крепок был на едкое слово Попович.

— А, красные жупаны на всём войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вот я вас! — кричал сверху дюжий полковник, — всех перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев!

И вывели на вал скрученных веревками запорожцев. Впереди их был куренной атаман Хлеб, без шаровар и верхнего убранства, — так, как схватили его хмельного. И потупил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же козаками и того, что попал в плен, как собака, сонный. В одну ночь поседела крепкая голова его.

— Не печалься, Хлеб! Выручим! — кричали ему снизу козаки.

— Не печалься, друзьяка! — отозвался куренной атаман Бородатый. — В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого. Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонных людей храброе войско! — говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

— Вот, погодите, обрежем мы вам чубы! — кричали им сверху.

— А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! — говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. Потом, поглядевши на своих, сказал: — А что ж? Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вон тот пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь отпустить.

— А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж черта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьем!

Все засмеялись козаки. И долго многие из них еще покачивали головою, говоря: «Ну уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...» Да уж и не сказали козаки, что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой.

Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник.

— Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды! — кричал кошевой. — Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!

И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привел случай показать себя. Демид Попович трех заколол простых и двух лучших шляхтичей сбил с коней, говоря: «Вот добрые кони! Таких коней я давно хотел достать!» И выгнал коней далеко в поле, крича стоявшим козакам перенять их. Потом вновь пробился в кучу, напал опять на сбитых с коней шляхтичей, одного убил, а другому накиннул аркан на шею, привязал к седлу и поволок его по всему полю, снявши с него саблю с дорогою рукоятью и отвязавши от пояса целый черенок с червонцами. Кобита, добрый козак и молодой еще, схватился тоже с одним из храбрейших в польском войске, и долго бились они. Сошлись уже в рукопашный. Одолею было уже козак и, сломивши, ударил вострым турецким ножом в грудь, но не уберется сам. Тут же в висок хлопнула его горячая пуля. Свалил его знатнейший из панов, красивейший и древнего княжеского роду рыцарь. Как стройный тополь, носился он на буланом коне своем. И много уже показал боярской богатырской удали: двух запорожцев разрубил надвое; Федора Коржа, доброго козака, опрокинул вместе с конем, выстрелил по коню и козака достал из-за коня копьем; многим отнес головы и руки и повалил козака Кобиту, вогнавши ему пулю в висок.

— Вот с кем бы я хотел попробовать силы! — закричал незамайковский куренной атаман Кукубенко. Припустив коня, налетел прямо ему в тыл и сильно вскрикнул, так что вздрогнули все близ стоявшие от нечеловеческого крика. Хотел было поворотить вдруг своего коня лях и стать ему в лицо; но не послушался конь: испуганный страшным крюком, метнулся на сторону, и достал его ружейною пулею Кукубенко. Вошла в спинные лопатки ему горячая пуля, и свалился он с коня. Но и тут не поддался лях, всё еще силился нанести врагу удар, но ослабела упавшая вместе с саблею рука. А Кукубенко, взяв в обе руки свой тяжелый палаш, вогнал его ему в самые побледневшие уста. Вышиб два сахарные зуба палаш, рассек надвое язык, разбил горловой позвонок и вошел далеко в землю. Так и пригвоздил он его там навеки к сырой земле. Ключом хлынула вверх алая, как надреч-

ная калина, высокая дворянская кровь и выкрасила весь обшитый золотом желтый кафтан его. А Кукубенко уже кинул его и пробился с своими незамайковцами в другую кучу.

— Эх, оставил неприбранным такое дорогое убранство! — сказал уманский куренной Бородатый, отъехавши от своих к месту, где лежал убитый Кукубенком шляхтич. — Я семерых убил шляхтичей своею рукою, а такого убранства еще не видел ни на ком.

И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять с него дорогие доспехи, вынул уже турецкий нож в оправе из самоцветных камней, отвязал от пояса черенок с червонцами, снял с груди сумку с тонким бельем, дорогим серебром и девическою кудрею, сохранным сберегавшемуся на память. И не услышал Бородатый, как налетел на него сади красноносый хорунжий, уже раз сбитый им с седла и получивший добрую зазубрину на память. Размахнулся он со всего плеча и ударил его саблей по нагнувшейся шее. Не к добру повела корысть козака: отскочила могучая голова, и упал обезглавленный труп, далеко вокруг оросивши землю. Понеслась к вышину суровая козацкая душа, хмурясь и негодуя, и вместе с тем дивуясь, что так рано вылетела из такого крепкого тела. Не успел хорунжий ухватить за чуб атаманскую голову, чтобы привязать ее к седлу, а уж был тут суровый мститель.

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накиннул ему на шею веревку. Побагровело еще сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жестокая петля; схватился он было за пистолет, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же, у его же седла, отвязал шелковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и по ногам, прицепил конец веревки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех козаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману.

Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали:

— Да на что совещаться? Лучше не можно поставить в куренные, как Бульбенка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека.

Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь, а тут же повел их прямо на кучу и уж показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтоб собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот, четыре свежих сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало кого достали: пули хватили по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на козацкие таборы, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас в это

время, вырвавшись из засады с своим полком, с криком бросился навпереймы. Поворотило назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, воли! — кричали запорожцы, — служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля.

Много тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метельца, Шило, оба Пысаренки, Вовтузенко, и немало было всяких других. Увидели ляхи, что плохо наконец приходит, выкинули хоругвь и закричали отворять городские ворота. Со скрыпом отворились обитые железом ворота и приняла толпившихся, как овец в овчарню, изнуренных и покрытых пылью всадников. Многие из запорожцев погнались было за ними, но Остап своих уманцев остановил, сказавши: «Подальше, подальше, паны-братья, от стен! Не годится близко подходить к ним». И правду сказал, потому что со стен грянули и посыпали всем чем ни попало, и многим досталось. В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши: «Вот и новый атаман, а ведет войско так, как бы и старый!» Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке. «Вишь ты какой!» — сказал он, глядя на него; и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Козаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи, уже с изорванными епанчами. Запеклася кровь на многих дорогах кафганах, и пылью покрылись красивые медные шапки.

— Что, перевязали? — кричали им снизу запорожцы.

— Вот я вас! — кричал всё так же сверху толстый полковник, показывая веревку.

И всё еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины, и все, бывшие позадорнее, перекинулись с обеих сторон бойкими словами.

Наконец разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомившись от боя; кто присыпал землей свои раны и драл на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть. Палашами и копьями копали могилы; шапками, полами выносили землю; сложили честно козацкие тела и засыпали их свежою землею, чтобы не досталось бóронам и хищным орлам выклевывать им очи. А ляшские тела, увязавши как попало десятками к хвостам диких коней, пустили их по всему полю и долго потом гнались за ними и хлестали их по бокам. Летели бешеные кони по бороздам, буграм, через рвы и протоки, и бились о землю покрытые кровью и прахом ляшские трупы.

Потом сели кругами все курени вечерять и долго говорили о делах и подвигах, доставшихся в удел каждому, на вечный рассказ пришельцам и потомству. Долго не ложились они. А долее всех не ложился старый Тарас, всё размышляя, что бы значило, что Андрия не было между вражьих воев. Посовестился ли Иуда выйти противу своих, или обманул жид, и попался он просто в неволю? Но тут же вспомнил он, что не в меру было наклончиво сердце Андрия на женские речи, почувствовал скорбь и заклился сильно в душе против полячки, причаровавшей его сына. И выполнил бы

он свою клятву: не поглядел бы на ее красоту, вытащил бы ее за густую, пышную косу, поволок бы ее за собою по всему полю, между всех козаков. Избились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, ее чудные груди и плечи, блеском равные нетающим снегам, покрывающим горные вершины; разнес бы по частям он ее пышное, прекрасное тело. Но не ведал Бульба того, что готовит Бог человеку завтра, и стал позабываться сном, и наконец заснул.

А козаки всё еще говорили промеж собой, и всю ночь стояла у огней, приглядываясь пристально во все концы, трезвая, не смыкавшая очей стража. (...)

● Во время отлучки казаков на Запорожскую Сечь напали татары и увели с собой всех, кто там оставался. Лишь одному казаку, Максиму Голодухе, чудом удалось вырваться из татарского плена. Он-то и сообщил о нападении войску, стоявшему под стенами Дубно. Обычно в подобных случаях запорожцы тотчас же пускались в погоню, стараясь вызволить товарищей до того, как они попадут на невольничьи рынки. Но в этот раз, оставив Дубно, они бросили бы на произвол своих друзей-соратников, взятых в плен поляками. Поэтому на совете было решено разделиться: одна часть войска должна была отправиться вслед за татарами, вторая же — продолжить осаду города. Тарас и Остап остались под Дубно.

Сведения о том, что ряды казаков поредели, воодушевили врага. Запорожцы начали готовиться к сражению. Перед боем старый Бульба обратился к своим товарищам с речью. ●

IX

[...] — Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сырые, да, как вдовица после крепкого мужа, сырая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь — и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребках запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи: гнушаются языком своим; свой со своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом

своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё еще потрясал посеребренные в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошел далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывальными головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удачью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почувствовавшего молодую жемчужною душою на вечную радость старцам родителям, родившим их.

А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окруженные несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалами, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные¹ пищали, и, не перерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в непрерывный гул; дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятились назад, чтобы посторо- ниться от дыма и оглядеться, то многих недосчитались в рядах своих. А у козаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот brave молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом все поле. Почув- яли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и ближних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскаленные ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на

¹ Семипядный — от *пядь* — старинная русская мера длины, равная расстоянию между раздвинутыми большим и указательным пальцами.

воздух черную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспрерывно козаки.

Тарас видел еще издали, что беда будет всему Незамайковскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов, и садись всякий на коня!» Но не успели бы сделать то и другое козаки, если бы Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырех только не мог выбить: отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козаков не видывал дотоле. Страшно глядела она широкою пастью, и тысяча смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырехкратно потрясши глухо-ответную землю, — много нанесли они горя! Не по одному козаку взрывает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдет через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайковского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вбил он с остальными своими незамайковцами в самую середину. В гнев иссек в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьем и конника, и коня, пробрался к пушкарям и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козаков и поворотил с своими в другую неприятельскую гущу. Так, где прошли незамайковцы — так там и улица, где поворотились — так уж там и переулок! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальних возов Дёгтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копье Дёгтяренко, да напал наконец на неподатливого третьего. Увертлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привел с собою. Согнул он крепко Дёгтяренка, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал: «Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!»

«А вот есть же!» — сказал и выступил вперед Мосий Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед. Схватили их турки у самого Трапезонта и всех забрали невольниками на галеры, взяли их по рукам и ногам в железные цепи, не давали по целым неделям пшена и поили противной морской водою. Всё выносили и терпели бедные невольники, лишь бы не переменять православной веры. Не вытерпел атаман Мосий Шило, истоптал ногами Святой Закон, скверною чалмой обвинил грешную голову, вошел в доверенность к паше, стал ключником на корабле и старшим над всеми невольниками. Много опечалились оттого бедные невольники, ибо знали, что если свой продаст веру и приста-

нет к угнетателям, то тяжелей и горше быть под его рукой, чем под всяким другим нехристом. Так и сбылось. Всех посадил Мосий Шило в новые цепи по три в ряд, прикрутил им до самых белых костей жестокие веревки; всех перебил по шеям, угощая подзатыльниками. И когда турки, обрадовавшись, что достали себе такого слугу, стали пировать и, позабыв закон свой, все перепились, он принес все шестьдесят четыре ключа и роздал невольникам, чтобы отмыкали себя, бросали бы цепи и кандалы в море, а брали бы наместо того сабли да рубили турков. Много тогда набрали козаки добычи и воротились со славою в отчизну, и долго бандуристы прославляли Мосия Шила. Выбрали бы его в кошевые, да был совсем чудной козак. Иной раз повершал такое дело, какого мудрейшему не придумать, а в другой — просто дурь одолевала козака. Пропил он и прогулял всё, всем задолжал на Сечи и, в прибавку к тому, прокрался, как уличный вор: ночью утащил из чужого куреня всю козацкую сбрую и заложил шинкарю. За такое позорное дело привязали его на базаре к столбу и положили возле дубину, чтобы всякий по мере сил своих отвесил ему по удару. Но не нашлось такого из всех запорожцев, кто бы поднял на него дубину, помня прежние его заслуги. Таков был козак Мосий Шило.

«Так есть же такие, которые бьют вас, собак!» — сказал он, ринувшись на него. И уж так-то рубились они! И наплечники и зеркала погнулись у обоих от ударов. Разрубил на нем вражий лях железную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить оглушенного. Не добивай, козак, врага, а лучше поворотись назад! Не поворотился козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Поворотился Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почувал, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товаришам: «Прощайте, паны-братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!» И зажмурил ослабшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задоронжий с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

— А что, паны? — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. — Есть еще порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки?

— Есть еще, батенько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутся казаки!

И наперли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малеванных знамен, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знаменам; но не успели они еще выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайковцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лоша-

диной шее, и, уловивши время, с одного раза накинул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за веревку обеими руками и сясь разорвать ее, но уже дюжий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Там и остался он, пригвожденный к земле. Но несдобровать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копы. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой.

Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метельца угощает ляхов, шелома того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьется Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

— Что, паны? — перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех. — Есть ли еще порох в пороховницах? Крепка ли еще козацкая сила? Не гнутся ли еще козаки?

— Есть еще, батко, порох в пороховницах; еще крепка козацкая сила; еще не гнутся козаки!

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце прилась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться с светом. Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копья, от пули и от тяжелого палаша. А был один из доблестнейших козаков; много совершил он под своим атаманством морских походов, но славнее всех был поход к аналитическим берегам. Много набрали они тогда цехинов¹, дорогой турецкой габы², киндяков и всяких уборов, но мыкнули горе на обратном пути: попались, сердечные, под турецкие ядра. Как хватило их с корабля — половина челнов закружилась и перевернулась, потопивши не одного в воду, но привязанные к бокам камыши спасли челны от потопления. Балабан отплыл на всех веслах, стал прямо к солнцу и чрез то сделался невиден турецкому кораблю. Всю ночь потом черпаками и шапками выбирали они воду, латая пробитые места; из козацких штанов нарезали парусов, понеслись и убежали от быстрейшего турецкого корабля. И мало того что прибыли безбедно на Сечу, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорского киевского монастыря и на Покров, что на Запорожье, оклад из чистого серебра. И славили долго потом бандуристы удачливость козаков. Поникнул он теперь головою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдается мне, паны-братья, умираю хорошою смертью: семерых изрубил, девятых копьем исколол. Истоптал конем вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветет вечно Русская земля!..» И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайков-

¹ Цехин — старинная итальянская золотая монета.

² Габá — здесь: турецкий плащ из толстого белого сукна.

ского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нем одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели козаки: уже успело ему углубиться под сердце копьё прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьем молодая кровь, подобно до-рогому вину, которое несли в стеклянном сосуде из погреба неосторожные слуги, поскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею: всё разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы если приведет Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежде, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. «Садись, Кукубенко, одесную меня! — скажет ему Христос, — ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою церковь». Всех опечалила смерть Кукубенка. Уже редели сильно козацкие ряды; многих, многих храбрых уже недосчитывались; но стояли и держались еще козаки.

— А что, паны? — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. — Есть ли еще порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

— Достанет еще, батко, пороху! Годятся еще сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись еще козаки!

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копьё Метельщю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, хлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска. «Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напору ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были вбиты в землю копы и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, еще не совсем победа!» — сказал Тарас, глядя на городские ворота, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все как один бурые аргамачи¹. Впереди других понесся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели

¹ Аргамач — порода крупных верховых лошадей; аргамачи отличаются скоростью и легкостью бега.

черные волосы из-под медной его шапки: вился завязанный на руке дорожной шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понесся, как молодой борзой пес, красивейший, быстрейший и молодой всех в стае. Атукнул на него опытный охотник — и он понесся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чертов сын, своих бьешь?..» Но Андрий не различал, кто пред ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелуев.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: пред ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части; и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и падает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не знал на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив ни мертв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье.

Бледен как полотно был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почувявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очарования, всё еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты.

— Чем бы не козак был? — сказал Тарас, — и станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мертвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас, — будут у него плакальщики и утешницы!

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сиромехам или пощадить в нем рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко:

— Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко:

— Беда, атаман, новая валит еще сила!..

Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит бегом, уже без коня:

— Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорожный убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи; хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом!

— На коня, Остап! — сказал Тарас и спешил, чтобы застать еще козаков, чтобы поглядеть еще на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана.

Но не выехали они еще из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьём в ребро третьего; четвертый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. — кричал Тарас. — Вот я следом за тобою!..» А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьется Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперед на Остапа и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но как тяжелым камнем

хватило его самого в ту же минуту. Всё закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копыта, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи. (...)

Иллюстрация Е. Кибрика

● Две недели раненый Тарас находился без сознания. Придя в себя, он узнал, что битва закончилась полным разгромом казачьего войска и что его, Тараса, голова оценена врагами «в две тысячи червонных». Однако тоска по Остапу, находившемуся в плену, погнала его назад, в Дубно.

Тарас прибыл на место как раз накануне запланированной казни казаков. Ростовщик Янкель раздобыл для него одежду чужестранца и помог пробраться в город. Тарас затерялся в толпе, собравшейся поглазеть на кровавую расправу над запорожцами. Вскоре на площадь вывели приговоренных к казни. ●

XI

(...) Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна изнашивались и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шел Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко:

— Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!

После этого он приблизился к эшафоту.

— Добре, сынку, добре! — сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач дернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества. Напрасно некоторые, немногие, бывшие исключениями из века, являлись противниками сих ужасных мер. Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, представляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщенье козацкой нации. Но власть короля и умных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своею необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление. Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

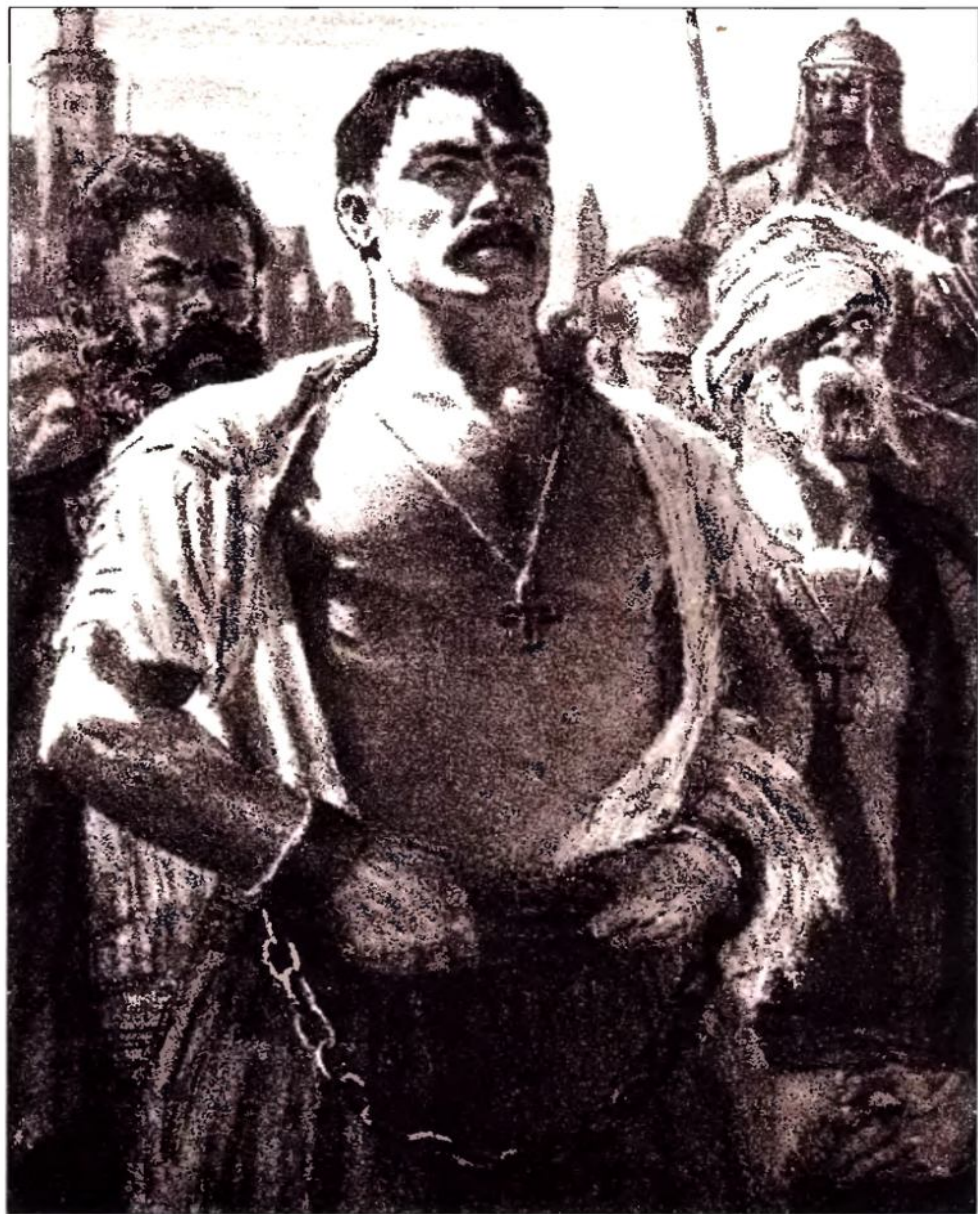

Иллюстрация Е. Кибрика

Но когда подвели его к последним смертным мукам, — казалось, как будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: Боже, всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой

матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

— Батько! где ты! Слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул.

Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа. Янкель побледнел как смерть, и когда всадники немного отделились от него, он со страхом оборотился назад, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

XII

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показались на границах Украины. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отмстить за посмеянье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию... — за всё, что копило и сугубило с давних времен суровую ненависть козачков. Молодой, но сильный духом гетьман Острица предводил всею несметною козацкою силою. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник, Гуня. Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ехали вслед за гетьманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамен развевалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было других чинов полковых: обозных, войсковых товарищей, полковых писарей и с ними пеших и конных отрядов; почти столько же, сколько было рейстровых козачков, набралось охочекомонных и вольных. Отовсюду поднимались козаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов. Без счету кони и несметные таборы телег тянулись по полям. И между теми-то козаками, между теми восьмью полками отборнее всех был один полк, и полком тем предводил Тарас Бульба. Всё давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и умение двигать своим войском, и сильнейшая всех ненависть к врагам. Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением.

Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: всё это внесено в летописные страницы. Известно, какова в Русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря. Из самой середины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного, сплошного камня. Отвсюду видна она и глядит прямо в очи мимобегущим волнам. И горе кораблю, который нанесется на нее! В щепы летят бессильные его

снасти, тонет и ломится в прах всё, что ни есть на них, и жалким криком погибающих оглашается пораженный воздух.

В летописных страницах изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов; как были перевешаны бессовестные арендаторы-жиды; как слаб был коронный гетьман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы; как, разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска; как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные козацкие полки и как, приведенный в крайность, польский гетьман клятвенно обещал полное удовлетворение во всём со стороны короля и государственных чинов и возвращение всех прежних прав и преимуществ. Но не такие были козаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что такое польская клятва. И Потоцкий не красовался бы больше на шеститысячном своем аргмаке, привлекая взоры знатных панн и зависть дворянства, не шумел бы на сеймах, задавая роскошные пиры сенаторам, если бы не спасло его находившееся в местечке русское духовенство. Когда вышли навстречу все попы в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты, и впереди сам архиерей с крестом в руке и в пастырской митре, преклонили козаки все свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, ниже самого короля, но против своей церкви христианской не посмели и уважили свое духовенство. Согласился гетьман вместе с полковниками отпустить Потоцкого, взявши с него клятвенную присягу оставить на свободе все христианские церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды козацкому воинству. Один только полковник не согласился на такой мир. Тот один был Тарас. Вырвал он клоч волос из головы своей и вскрикнул:

— Эй, гетьман и полковники! не сделайте такого бабьего дела! не верьте ляхам: продадут псяюхи!

Когда же полковой писарь подал условие и гетьман приложил свою властную руку, он снял с себя чистый булат, дорогую турецкую саблю из первейшего железа, разломил ее надвое, как трость, и кинул врозь, далеко в разные стороны оба конца, сказав:

— Прощайте же! Как двум концам сего палаша не соединиться в одно и не составить одной сабли, так и нам, товарищи, больше не видаться на этом свете. Помяните же прощальное мое слово (при сем слове голос его вырос, подымался выше, принял неведомую силу, — и смутились все от пророческих слов): перед смертным часом своим вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствие и мир; думаете, пановать станете? Будете пановать другим панованьем: сдерут с твоей головы, гетьман, кожу, набьют ее гречаною половою, и долго будут видеть ее по всем ярмаркам! Не удержите и вы, паны, голов своих! Пропадете в сырых погребях, замурованные в каменные стены, если вас, как баранов, не сварят всех живыми в котлах!

— А вы, хлопцы! — продолжал он, оборотившись к своим, — кто из вас хочет умирать своею смертью — не по запечьям и бабьим лежанкам, не пьяными под забором у шинка, подобно всякой падали, а честной, козацкой смертью — всем на одной постеле, как жених с невестою? Или, может

быть, хотите воротиться домой, да оборотиться в недоверков, да возить на своих спинах польских ксендзов?

— За тобою, пане полковнику! За тобою! — вскрикнули все, которые были в Тарасовом полку; и к ним перебежало немало других.

— А коли за мною, так за мною же! — сказал Тарас, надвинул глубже на голову себе шапку, грозно взглянул на всех оставшихся, оправился на коне своем и крикнул своим: — Не попрекнет же никто нас обидной речью! А ну, гайда, хлопцы, в гости к католикам!

И вслед за тем ударил он по коню, и потянулся за ним табор из ста телег, и с ними много было козацких конников и пехоты, и, оборотясь, грозил взором всем оставшимся, и гневен был взор его. Никто не посмел остановить их. В виду всего воинства уходил полк, и долго еще оборачивался Тарас и всё грозил.

Смутны стояли гетьман и полковники, задумались все и молчали долго, как будто теснимые каким-то тяжелым предвестием. Недаром провещал Тарас: так всё и сбылось, как он провещал. Немного времени спустя, после вероломного поступка под Каневом, вздернута была голова гетьмана на кол вместе со многими из первых сановников.

А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас. Не уважали козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки подымались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя. «Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!» — приговаривал только Тарас. И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки проселочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; не утомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилеглых к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дня бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами

и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стои! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную спутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелый старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешения, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздем прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костер. Но не на костер глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты все было видно как на ладони.

— Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!

Но ветер не донес его слов.

— Вот, пропадут, пропадут ни за что! — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал:

— К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переверотил всё в глазах его.

Пустились козаки во всю прыть подгорной дорожкой; а уж погоня за плечами. Видят: путается и загибается дорожка и много дает в сторону извивов. «А, товарищи! не куды пошло!» — сказали все, остановились на миг, подняли свои нагайки, свистнули — и татарские их кони, отделившись от земли, распластавшись в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и бултыхнули прямо в Днестр. Двое только не достали до реки, грянулись с вышины об камень, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козаки уже плыли с конями в реке и отвязывали челны. Остановились ляхи над пропастью, дивясь неслыханному козацкому делу и думая: прыгать ли им или нет? Один молодой полковник, живая, горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конем за козаками: перевернулся три раза в воздухе с конем своим и прямо грянулся на острые утесы. В куски изорвали его острые камни, пропавшего среди пропасти, и мозг его, смешавшись с кровью, обрызгал росшие по неровным стенам провала кусты.

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чертовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорила ему!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубоководных мест; блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем лебедей, и гордый гоголь быстро несется по нем, и много куликов, краснозобых курухтанов и всяких иных птиц в тростниках и на побережьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли веслами, осторожно минали отмели, всплашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать повесть

1. Учимся осмысливать прочитанное

1. Охарактеризуйте положение жителей Дубно. Какие картины из жизни осажденного города вас больше всего впечатлили? В какой детали раскрывается свойственное Андрию чувство сострадания?

2. Перескажите эпизод встречи Андрия с польской панночкой в осажденном городе. Какую роль эта встреча сыграла в судьбе героя? Что заставило его отречься от отчизны и казачьего братства? Как вы оцениваете это решение?

3. Перечитайте речь Тараса о товариществе. Какие заветные мысли высказал в ней герой? Какие из этих мыслей вы разделяете?

4. Расскажите о последней битве казаков с поляками. Как во время этого боя вел себя Тарас? Приведите примеры героизма запорожцев.

5. Чем завершилось сражение для Тараса и его сыновей? Как вы думаете, почему Андрий при встрече с отцом не промолвил ни единого слова?

6. Как Остап держался во время пыток? Что побудило его в эти минуты обратиться к отцу? Как вам кажется, помог ли молодому Бульбе ответ отца? Что чувствовал Тарас, наблюдая за тем, как его сын претерпевает страшные муки?

7. Как погиб Тарас Бульба? Какие художественные средства и детали подчеркивают физическую и духовную мощь героя в последние минуты его жизни? Что общего между образом Тараса Бульбы и образами былинных богатырей?

8. Рассмотрите иллюстрации Е. Кибрика, помещенные на страницах 114 и 157. Какие моменты жизни героев в них отражены? Как в портрете Тараса передается его физическая сила и чувство собственного

достоинства? Какие чувства подчеркивает художник в образе Остапа, идущего на казнь?

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Какой теме посвящено произведение «Тарас Бульба»? Почему его относят к жанру исторической повести?

2. Обобщив размышления над судьбами Тараса и его сыновей, определите главную идею повести.

3. Сравните образы Остапа и Андрия. При выполнении этого задания примите во внимание описание внешности и характеров братьев, а также особенности их поведения:

- в бурсе;
- в эпизоде возвращения домой из бursы;
- во время похода на Дубно;
- в момент гибели.

Завершая сопоставление, подумайте над вопросами:

А. Что превыше всего ценил в жизни каждый из братьев?

Б. Как эти представления повлияли на их судьбы?

4. Выучите наизусть один из следующих отрывков повести: описание степи, речь Тараса о товариществе, эпизод гибели Тараса.

Можно поспорить! Подготовьтесь к дискуссии по следующим вопросам:

А. Что привело Андрия к трагедии: недостатки его характера, любовь к женщине из «вражеского народа», отсутствие патриотизма? Могла ли подобная история произойти с Остапом? Какие чувства вызывает у вас Андрий?

Б. Прав ли, по вашему мнению, был Тарас, казнив сына за измену?

В. Выкажите свое мнение по поводу следующих рассуждений персонажей повести: «*Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего*» (Андрий); «*Коли человек влюбится, то он всё равно что подошва, которую, коли размочишь в воде, возьми, sogni — она и согнется*» (Янкель); «*Нет уз святее товарищества!*» (Тарас Бульба).

III. Учимся фантазировать

Как, с вашей точки зрения, сложилась бы судьба Андрия, если бы он отказался пойти к любимой в осажденный город?

Творческое задание. Дайте развернутый письменный ответ на один из следующих вопросов:

А. Можно ли считать Тараса Бульбу настоящим героем?

Б. В чем заключаются главные различия между Остапом и Андрием?

В. Чем повесть «Тарас Бульба» может быть интересна современному читателю?

ЧТЕНИЕ-РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Литературная викторина «Мелочи немелочного значения». Ответьте на следующие вопросы:

1. Как звали коня Тараса Бульбы?

2. Из какой посуды пили Тарас и его сыновья по дороге на Запорожскую Сечь?

3. На каком острове располагалась Сечь?

4. Среди первых картин, увиденных героями на Сечи, был захватывающий танец, — по словам повествователя, «самый вольный, самый бешеный» среди тех, какие «когда-либо видел свет». Как назывался этот танец?

5. К какому персонажу повести относятся следующие слова: *«Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова»*? Раскройте художественную роль сравнений, используемых в этом описании.

6. Какими были прощальные слова казаков, погибших в бою под Дубно? А что перед смертью сказал Андрий? Раскройте смысл этих деталей.

Образы запорожцев в поэзии и живописи

Повесть «Тарас Бульба» пользовалась огромной популярностью в годы Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют, в частности, строки одного из стихотворений М.А. Светлова:

И в сорок первом шли на смерть солдаты
С его «Тарасом Бульбой» в винтовке...

Описывая подвиги советских воинов, поэты нередко обращались к образу главного героя гоголевского произведения. Так, рассказывая о гибели 3-х танкистов, которые предпочли сгореть заживо, но не сдать в плен, К.М. Симонов устанавливал преемственную связь между героями войны и литературным персонажем:

Я знаю — Отчизна им сикку дала,
 Им службу Тарасова кровъ сослужила.
 Я знаю — она в это время текла
 В их черных, от пламени вздувшихся жилах.

Украинский поэт и переводчик Я.С. Первотамный написал стихотворение «Копье Тараса», в котором перенес героев гоголевской повести в эпоху войны с гитлеровской Германией. В этом стихотворении старый казак откликается на голос Остапа, схваченного фашистами, следующими словами:

— Чую, сину!
 Гнів людський виходить з берегів,
 Хоч загину, а звільню Вкраїну
 Від неситих, лютих ворогів...*

Опираясь на приведенные цитаты, объясните причины всплеска интереса к повести «Тарас Бульба» в годы Великой Отечественной войны.

Дух казацкой вольницы, любовно переданный Н.В. Гоголем в «Тарасе Бульбе», привлекал и знаменитых художников конца XIX — начала XX в. Самая яркая картина, написанная на эту тему, принадлежит кисти Ильи Ефимовича Репина.

На ней изображены запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану Магомету IV. Замысел картины художнику подсказал текст этого дерзкого, полного издевок послания. В нем, по мнению Репина, проявился жизнерадостный, могучий и волюнтаристический дух Запорожской Сечи. Работа над картиной продолжалась с 1880 по 1891 г., после чего полотно было выставлено и продано за неслыханно высокую по тем временам цену — 35 тыс. рублей. Приобрел его царь Александр III.

1. Вокруг какой фигуры на картине сгруппированы запорожцы? Чем этот персонаж отличается от остальных?
2. По каким деталям можно определить, что запорожцы вместе сочиняют текст письма и что письмо это носит издевательский характер?
3. Как в позах и лицах казаков передается дух свободы?
4. Какие детали свидетельствуют о военном образе жизни запорожцев?
5. Что общего у этой картины с повестью «Тарас Бульба»?

И. Репин. Запорожцы,
 сочиняющие письмо турецкому султану

* Цитируется на языке оригинала.

«Сколько на картине фигур, сколько разнообразных поз, лиц, характеров, сколько выражений веселья! Это целая гамма смеха от раскатистого басового хохота запорожца в красном жупане до визгливого, с присвистом, смеха старика. А рядом с грохочущим запорожцем — старик в польской конфедератке* с вислыми седыми усами. Он молчит, но разящая, как пуля, острота уже наготове. Типы смеющихся запорожцев даны так многообразно, с такой выразительностью, как не давал никто ни до, ни после Репина. А какое богатство аксессуаров**! Разнообразны костюмы, вооружение, предметы быта, не забыта и родная украинская бандура. Всё в картине живет и дышит».

(Из издания «Галерея искусств»)

И. Репин. Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану. Фрагменты

Под впечатлением этого полотна один из лучших учеников И.Е. Репина, украинский художник Александр Александрович Мурашко, написал картину «Похороны кошевого». Но в отличие от своего учителя, создавшего образы жизнелюбивых, бесшабашных казаков, Мурашко изобразил трагический момент из жизни Запорожской Сечи.

* Конфедератка — национальный польский головной убор в виде 4-гранной шапки без козырька с кисточкой наверху.

** Аксессуары — в живописи: второстепенные явления, детали, дополняющие главный предмет изображения.

А. Мурашко. Похороны кошевого

«Сумеречный лес, из которого выходит похоронная процессия, придает картине возвышенную торжественность, напоминающую старинные народные песни и думы. Темные краски созвучны суровому настроению изображенных людей. Но на этом мрачном фоне выделяются светлые пятна — три идущих впереди казака. Мерцающие огоньки свечей выхватывают из темноты мужественные и печальные лица запорожцев. Фигуры казаков сгруппированы на полотне таким образом, чтобы передать их эмоциональную и духовную общность. Стремясь к исторической точности, художник тщательно выписал детали одежды запорожцев».

(Из издания «Великие художники»)

РЭСУМЕ И ОБОБЩЕНИЕ ИЗУЧЕННОГО ВО ВТОРОМ РАЗДЕЛЕ

1. Какие из включенных в этот раздел произведений вам больше всего понравились?
2. Назовите основные литературные роды. Определите, к каким родам относятся жанры поэмы, трагедии, романа, повести, стихотворения, рассказа.
3. На основе изученного в данном разделе материала приведите примеры жанров:
 - баллады;
 - поэмы;
 - исторической повести;
 - лирического стихотворения.
4. Какие разновидности лирики вы знаете?

5. Кого принято называть лирическим героем?
6. Что такое лирическое отступление?
7. Дайте определение композиции. Что такое интрига?
8. Было время, когда писатели спорили о том, какие жанры лучше, а какие хуже. Что бы вы сказали по этому поводу, оказавшись участниками такой дискуссии? Подготовьте аргументы в пользу особо интересных для вас жанров.

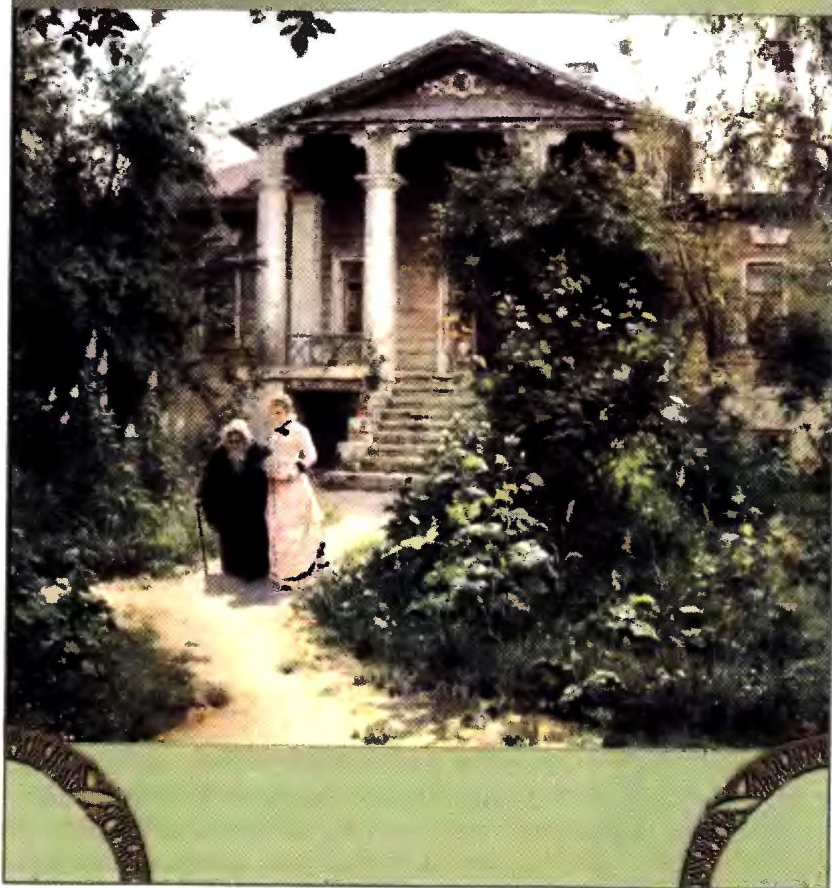
УЧЕНДЕ-РАЗВПЕЧЕНДЕ

Игра «Немые картины». Класс делится на группы в зависимости от произведения, по которому будет готовиться маленькое пантомимное представление. Каждая группа показывает пантомимную картину, иллюстрирующую эпизод какого-либо произведения (из числа включенных в данный раздел). Другие команды должны узнать, какой именно эпизод представлен в этой «немой картине».

РАЗДЕЛ
ТРЕТИЙ

Рассказ
и новелла

«МЕЛОЧИ», ОМРАЧАЮЩИЕ НАШУ ЖИЗНЬ

«Душа моя просится вишь и ввысь...»

Вспомните рассказы, которые вы изучали в предыдущих классах. Что характерно для жанра рассказа?

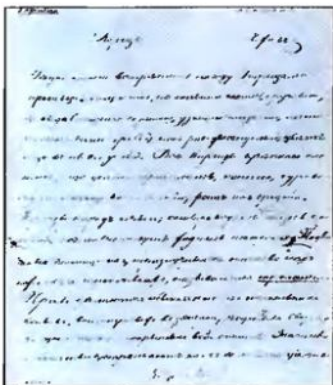

**Антон Павлович
Чехов (1860–1904)**

Антон Павлович Чехов принадлежит к числу величайших русских прозаиков. Впрочем, при жизни этого художника лишь немногие современники вполне осознавали его писательское и человеческое величие. «Даже те, что очень любили его, — отмечал известный детский писатель и литературный критик Корней Чуковский, — постоянно твердили о нем: “милый Чехов”, “симпатичный Чехов”, “изящный Чехов”, “трогательный Чехов”, “обаятельный Чехов”, словно речь шла не о человеке громадных масштабов, а о миниатюрной фигурке, которая привлекала именно своей грациозностью, малостью».

Такое отношение отчасти объясняется тем, что сам писатель всячески избегал похвал своему таланту и неизменно держался в тени собственной славы, считая скромность одной из самых важных черт интеллигентного человека. А стать таким человеком он, вышедший из затхлой мешанской среды, мечтал с детства.

А.П. Чехов родился в провинциальном городе Таганроге в семье владельца мелочной лавки. Отец писателя — человек по-своему одаренный и по-своему заботившийся о благополучии детей — отличался суровостью нрава, нередко принимавшей формы самодурства. Дела он вел не лучшим образом, и потому Антону сызмала пришлось помогать ему в лавке. Мальчик рос в условиях многочисленных запретов и угроз, жестоко ограничивавших его свободу. Позднее писатель утверждал, что его детство было изуродовано. Поэтому в своих произведениях он с глубоким сочувствием изображал детей трудной судьбы.

**Гимназическое сочинение
Антон Чехова. Автограф**

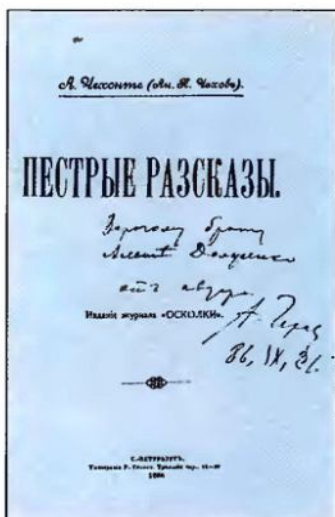
И всё-таки жизнь юного Антона не была лишена радостных переживаний. Они были связаны с посещениями Таганрогского театра, участием в домашних спектаклях, где ему обычно доставались комические роли, сочинением коротких юмористических историй. Эти увлечения в дальнейшем развились в отдельные направления чеховского творчества: драматургию и юмористику.

Печататься А.П. Чехов начал еще в годы обучения на медицинском факультете Московского университета. Благодаря этому он уже с 20-летнего возраста стал кормильцем и фактическим главой большой семьи (кроме Антона, в ней было еще 5 детей). Большинство его ранних рассказов представляли собой миниатюрные комичные сценки из жизни. Но писались эти произведения отнюдь не на потеху публике: в них высмеивались разнообразные человеческие пороки — невежество, высокомерие, своеволие, чинопочитание, малодушие и т.п. Многие ранние рассказы Чехов подписывал веселыми литературными прозвищами, среди которых особую популярность приобрел псевдоним Антоша Чехонте.

Его сочинения стремительно завоевали симпатии публики. Читатели заметили, что молодой автор обладает не только незаурядным литературным талантом, но и необычайно острым взглядом на жизнь. Однако лишь немногие любители этих юмористических зарисовок могли предположить, что из задиристого Антоши Чехонте вырастет писатель с мировым именем, который в своих книгах будет разоблачать уродливые стороны жизни и беспощадно высмеивать любые формы унижения человеческого достоинства.

Литература была главным делом жизни А.П. Чехова. Вместе с тем огромную часть своих сил писатель, несмотря на тяжелую болезнь, отдавал общественной деятельности и помощи тем, кто обращался к нему со своими бедами. Трудно перечислить всё, что было сделано этим удивительно энергичным, благородным и безотказным человеком. Он хлопотал об устройстве в Москве первого Народного дома с библиотекой, о создании клиники кожных болезней и открытии первой в Крыму биологической станции, занимался строительством нескольких школ для детей крестьян и установкой памятника Петру I в Таганроге, организовывал помощь голодающим в неурожайные годы... Списка его добрых дел вполне хватило бы для целого благотворительного фонда. Между тем к этому списку следовало бы прибавить еще и многолетнюю лекарскую службу, которую писатель нес с редкой самоотверженностью и бескорыстием. По воспоминаниям сестры, он ежегодно принимал более 1000 крестьян, не беря за свои услуги денег да еще бесплатно снабжая больных лекарствами.

Обширная общественная деятельность Чехова объясняется тем, что он стремился исправлять окружающую жизнь не только пером, но и реальными поступками. Однако главным объектом «исправления» была его собственная душа: и обличая человеческие недостатки в своих произведениях, и побуждая себя заниматься делами других людей, писатель всякий раз воспитывал самого себя.

Титульный лист сборника рассказов А.П. Чехова с дарственной надписью. Издание 1886 г.

*А.П. Чехов
с братом Николаем*

Это была целенаправленная, каждодневная, не знавшая поблажек работа над собой. Она требовала постоянного самоанализа и самопреодоления, строжайшей духовной дисциплины, или, используя слова Чехова, жесткой «дрессуры» собственной натуры. Всё это было необходимо писателю для того, чтобы стать... просто воспитанным человеком!

Свое понимание того, что представляет собой воспитанный человек, А.П. Чехов изложил в письме к брату Николаю. Выдержки из него часто цитируются в качестве жизненных правил для тех, кто стремится к нравственному самосовершенствованию. Вот небольшой фрагмент из этого наставления:

«...Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:

1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилище посторонних...

2. Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом... Они ночей не спят, чтобы... платить за братьев-студентов, одевать мать.

3. Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4. Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии. Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат.

5. Они не уничижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы им в ответ вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: «Меня не понимают!» или «Я разменялся на мелкую монету!»... потому что всё это бьет на дешевый эффект, пошло, старо, фальшиво...

6. Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства со знаменитостями... Делая на грош, они не носятся со своей папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Истинные таланты всегда сидят в потемках, в толпе, подальше от выставки...

7. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом. Так, они не пьянствуют с надзирателями мещанского училища и с гостями Скворцова, сознавая, что они призваны не жить с ними, а воспитывать их, влиять на них. К тому же они безразличны...

8. Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки...»

Сам А.П. Чехов строго придерживался этих и подобных им принципов. Именно потому он и запомнился своим современникам как человек, который может служить образцом настоящего интеллигента.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Какие факты биографии А.П. Чехова вам запомнились?
 2. Как начался творческий путь писателя? Назовите один из самых популярных псевдонимов А.П. Чехова.
 3. Охарактеризуйте общественную деятельность писателя.
- Работа в парах. Обсудите изложенные в письме А.П. Чехова принципы поведения воспитанного человека. Какие из этих принципов вы бы взяли на вооружение для себя?

Мастер коротких рассказов

Крылатым выражением стали слова А.П. Чехова о том, что краткость является «сестрой таланта». Его рассказы наглядно подтверждают справедливость этого высказывания: они невелики по объему, но чрезвычайно насыщены по содержанию. Недаром Корней Чуковский говорил о том, что чеховские короткие истории похожи на «спрессованные романы». В них изображаются, на первый взгляд, самые незначительные, рядовые повседневные ситуации — то, что принято называть «мелочами жизни». Однако писатель показывает, как в этих «мелочах» проявляются отнюдь «не мелочные» изъяны человеческой души.

Чеховские рассказы требуют особенно внимательного чтения. В них нет ни одного лишнего слова, ни одной ненужной подробности. Автор, как правило, избегает пространных описаний природы, местности, жилища персонажей, их внешности, чувств и мыслей. Он ограничивается всего несколькими штрихами — выразительными *художественными деталями*, которые выполняют роль «спрессованных» характеристик героя и его окружения.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯДКА

Художественная деталь — это выразительная подробность в художественном произведении, которая несет важную информацию и имеет самостоятельное значение.

Книги А.П. Чехова учат нас замечать, «расшифровывать» и понимать такие детали, — кстати сказать, не только в художественной литературе, но и в жизни.

Перед чтением. В рассказе, который вам предстоит прочесть, важную роль играет прием антитезы. Проследите за тем, как писатель пользуется этим приемом.

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом¹ и флердоранжем². Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка³... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафания, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафания! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... Лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живешь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну да бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берет десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы

¹ Херес — сорт крепкого виноградного вина.

² Флердоранж — название дорогих духов.

³ Лютеране — представители протестантской религии, основанной Мартином Лютером (1483—1546).

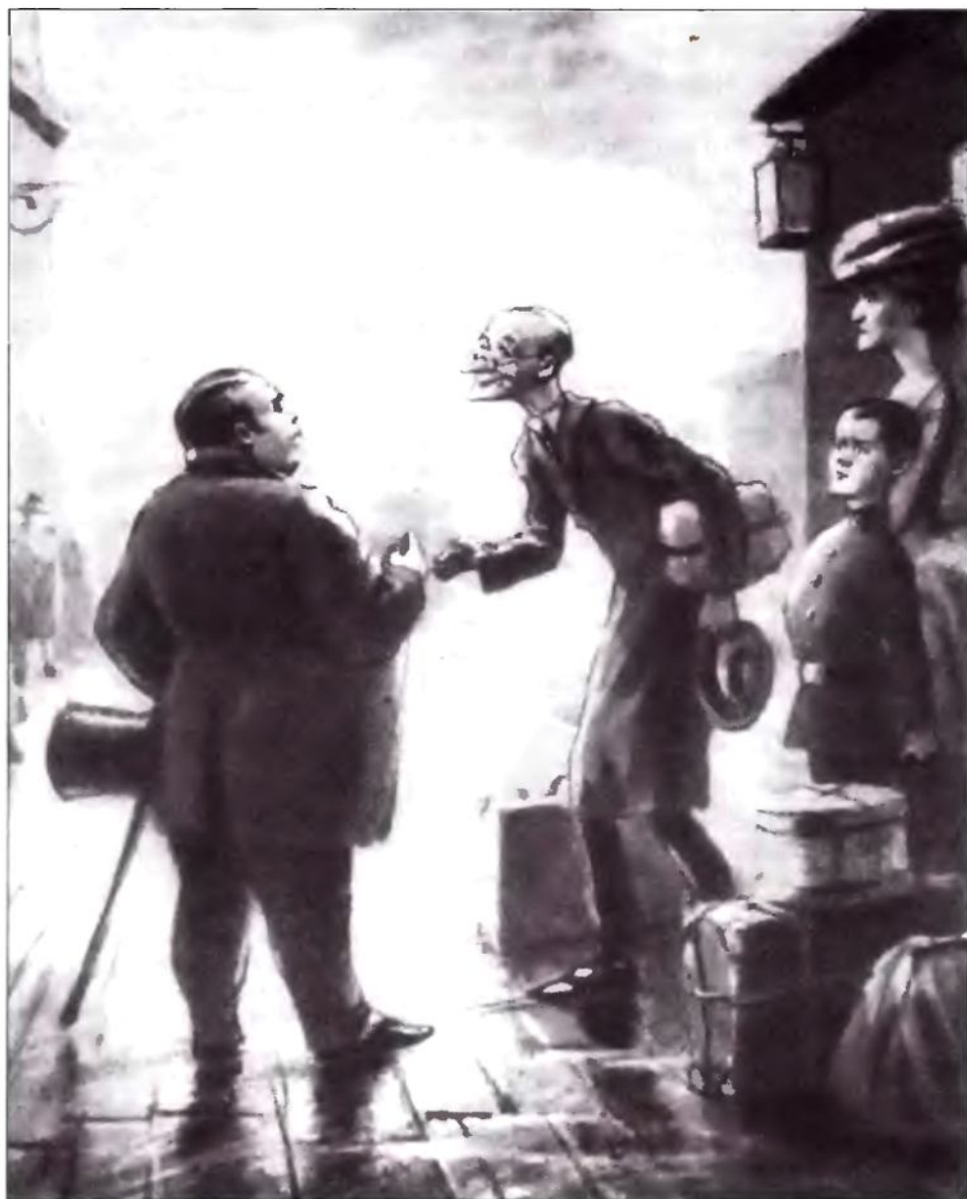

Иллюстрация Б. Калаушина

и картонки съжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, еще более съезживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... Вроде как бы живой влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать рассказ =====

I. Учимся осмысливать прочитанное

1. Перескажите содержание рассказа. Докажите, что в основу его сюжета положена незначительная житейская ситуация. Какие ее детали кажутся вам наиболее смешными?
2. Что связывало толстого и тонкого в прошлом? Действительно ли они были рады встрече?
3. Что заставило тонкого резко изменить тон и манеру обращения в разговоре с бывшим товарищем? Найдите в тексте первую фразу, сказанную им изменившимся тоном. С помощью каких языковых средств автор передает подхалимские интонации тонкого?
4. А что нового к концу разговора появилось в поведении толстого? Найдите в сцене прощания персонажей деталь, подчеркивающую разницу их социального положения.

Работа в парах. Обсудите следующие вопросы:

- А. Что ценит в людях тонкий? Какие чувства он у вас вызывает?
- Б. Какое впечатление на вас произвели близкие тонкого?
- В. В какой момент разговора жена тонкого впервые улыбнулась? Почему? Какой вам представляется эта улыбка? (Опишите ее.)
- Г. Как в ходе разговора изменялось поведение сына тонкого? (Прокомментируйте каждое такое изменение.)
- Д. Какие черты характеров персонажей проявляются в отмеченных выше деталях?

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Что высмеивает А.П. Чехов в рассказе «Толстый и тонкий»?
2. Приходилось ли вам наблюдать похожие явления в жизни? Какой вред они наносят человеку и его отношениям с другими людьми?
3. Какой символический смысл приобретает в произведении антитеза «толстый — тонкий»? Почему она выносится в заглавие рассказа?

III. Учимся фантазировать

Представьте, что к концу изображаемой в рассказе встречи выяснилось, что толстый назначен новым начальником тонкого. Как бы это повлияло на их беседу? Придумайте свою версию дальнейшего диалога героев.

IV. Филологический мастер-класс

1. Как вы уже знаете, вместо развернутых портретов А.П. Чехов обычно дает несколько художественных деталей, на основании которых читатель может составить представление и о внешности героев, и даже об их образе жизни. Перечитайте первый абзац рассказа. Найдите в нем подобные детали. Как они характеризуют героев?

2. Найдите в тексте описание реакции тонкого на известие о продвижении приятеля по карьерной лестнице. С помощью каких художественных средств автор подчеркивает возрастающее подобоострастие тонкого?

3. Перечитайте заключительное предложение рассказа. Как оно звучит: искренне или фальшиво?

Творческое задание. Напишите письмо тонкому. Объясните в нем, почему человек не должен вести себя подобным образом, и посоветуйте своему адресату, что нужно делать для того, чтобы искоренить в себе подхалимство, лицемерие и самоуничижение.

Комментарий профессора Архивайкина

Почему коллежский асессор засуетился перед тайным советником? В царской России существовал список всех чинов («Табель о рангах»), включавший в себя 14 классов. Этот документ четко закреплял место каждого чина на общественной лестнице: под первыми номерами в нем значились самые весомые и почетные, под последними — малозначительные.

Скажем, *коллежский асессор* принадлежал к восьмому классу (то есть находился приблизительно в середине списка), *статский советник* — к пятому; *тайный советник* — к третьему, *действительный тайный советник* — ко второму. В зависимости от класса определялось и положение человека в обществе. Поэтому отношения между людьми нередко строились в соответствии с дистанцией между разными классами, обозначенной в «Табели о рангах». Это создавало основу для нездоровой, недемократичной атмосферы в обществе, для процветания в нем фальши, раболепия, бездушного карьеризма, всевозможных форм унижения личности.

Каким столом руководил столоначальник? «Столом» в царской России назывался канцелярский отдел или сама канцелярия. Соответственно «столоначальником» именовался руководитель такого подразделения.

Что означают гимназические клички толстого и тонкого? Согласно древнегреческим источникам, *Герострат* был жителем Эфеса. Мечтая прославиться любой ценой, он поджег храм Артемиды, считавшийся одним из семи чудес света. Возмущенные этим варварским поступком сограждане казнили преступника и запретили даже произносить его имя. Но историк Феомп, описывая пожар в Эфесе, упомянул безумного честолюбца, уничтожившего чудесный памятник архитектуры. Так было увековечено имя Герострата — «геростратовской» называют позорную, «черную» славу.

Эфиальт — в древнегреческой мифологии сын бога морей Посейдона, наделенный гигантским ростом и богатырской силой. Вместе со своим братом, таким же гигантом, Эфиальт угрожал богам тем, что доберется до неба. ●

Перед чтением. Вероятно, вам известно, что отличительной чертой ящерицы, называемой хамелеоном, является способность изменять свою окраску в зависимости от изменений в окружающей среде. В процессе чтения рассказа подумайте над тем, какое символическое значение приобретает в нем слово «хамелеон».

Хамелеон

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городовой с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пушай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городовой.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой шенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчет дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевелину... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Не медля! Она, наверное, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

Иллюстрация Б. Калаушина

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоро-

вила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она, не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом... А ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И такую собаку держат?! Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подул... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Эдаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иванович? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братцу... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее. Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуик эдакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТАННОСТИ

1. Как вы поняли смысл прочитанного рассказа? Над чем тут смеется автор? Почему он сравнивает своего героя с хамелеоном?
 2. Чем объясняются изменения в отношении Очумелова к жалобе Хрюкина? Почему полицейский надзиратель ведет себя то как грозный начальник, то как заискивающий подчиненный? Какими чувствами продиктовано такое поведение? В какой детали поведения Очумелова отражаются перепады его настроения?
 3. Проследите за тем, как под влиянием противоречивых сведений о собаке изменяется речь полицейского. Приведите наиболее показательные примеры.
 4. Найдите в тексте описание «пострадавшего» и «виновника скандала». Что придает этому описанию комичный характер?
 5. Обратите внимание на «говорящие» фамилии героев. О чем они «говорят»?
 6. Подготовьтесь к чтению рассказа в ролях.
- Думайте сами! Какие, по вашему мнению, качества характера следует в себе воспитывать, чтобы не стать «хамелеоном»?

Глава 2

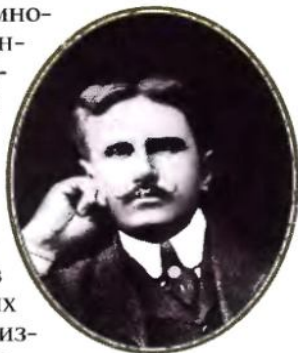
НОВЕЛЛЫ, ЗАЖИГАЮЩИЕ ОГОНЕК НАДЕЖДЫ

Зигзаги писательской удачи

Что характерно для жанра новеллы? Приведите примеры ранее изученных новелл.

Творчество американского писателя О. Генри во многом перекликается с произведениями его современника А.П. Чехова. Подобно Чехову, этот автор снижал славу мастера коротких историй. И так же как Чехов, он был наделен незаурядным чувством юмора, о чем свидетельствует изобилие смешных сцен в его книгах. Правда, юмор его был мягче, чем чеховский: О. Генри использовал смех не как оружие в борьбе с человеческими пороками, но как волшебное стекло, позволявшее увидеть в серых буднях проблески романтики, а в тяжелых сторонах жизни — забавные недоразумения. Да и избранный им жанр новеллы отличался от чеховских рассказов более острым сюжетом и неожиданным финалом. На одну из новелл О. Генри была похожа его собственная жизнь.

О. Генри
(1862–1910)

Уильям Сидни Портер — таковы настоящие имя и фамилия писателя — родился в маленьком городке Гринсборо, расположенном в одном из южных

О. Генри — кассир в банке

юмористический еженедельник. Казалось бы, жизнь его устроилась самым счастливым образом. Однако счастье длилось недолго.

Всё началось с проверки банка, выявившей существенную недостачу. Главное подозрение пало на кассира Портера. Денег он не брал, но доказательств в пользу своей невиновности предоставить не мог. Не рассчитывая на снисходительность суда, Портер бежал из города.

Запутывая следы, он переезжал с места на место, скрывался под чужими именами, пока, наконец, не покинул страну. Однако, получив известие о тяжелой болезни жены, Портер, невзирая на опасность оказаться за решеткой, вернулся в Остин. Жена умерла. Вслед за этим последовал арест, суд и приговор: 5 лет тюремного заключения. Но судьба распорядилась так, что именно в тюрьме осужденный У.С. Портер, числившийся в списке заключенных под номером 34 627, превратился в писателя О. Генри.

Такому превращению невольно поспособствовало руководство тюрьмы, приставившее неудачливого кассира к тюремной аптеке. Таким образом ему были предоставлены свободное время и возможность проводить по несколько часов в уединении. Как-то перед Рождеством Портер задумал сделать подарок своей маленькой дочке, находившейся на воспитании у родных. Денег у него не было. Вспомнив о юморесках и рассказах, которые он прежде писал для остинского еженедельника, Портер решил заработать на подарок каким-нибудь небольшим произведением на рождественскую тему. Так появилась новелла под названием «Рождественский чулок Дика-Свистуна». Она была опубликована в праздничном номере «Журнал Мак-Клюрс». А в Рождество дочь писателя нашла чудесный подарок «от Санта Клауса», купленный на скромный гонорар отца.

Вскоре в печати стали появляться другие произведения писателя. Они были подписаны псевдонимом О. Генри. С каждой публикацией это имя приобретало всё большую известность. Читатели были заинтригованы: кто он такой, этот талантливый и таинственный автор, передающий свои произведения в редакции через третьих лиц и упорно избегающий показываться на публике? Впрочем, и после досрочного освобождения О. Генри вел тихий, уединенный образ жизни. Он не любил рассказывать о себе, отказывался печатать свои портреты и всячески уклонялся от бесед с любопытными газетчиками.

За свою творческую жизнь О. Генри написал 287 новелл. Многие из них напоминают светлые сказки. Читая их, мы становимся очевидцами того, как в маленьких сюрпризах раскрываются великие сокровища человеческой души, как романтика настоящих чувств празднует победу над черствой повседневностью, а нелегкие испытания увенчиваются счастливым концом. Вместе с тем новеллы О. Генри в значительной мере реалистичны — не зря многие читатели воспринимают их как вполне достоверные истории. Ведь случайность, к которой обычно прибегает в своих сюжетах О. Генри, позволяет ему открыть отнюдь не случайные черты человеческого характера, показать саму его сущность. Герои новелл О. Генри — ничем не примечательные клерки и разносчики, продавщицы и машинистки, безвестные поэты и художники, официанты и бродяги. Но в каждом из них писатель видит — и учит видеть читателя — «светильник души», излучающий теплый свет любви к другому человеку и к миру. Именно это и наполняет внешне развлекательные, полусказочные новеллы О. Генри проникновенным гуманистическим смыслом.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Расскажите о том, как протекала жизнь писателя до судебного обвинения.
2. Где и при каких обстоятельствах О. Генри начал писать новеллы? Как вы считаете, почему он решил воспользоваться псевдонимом?
3. Что характерно для произведений этого автора? В чем проявляется их гуманизм?

Мастер новеллы

Разгадать загадку популярности новелл О. Генри нетрудно. Во-первых, писатель адресовал свои произведения самым обычным людям. Во-вторых, каждой своей новеллой он стремился пробудить в читателях доверие к судьбе и надежду на счастье. В-третьих, О. Генри чаще всего изображал комичные ситуации, по-доброму посмеиваясь над попавшими в просак героями. Наконец, была еще одна, чисто «техническая» причина: писатель разработал особую схему построения сюжета, которая помогала ему постоянно подогревать читательский интерес. Она включала в себя захватывающую интригу, четко продуманную композицию и неожиданную развязку (финал). Нередко эта развязка состояла как бы из 2-х концовок: первая оказывалась ложной, ненастоящей, а вторая расставляла все точки над «i».

Перед чтением. Проследите за тем, как срабатывает вышеописанная схема в новелле «Дары волхвов».

Дары волхвов

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было всё. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши

горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слез, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдать ни звука. К сему присовокуплялась карточка с надписью: «М-р Джеймс Диллингхем Юнг». «Диллингхем» развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингхем» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и непритязательное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас «Джим!» и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошла пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у нее только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот всё, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Ее Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкое, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой меблированной квартиры? Очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза ее сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно — золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно

просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения ее величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвет на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю ее фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блестками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: *«M-me Sophronie. Всевозможные изделия из волос»*.

Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпу, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощения за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она всё в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Ее, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела ее, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчету. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причиненные великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как ее голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали ее удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — если Джим не убьет меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, раскаленная сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У нее была привычка обращаться к Богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

Дверь отворилась, Джим вошел и закрыл ее за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелегкое дело в двадцать два года быть обремененным семьей! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мерзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрек, ни ужас — ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на нее, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердись, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, не смотря на усиленную работу мозга, он всё еще не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня всё равно будешь любить? Я ведь всё та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдешь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня Сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, — продолжала она, и ее нежный голос вдруг зазвучал серьезно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займемся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ.

М. Шагал. Прогулка

Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намеки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто сверток и бросил его на стол.

— Не пойми меня ложно, Делл, — сказал он. — Никакая прическа и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот сверток, и тогда ты поймешь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечевку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — увы! — чисто по-женски сменившийся потоком слез и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет ее каштановых волос. Они стоили дорого — Делла знала это, — и сердце ее долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожделенный блеск.

Всё же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слезы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котенок, и воскликнула:

— Ах, боже мой!

Ведь Джим еще не видел ее замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах ее бурной и искренней радости.

— Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, куда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть всё вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лег на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

— Делл, — сказал он, — придется нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговоренным правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

Перевод Е. Калашиковой

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать новеллу =====

1. Учимся осмысливать прочитанное

1. Какое впечатление осталось у вас по прочтении новеллы «Дары волхвов»?
2. Что свидетельствовало о бедности молодой пары? Были ли Джим и Делла счастливы друг с другом?
3. Чем герои руководствовались при выборе рождественских подарков?
4. Как рассказчик относится к Джиму и Делле? Найдите в тексте его рассуждения по этому поводу.
5. В каких эпизодах, описаниях или деталях раскрывается присущее писателю чувство юмора?

II. Учимся обобщать прочитанное

1. В чем проявилась душевная щедрость героев новеллы? Как вы считаете, имели ли их маленькие жертвы смысл?
2. Раскройте значение сопоставления героев новеллы с волхвами. Работа в парах. Обсудите один из предложенных ниже вопросов:
 - А. Чему, как вам кажется, можно поучиться у героев этой новеллы?
 - Б. Приходилось ли вам дарить маленькие радости своим близким? Расскажите об этом.

III. Учимся фантазировать

Представьте, как сложится жизнь Джима и Деллы через 10 лет.

IV. Филологический мастер-класс

Составьте план сюжета новеллы. Опираясь на него, поработайте со следующими вопросами и заданиями:

- А. Определите главную интригу сюжета.
 - Б. По какому «ложному пути» разрешения интриги автор вначале направляет читателя?
 - В. В какой момент происходит настоящая развязка?
 - Г. Докажите, что прочитанное произведение относится к жанру новеллы (если вы забыли определение этого жанра, обратитесь к словарю литературоведческих терминов, помещенному в конце учебника).
- Творческое задание. Напишите изложение на тему «Подарок к Рождеству для любимой Деллы (или для любимого Джима)».

Глава 3

ЧУДЕСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Писатель, достойный своего героя

С какими детективными произведениями (литературными или кинематографическими) вы знакомы? Чем, по вашему мнению, объясняется их популярность?

Первое, что обычно приходит нам в голову в связи с именем Артура Конан Дойла, — это созданный им образ непревзойденного мастера детективных расследований Шерлока Холмса. Но, заглянув в литературную энциклопедию, неискушенный читатель будет удивлен обширностью и многообразием наследия этого писателя. В самом деле, А. Конан Дойл был автором не только многочисленных историй из жизни гениального сыщика, но и спортивных рассказов, морских новелл, фантастических романов, исторических произведений, книг о войне, а также пьес и стихотворений. И вот ведь что любопытно: сам писатель вовсе не считал рассказы и повести о Холмсе лучшими своими сочинениями. На определенном этапе он, испытывая усталость от

*Артур Конан Дойл
(1859–1930)*

детективной темы, даже попытался «отделаться» от своего героя: придумал сюжет, который заканчивался описанием гибели Холмса в схватке с равным ему по уму и силе профессором Мориарти. Но публика, в негодовании окрестившая писателя «убийцей», не пожелала расстаться со своим любимцем и потребовала продолжения его приключений. В конце концов Конан Дойл сдался. После 8-летней паузы он напечатал повесть «Собака Баскервильей», в которой описал те приключения, которые якобы имели место до смерти сыщика. А еще через 2 года писатель «воскресил» популярного героя, начав серию рассказов «Возвращение Шерлока Холмса».

Образ Холмса получился настолько привлекательным и достоверным, что многие восприняли его как реального человека. настолько реального, что иные читатели всерьез обращались к Дойлу с вопросом, где находится дом, в котором живет знаменитый сыщик. Выдвигались различные предположения относительно того, с каких своих знакомых писатель «срисовал» обаятельного детектива. В списке возможных претендентов фигурировал, в частности, некий хирург Джозеф Белл, удивлявший окружающих своей проницательностью, умением безошибочно «прочитать» биографию человека по его внешнему виду, одежде, жестам, манере разговаривать. Что ж, возможно, А. Конан Дойл действительно позаимствовал у доктора Белла кое-какие черты для своего персонажа. И всё же вряд ли образ Шерлока Холмса получился бы таким живым, если бы писатель не вложил в него частицу своей души. Не зря сын Дойла утверждал, будто слышал от отца следующее заявление: «Если и был Холмс, то это я сам».

А. Конан Дойл родился в столице Шотландии Эдинбурге в семье выходцев из Ирландии, имевшей древние рыцарские корни и глубокие культурные традиции. Дед, отец и дядья писателя были художниками. Будущее живописца родня прочила и Артуру, тем более, что он проявлял способности к рисованию. Однако унаследованный от матери дар рассказчика привел его на писательский путь.

Семья будущего писателя жила скромно. Отец служил клерком, и его заработка хватало лишь на то, чтобы с трудом поддерживать «убогое благополучие» дома. «Существовали мы в тяжелой атмосфере бедности, — вспоминал Конан Дойл, — и каждый из нас старался как мог помогать младшим в семье». Взрослея в таких условиях, наследник уважаемой фамилии рано осознал, что ему следует овладеть профессией, которая приносила бы надежный доход. Его выбор пал на медицинский факультет Эдинбургского университета.

По завершении образования Дойл некоторое время служил корабельным хирургом, а затем открыл собственную врачебную практику в приморском городке Саутси. Пациентов у молодого доктора было немного, и свободное время он посвящал сочинению рассказов.

Однако вскоре ему стало трудно совмещать медицину и литературное творчество. В 1891 г. А. Конан Дойл, на ту пору уже автор нескольких историй о Шерлоке Холмсе, решил стать профессиональным писателем.

Впрочем, это решение отнюдь не означало отказа от «внелитературной» деятельности. Будучи необычайно активным и энергичным человеком, Конан Дойл просто не мог удовлетвориться кабинетным образом жизни.

Его всегда привлекали области человеческой деятельности, испытывающие силу характера: спорт, политика и война.

Дойл-спортсмен увлекался гольфом, крикетом, регби, боксом, ездой на велосипеде. К числу его спортивных достижений следует отнести также участие в международном автопробеге и регате.

Дойл-политик дважды выдвигался на выборах в парламент.

Дойл-военный, многократно рискуя жизнью, руководил полевым госпиталем во время англо-бурской войны. В период Первой мировой войны 55-летний писатель снова заявил о своей готовности пойти на фронт. «Мне дана только одна жизнь, чтобы прожить ее, — писал он брату, — и вот возможность пройти удивительное испытание, что к тому же способно оказать благотворное воздействие на других». Военное командование отклонило заявление Дойла, но душой он был рядом с соотечественниками, сражавшимися на фронте. Своеобразным напоминанием об этом служил траулер «Конан Дойл», входивший в состав английского флота. А еще — созданная писателем многотомная летопись почти всех войн, в которых участвовала Британская империя при его жизни, и... изобретение бронезилета.

Честность, мужество, прямоту, борьба с несправедливостью, преданность отечеству — таковы были главные принципы жизни и творчества этого рыцаря-романтика. Лучшим определением характера А. Конан Дойла, пожалуй, являются слова, высеченные на его могильном камне: «Верен как сталь, прям как клинок».

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Какие факты свидетельствуют об активной жизненной позиции А. Конан Дойла? А в чем проявлялась многогранность его личности?
2. Охарактеризуйте литературное наследие Конан Дойла. Можно ли, по вашему мнению, говорить о том, что главное место в нем занимают рассказы и повести о Шерлоке Холмсе?
3. Какие экранизации «Приключений Шерлока Холмса» вы знаете?

Мастер детективного жанра

Впервые образ Шерлока Холмса появился в повести «Этюд в багровых тонах», которая, между прочим, не имела успеха у публики. Но через 3 года один американско-английский журнал неожиданно заказал Дойлу еще одну историю о Шерлоке Холмсе. Писатель откликнулся на это предложение повестью «Знак четырех». Затем последовали новые рассказы и повести о приключениях необыкновенного сыщика. С выходом в свет каждого нового произведения круг почитателей Холмса стремительно расширялся.

Всего Конан Дойл написал 56 рассказов и 4 повести о Шерлоке Холмсе. О том, насколько велика популярность этих произведений, свидетельствует хотя бы тот факт, что к концу XX в. в мире насчитывалось 150 обществ поклонников Шерлока Холмса, объединявших тысячи людей.

Работая над приключениями выдающегося сыщика, А. Конан Дойл опирался на опыт своих литературных предшественников, помещавших в центр произведений загадочное преступление и его расследование. Но именно в творчестве Конан Дойла *детективный жанр* достиг своего расцвета.

Детективная литература (от англ. *detective* — сыщик) — разновидность приключенческой литературы, посвященная, как правило, раскрытию загадочных преступлений.

Перед чтением. Многие заглавия рассказов о Шерлоке Холмсе содержат намек на ту загадку, которую скрывает в себе описываемое преступление. Пофантазируйте о том, на какую загадку намекает название «Пестрая лента».

Пестрая лента

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса, — а таких записей, которые я вел на протяжении последних восьми лет, у меня больше семидесяти, — я нахожу в них немало трагических случаев, есть среди них и забавные, есть и причудливые, но нет ни одного заурядного: работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обыкновенных, будничных дел, его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело хорошо известной в Суррее семьи Ройлоттов из Сток-Морона. Мы с Холмсом, два холостяка, жили тогда вместе на Бейкер-стрит. Вероятно, я бы и раньше опубликовал свои записи, но я дал слово держать это дело в тайне и освободился от своего слова лишь месяц назад, после безвременной кончины той женщины, которой оно было дано. Пожалуй, будет бесполезно представить это дело в истинном свете, потому что молва приписывала смерть доктора Гримсби Ройлотта еще более ужасным обстоятельствам, чем те, которые были в действительности.

Проснувшись в одно апрельское утро 1883 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно. Сам я был верен своим привычкам.

— Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон, — сказал он. — Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она — меня, а я — вас.

— Что же там такое? Пожар?

— Нет, клиентка. Приехала какая-то девушка, она ужасно взволнована и непременно желает повидаться со мной. Она ждет в приемной. А уж если молодая дама решается в столь ранний час путешествовать по улицам столицы и поднимать с постели незнакомого человека, я полагаю, она хочет сообщить что-то очень важное. Дело может оказаться интересным, и вам, конечно, хотелось бы услышать эту историю с самого первого слова. Вот я и решил предоставить вам эту возможность.

— Буду счастлив услышать такую историю.

Я не знал большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью.

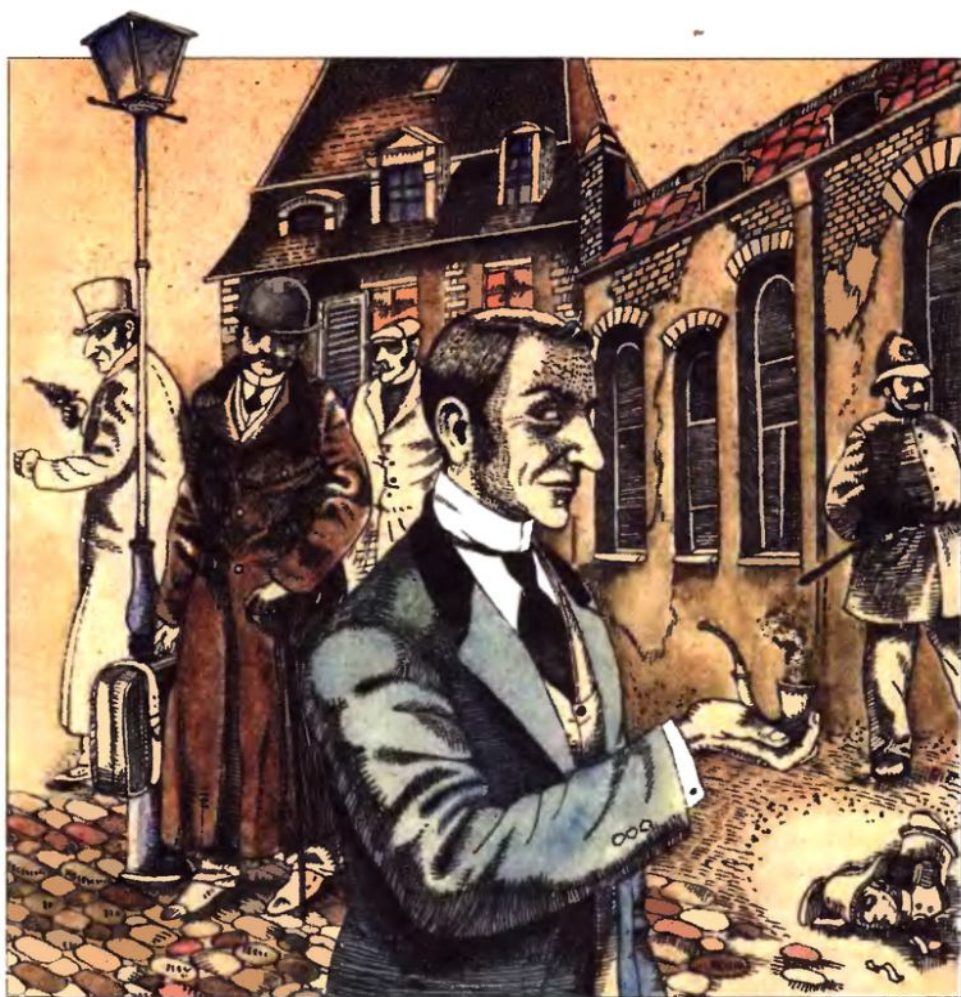

Иллюстрация А. Басса

Порой казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьем, но на самом деле все его выводы были основаны на точной и строгой логике.

Я быстро оделся, и через несколько минут мы спустились в гостиную. Дама, одетая в черное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

— Доброе утро, сударыня, — сказал Холмс приветливо. — Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны, как и со мной. Ага! Как хорошо, что миссис Хадсон догадалась затопить камин. Я вижу, вы очень продрогли. Присаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

— Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс, — тихо сказала женщина, присаживаясь к камину.

— А что же?

— Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у нее посеревшее, осунувшееся лицо. В ее глазах был испуг, словно у затравленного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестя седина, и выглядела она усталой и измученной.

Шерлок Холмс окинул ее своим быстрым всепонимающим взглядом.

— Вам нечего бояться, — сказал он, ласково погладив ее по руке. — Я уверен, что нам удастся уладить все неприятности...! Вы, я вижу, приехали утренним поездом.

— Разве вы меня знаете?

— Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы сегодня рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге.

Дама резко вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

— Здесь нет никакого чуда, сударыня, — сказал он, улыбнувшись. — Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах забрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.!

— Всё так и было, — сказала она. — Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Лестерхеде и с первым поездом приехала в Лондон, на вокзал Ватерлоо... Сэр, я больше не вынесу этого, я сойду с ума! У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. Есть, впрочем, один человек, который принимает во мне участие, но чем он может мне помочь, бедняга? Я слышала о вас, мистер Холмс, слышала от миссис Фаринтош, которой вы помогли в минуту горя. Она дала мне ваш адрес. О сэр, помогите и мне или по крайней мере попытайтесь пролить хоть немного света в тот непроницаемый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но через месяц-полтора я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к конторке, открыл ее, достал оттуда записную книжку.

— Фаринтош... — сказал он. — Ах да, я вспоминаю этот случай. Он связан с тварью из опалов. По-моему, это было еще до нашего знакомства, Уотсон. Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнестись к вашему делу с таким же усердием, с каким отнесся к делу вашей приятельницы. А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознаграждением. Конечно, у меня будут кое-какие расходы и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам подробности вашего дела, чтобы мы могли иметь свое суждение о нем.

— Увы! — ответила девушка. — Ужас моего положения заключается в том, что мои страхи так неопределенны и смутны, а подозрения основываются на таких мелочах, казалось бы, не имеющих никакого значения, что даже тот, к кому я имею право обратиться за советом и помощью, считает

все мои рассказы бреднями нервной женщины. Он не говорит мне ничего, но читаю это в его успокоительных словах и уклончивых взглядах. Я слышала, мистер Холмс, что вы, как никто, разбираетесь во всяких порочных наклонностях человеческого сердца и можете посоветовать, что мне делать среди окружающих меня опасностей.

— Я весь внимание, сударыня.

— Меня зовут Элен Стоунер. Я живу в доме моего отчима, Ройлотта. Он является последним отпрыском одной из старейших саксонских фамилий в Англии, Ройлоттов из Сток-Морона, у западной границы Суррея.

Холмс кивнул головой.

— Мне знакомо это имя, — сказал он.

— Было время, когда семья Ройлоттов была одной из самых богатых в Англии. На севере владения Ройлоттов простирались до Беркшира, а на западе — до Хампшира. Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали семейное состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью во времена регентства. От прежних поместий остались лишь несколько акров¹ земли да старинный дом, построенный лет двести назад и грозящий рухнуть под бременем закладных. Последний помещик из этого рода влачил в своем доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособливаться к новому положению вещей, взял займы у какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрел широкую практику. Но вот в доме у него случилась кража, и Ройлотт в припадке бешенства избил до смерти туземца-дворецкого. С трудом избежав смертной казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стоунер, молодой вдове генерал-майора артиллерии. Мы были близнецы — я и моя сестра Джулия, и, когда мать наша выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов² дохода в год. По ее завещанию это состояние перешло к доктору Ройлотту, поскольку мы жили вместе. Но если мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определенная сумма годового дохода. Вскоре после нашего возвращения в Англию моя мать умерла — она погибла восемь лет назад во время железнодорожной катастрофы при Кру. После ее смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне и наладить там медицинскую практику и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Мороне. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять наши потребности, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

Но странная перемена произошла с моим отчимом. Вместо того чтобы подружиться с соседями, которые вначале обрадовались, что Ройлотт из Сток-Морона вернулся в родовое гнездо, он заперся в усадьбе и очень редко

¹ Акр — земельная мера, равная 4047 м².

² Фунт (стерлингов) — денежная единица Англии.

выходил из дому, а если и выходил, то всякий раз затевал безобразную ссору с первым же человеком, который попадался ему на пути. Бешеная вспыльчивость, доходящая до иступления, передавалась по мужской линии всем представителям этого рода, а у моего отчима она, вероятно, еще более усилилась благодаря долгому пребыванию в тропиках. Много было у него яростных столкновений с соседями, два раза дело кончалось полицейским участием. Он сделался грозой всего селения... Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы, и, так как в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в сторону.

На прошлой неделе он швырнул в реку местного кузнеца, и, чтобы откупиться от публичного скандала, мне пришлось отдать все деньги, какие я могла собрать. Единственные друзья его — кочующие цыгане, он позволяет этим бродягам раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем всё его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Еще есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают гепард и павиан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Никто не хотел идти к нам в услужение, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у нее уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

— Так ваша сестра умерла?

— Она умерла ровно два года назад, и как раз о ее смерти я и хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при таком образе жизни мы почти не встречались с людьми нашего возраста и нашего круга. Правда, у нас есть незамужняя тетка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, она живет близ Харроу, и время от времени нас отпускали погостить у нее. Два года назад моя сестра Джулия проводила у нее Рождество. Там она встретилась с отставным майором флота, и он сделался ее женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против ее замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня моей единственной подруги...

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на диванную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

— Прошу вас рассказывать, не пропуская ни одной подробности, — сказал он.

— Мне легко быть точной, потому что все события тех ужасных дней врезались в мою память... Как я уже говорила, наш дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей — я. Спальни не сообщаются между собой, но все они имеют выход в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

— Да, вполне.

— Окна всех трех спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он еще не лег, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Сестра не выносила этого запаха и пришла в мою комнату, где мы просидели некоторое время, болтая о ее предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Элен, не кажется ли тебе, будто кто-то свистит по ночам?»

«Нет», — сказала я.

«Надеюсь, что ты не свистишь во сне?»

«Конечно, нет. А в чем дело?»

«В последнее время, часа в три ночи, мне ясно слышится тихий, отчетливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Не могу понять, откуда он доносится, — быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят эти мерзкие цыгане?»

«Очень возможно. Однако, если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, всё это пустяки», — улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как шелкнул ключ в ее двери.

— Вот как! — сказал Холмс. — Вы на ночь всегда запирали дверь на ключ?

— Всегда.

— А почему?

— Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили гепард и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

— Понимаю. Прошу продолжать.

— Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Мы близнецы, а вы знаете, какими тонкими узами связаны столь родственные души. Ночь была жуткая: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди бури раздался дикий вопль. То кричала моя сестра. Я прыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, вроде того, о котором рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно на землю упал тяжелый металлический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь тихонько колышется взад и вперед. Я остановилась, пораженная ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с белым от ужаса лицом, протягивая вперед руки, словно моля о помощи. Бросившись к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени сестры подогнулись, и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнает, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула... О, я никогда не забуду ее страшного голоса!

«Боже мой, Элен! — кричала она. — Лента! Пестрая лента!»

Она попыталась еще что-то сказать, указывая пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова. Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он приблизился к ней. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти ее были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры...

— Позвольте спросить, — сказал Холмс. — Вы уверены, что слышали свист и лязг металла? Могли бы вы показать это под присягой?

— Об этом спрашивал меня и следователь. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение и завывания бури, и потрескивания старого дома.

— Ваша сестра была одета?

— Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у нее была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

— Значит, она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало ее. Очень важная подробность. А к каким выводам пришел следователь?

— Он тщательно изучил все обстоятельства — ведь буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти маломальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались прочными. Осмотр пола тоже не дал никаких результатов. Каминная труба широка, но ее перекрывают целых четыре вьюшки. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей ее катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

— А как насчет яда?

— Врачи исследовали ее, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

— Что же, по-вашему, было причиной смерти?

— Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог ее так напугать.

— А цыгане были в то время в усадьбе?

— Да, цыгане почти всегда живут у нас.

— А что, по-вашему, могли означать ее слова о ленте, о пестрой ленте?

— Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда — что они относятся к цыганам. Но почему пестрая лента? Возможно, что пестрые платки, которые носят цыганки, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, объяснение не удовлетворяло его.

— Это дело темное, — сказал он. — Прошу вас, продолжайте.

— С тех пор прошло два года, и жизнь моя была еще более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знаю много лет, сделал мне предложение. Его зовут Армитедж, Пэрси Армитедж, он второй сын мистера Армитеджа из Крейнутера, близ Рединга.

Мой отчим не возражал против нашего брака, и этой весной мы должны обвенчаться. Два дня назад в западном крыле нашего дома начались какие-то переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лежа без сна и размышляя о ее трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели моей сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Снова лечь я не могла — я была слишком взволнована, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Летерхед, а оттуда сюда — с одной только мыслью повидать вас и спросить у вас совета.

— Вы очень умно поступили, — сказал мой друг. — Но всё ли вы рассказали мне?

— Да, всё.

— Нет, не всё, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

— Я не понимаю вас...

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку на рукаве нашей посетительницы. Пять багровых пятен — следы пяти пальцев — ясно виднелись на белом запястье.

— Да, с вами обошлись жестоко, — сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

— Отчим — суровый человек, — сказала она. — Он очень силен, и, возможно, сам не замечает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

— Сложное дело, — сказал он наконец. — Мне хотелось бы выяснить еще тысячу подробностей, прежде чем решить, как действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Послушайте, если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морон, удалось бы нам осмотреть эти комнаты, но так, чтобы ваш отчим не узнал?

— Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то важным делам. Возможно, что его не будет весь день, и тогда никто не помешает. У нас есть экономка, но она стара и глупа, и я легко могу удалить ее.

— Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

— Ровно ничего.

— Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

— У меня в городе есть кое-какие дела. Но я вернусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду.

— Ждите нас вскоре после полудня. У меня здесь тоже есть кое-какие дела. Может быть, вы останетесь и позавтракаете с нами?

— Нет, мне надо идти! Теперь, когда я рассказала вам о своем горе, у меня просто камень свалился с души. Я буду рада снова увидеться с вами.

Она опустила на лицо черную густую вуаль и вышла из комнаты.

— Так что же вы обо всём этом думаете, Уотсон? — спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

— По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело.

— Достаточно грязное и достаточно темное.

— Но если наша гостя права, утверждая, что пол и стены в комнате крепки, так что через двери, окна и каминную трубу невозможно туда проникнуть, значит, ее сестра в минуту своей таинственной смерти была совершенно одна...

— В таком случае, что означают эти ночные свисты и странные слова умирающей?

— Представить себе не могу.

— Если сопоставить факты: ночные свисты, цыгане, с которыми у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то ленту и, наконец, тот факт, что мисс Эллиен Стоунер слышала металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни... если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, — я полагаю, что мы напали на верные следы, которые помогут нам разгадать это таинственное происшествие.

— Но тогда при чем здесь цыгане?

— Понятия не имею.

— У меня всё-таки есть множество возражений...

— Да и у меня тоже, и поэтому мы сегодня едем в Сток-Морон. Я хочу проверить всё на месте. Не обернулись бы кое-какие обстоятельства самым роковым образом. Может быть, их удастся прояснить. Черт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась, и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. Его костюм представлял собою странную смесь: черный цилиндр и длинный сюртук указывали на профессию врача, а по высоким гетрам и охотничьему хлысту в руках его можно было принять за сельского жителя. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискивался в дверь. Его толстое, желтое от загара лицо со следами всех пороков было перерезано тысячами морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий, костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

Он переводил взгляд то на Шерлока Холмса, то на меня.

— Который из вас Холмс? — промолвил наконец посетитель.

— Это мое имя, сэр, — спокойно ответил мой друг. — Но я не знаю вашего.

— Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морона.

— Очень рад. Садитесь, пожалуйста, доктор, — любезно сказал Шерлок Холмс.

— Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?

— Что-то не по сезону холодная погода нынче, — сказал Холмс.

— Что она говорила вам? — злобно закричал старик.

— Впрочем, я слышал, крокусы будут отлично цвести, — невозмутимо продолжал мой приятель.

— Ага, вы хотите отделаться от меня! — сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая хлыстом. — Знаю я вас, подлеца. Я уже и прежде слышал про вас. Вы любите совать нос в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

— Вы проныра!

Холмс улыбнулся еще шире.

— Полицейская ищейка!

Холмс от души расхохотался.

— Вы удивительно приятный собеседник, — сказал он. — Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

— Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь, я следил за ней! Горе тому, кто станет у меня на пути! Глядите!

Он быстро подошел к камину, взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми руками.

— Смотрите, не попадитесь мне в лапы! — прорычал он, швырнул искривленную кочергу в камин и вышел из комнаты.

— Какой любезный господин! — смеясь, сказал Холмс. — Я не такой великан, но если бы он не ушел, мне пришлось бы доказать ему, что мои лапы ничуть не слабее его лап.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил ее.

— Какая наглость смешивать меня с сыщиками из полиции! Что ж, благодаря этому происшествию наши исследования стали еще интереснее. Надеюсь, что наша приятельница не пострадает оттого, что так необдуманно позволила этой скотине выследить себя. Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завещание покойной жены доктора, — сказал он. — Чтобы точнее разобраться в нем, мне пришлось справиться о нынешней стоимости ценных бумаг, в которых помещено состояние покойной. В год смерти общий доход ее составлял почти тысячу сто фунтов стерлингов, но с тех пор, в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты, уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. Выйдя замуж, каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получил бы только жалкие крохи. Его доходы значительно уменьшились бы и в том случае, если бы замуж вышла лишь одна из дочерей. Я не напрасно потратил всё утро, так как получил ясные доказательства, что у отчима были весьма веские основания препятствовать замужеству падчериц. Обстоятельства слишком серьезны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты, тем более что старик уже знает, как мы интересуемся его делами. Если вы готовы, надо поскорей вызвать кэб и ехать на вокзал. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы сунете в карман револьвер. Револьвер — превосходный аргумент для джентльмена, который может завязать узлом стальную кочергу. Револьвер да зубная щетка — вот и всё, что нам понадобится.

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть на поезд. Приехав в Лестерхед, мы в гостинице возле станции взяли двуколку и проехали миль пять живописными дорогами Суррея. Был чудесный солнечный

день, и лишь несколько перистых облаков плыло по небу. На деревьях и на живой изгороди возле дорог только что распустились зеленые почки, и воздух был напоен восхитительным запахом влажной земли.

Станным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда. Мой приятель сидел впереди, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустив подбородок на грудь, погруженный в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал куда-то вдаль.

— Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма, переходя в густую рощу на вершине; из-за веток виднелись очертания высокой крыши и шпиль старинного помещичьего дома.

— Сток-Морон? — спросил Шерлок Холмс.

— Да, сэр, это дом доктора Гримсби Ройлотта, — ответил возница.

— Видите, вон там строят, — сказал Холмс. — Нам нужно попасть туда.

— Мы едем к деревне, — сказал возница, указывая на крыши, видневшиеся в некотором отдалении слева. — Но если вы хотите скорей попасть к дому, вам лучше перелезть здесь через забор, а потом пройти полями по тропинке. По той тропинке, где идет эта леди.

— А эта леди как будто мисс Стоунер, — сказал Холмс, заслоняя глаза от солнца. — Да, мы лучше пойдем по тропинке, как вы советуете.

Мы вышли из двуколки, расплатились, и экипаж покатил обратно в Лестерхед.

— Пусть этот малый думает, что мы архитекторы, — сказал Холмс, когда мы лезли через забор, — тогда наш приезд не вызовет особых толков. Добрый день, мисс Стоунер! Видите, мы сдержали свое слово!

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам навстречу.

— Я с таким нетерпением ждала вас! — воскликнула она, горячо пожимая нам руки. — Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

— Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, — сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что произошло.

Мисс Стоунер побледнела.

— Боже мой! — воскликнула она. — Значит, он шел за мной следом!

— Похоже на то.

— Он так хитер, что я никогда не чувствую себя в безопасности. Что он скажет, когда возвратится?

— Придется ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. На ночь запирайтесь от него на ключ. Если он будет буйствовать, мы увезем вас к вашей тетке в Харроу... Ну, а теперь надо как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

Дом был из серого, покрытого лишайником камня и имел два полукруглых крыла, распростертых, словно клешни у краба, по обеим сторонам высокой центральной части. В одном из этих крыльев окна были выбиты и заколочены досками; крыша местами провалилась. Центральная часть казалась почти столь же разрушенной, зато правое крыло было сравни-

тельно недавно отделано, и по шторам на окнах, по голубоватым дымкам, которые вились из труб, видно было, что живут именно здесь. У крайней стены были воздвигнуты леса, начаты кое-какие работы. Но ни одного каменщика не было видно.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, внимательно глядя на окна.

— Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно — из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию, — из комнаты доктора Ройлотта...

— Совершенно правильно. Но теперь я живу в средней комнате.

— Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

— Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

— Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трех комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?

— Да, но очень маленькие. Пролезть сквозь них невозможно.

— Так как вы обе запирались на ключ, то из коридора попасть к вам в комнаты нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стоунер исполнила его просьбу. Холмс, предварительно осмотрев окно, употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно: не было ни одной щелки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. При помощи лупы он осмотрел петли, но они были из твердого железа и крепко вделаны в массивную стену.

— Гм! — проговорил он, в раздумье почесывая подбородок. — Моя первоначальная гипотеза не подтверждается фактами. Когда ставни закрыты, в эти окна не влезть... Ладно, поглядим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверь открывалась в выбеленный известковый коридор, в который выходили двери всех трех спален. Холмс не считал нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стоунер и где умерла ее сестра. Это была просто обставленная комната с низким потолком и с широким камином, одним из тех, которые встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный столик. Убранство комнаты довершали два плетеных стула да квадратный коврик посередине. Панели на стенах были из темного, источенного червями дуба, такие древние и выцветшие, что казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

— Куда проведен этот звонок? — спросил он наконец, указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала на подушке.

— В комнату прислуги.
— Он как будто новее всех прочих вещей.
— Да, он проведен всего несколько лет назад.
— Вероятно, ваша сестра просила об этом?
— Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда всё делали сами.
— Действительно, здесь этот звонок — лишняя роскошь. Вы меня извините, если я вас задержу на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперед по полу, пристально исследуя каждую трещину в половицах. Так же тщательно он осмотрел и панели на стенах. Потом подошел к кровати, внимательно оглядел ее и всю стену снизу доверху. Потом взял шнур от звонка и дернул его.

— Да ведь звонок поддельный! — сказал он.
— Он не звонит?
— Он даже не соединен с проволокой. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентилятора.
— Как странно! Я и не заметила этого.
— Очень странно... — бормотал Холмс, дергая шнур. — В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть безумным строителем, чтобы вывести вентилятор в соседнюю комнату, когда его с такой же легкостью можно было вывести наружу!
— Всё это сделано тоже очень недавно, — сказала Элен.
— Примерно в одно время со звонком, — заметил Холмс.
— Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.
— Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стоунер, мы перенесем наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримсби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетеный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф — вот и все, что бросалось в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, с живейшим интересом исследуя каждую вещь.

— Что здесь? — спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.
— Деловые бумаги моего отца.
— Ого! Значит, вы заглядывали в этот шкаф?
— Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была кipa бумаг.
— А нет ли в нем, например, кошки?
— Нет. Что за странная мысль!
— А вот посмотрите!

Он снял со шкафа маленькое блюдце с молоком.
— Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть гепард и павиан.
— Ах, да! Гепард, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдце молока может насытить этого зверя. Да, в этом надо разобраться.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать сиденье.

— Благодарю вас, всё ясно, — сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман. — Ага, вот еще кое-что весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая собачья плетъ, висевшая в углу кровати. Конец ее был завязан петлей.

— Что вы об этом думаете, Уотсон?

— По-моему, самая обыкновенная плетъ. Не понимаю, для чего понадобилось завязывать на ней петлю.

— Не такая уж обыкновенная... Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал всё, что мне нужно, а теперь с вашего разрешения мы пройдемся по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и насупленным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стоунер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

— Очень важно, мисс Стоунер, чтобы вы в точности следовали моим советам, — сказал он.

— Я исполню всё беспрекословно.

— Обстоятельства слишком серьезные, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

— Я целиком полагаюсь на вас.

— Во-первых, мы оба — мой друг и я — должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стоунер и я взглянули на него с изумлением.

— Это необходимо. Я вам всё объясню. Что это там, в той стороне? Вероятно, деревенская гостиница?

— Да, там «Корона».

— Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

— Конечно.

— Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и запирайтесь на ключ. Услышав, что он пошел спать, вы снимете засов, откроете ставни вашего окна и поставите на подоконник лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Тогда, захватив с собой всё, что пожелаете, вы перейдете в свою бывшую комнату. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

— Безусловно.

— Остальное предоставьте нам.

— Но что же вы собираетесь сделать?

— Мы проведем ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас.

— Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже пришли к какому-то выводу, — сказала мисс Стоунер, дотрагиваясь до рукава моего друга.

— Быть может, да.

— Тогда, ради всего святого, скажите хотя бы, отчего умерла моя сестра?

— Прежде чем ответить, я хотел бы собрать более точные улики.

— Тогда скажите по крайней мере, верно ли мое предположение, что она умерла от внезапного испуга?

— Нет, неверно: я полагаю, что причина ее смерти была более вещественна... А теперь, мисс Стоунер, мы должны вас покинуть, потому что, если мистер Ройлотт вернется и застанет нас, вся поездка окажется совершенно напрасной. До свидания! Будьте мужественны, сделайте всё, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

Мы с Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». Номер наш находился в верхнем этаже, и из окна видны были ворота парка и обитаемое крыло сток-мороновского дома. В сумерках мы видели, как мимо проехал доктор Примсби Ройлотт; его грузное тело вздымалось горой рядом с тощей фигурой мальчишки, правившего экипажем. Мальчишке не сразу удалось открыть тяжелые железные ворота, и мы слышали, как рычал на него доктор, и видели, с какой яростью он потрясал кулаками. Экипаж въехал в ворота, и через несколько минут сквозь деревья замелькал свет от лампы, зажженной в одной из гостиных.

Мы сидели в потемках, не зажигая огня.

— Право, не знаю, — сказал Холмс, — брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то очень опасное.

— А я могу быть полезен вам?

— Ваша помощь может оказаться неоценимой.

— Тогда я непременно пойду.

— Спасибо.

— Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего не видел я.

— Нет, я видел то же, что и вы, но сделал другие выводы.

— Я не заметил в комнате ничего примечательного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели он может служить.

— А на вентилятор вы обратили внимание?

— Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли может пролезть сквозь него.

— Я знал об этом вентиляторе прежде, чем мы приехали в Сток-Морон.

— Дорогой мой Холмс!

— Да, знал. Помните, мисс Стоунер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигар, которые курит доктор Ройлотт? А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе его заметил бы следователь при осмотре комнаты. Я решил, что тут должен быть вентилятор.

— Но какую опасность может таить в себе вентилятор?

— А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью устраивают вентилятор, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

— Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

— А в кровати вы не заметили ничего особенного?

— Нет.

— Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели, чтобы кровати привинчивали к полу?

— Пожалуй, не видел.

— Леди не могла передвинуть свою кровать, ее кровать всегда оставалась в одном и том же положении по отношению к вентилятору и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

— Холмс! — вскричал я. — Кажется, я начинаю понимать, на что вы намекаете. Значит, мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утонченное преступление.

— Да, утонченное и ужасное. Когда врач совершает преступление, он опаснее всех прочих преступников. У него крепкие нервы и большие знания. Палмер и Причард¹ были лучшими специалистами в своей области. Этот человек очень хитер, но я надеюсь, Уотсон, что нам удастся перехитрить его. Сегодня ночью нам предстоит пережить немало страшного, и потому, прошу вас, давайте пока спокойно закурим трубки и проведем эти несколько часов, разговаривая о чем-нибудь более веселом.

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий огонек засиял прямо против нашего окна.

— Это сигнал для нас, — сказал Холмс, вскакивая. — Свет горит в среднем окне.

Выходя, он сказал хозяину гостиницы, что мы идем в гости к одному знакомому и, возможно, там и переночуем. Через минуту мы вышли на темную дорогу. Свежий ветер дул нам в лицо, желтый свет, мерцая перед нами во мраке, указывал путь.

Попасть к дому было нетрудно, потому что старая парковая ограда обрушилась во многих местах. Пробираясь между деревьями, мы достигли лужайки, пересекли ее и уже собирались лезть в окно, как вдруг какое-то существо, похожее на отвратительного уродя-ребенка, выскочило из лавровых кустов, бросилось, корчась, на траву, а потом промчалось через лужайку и скрылось в темноте.

— Боже! — прошептал я. — Вы видели?

В первое мгновение Холмс испугался не меньше меня. Он схватил мою руку и сжал ее, словно тисками. Потом тихо рассмеялся и, приблизив губы к моему уху, проворкотал еле слышно:

— Милая семейка! Ведь это павиан.

Я совсем забыл о любимцах доктора. А гепард, который каждую минуту может оказаться у нас на плечах? Признаться, я почувствовал себя значительно лучше, когда, следуя примеру Холмса, сбросил ботинки, влез в окно и очутился в спальне. Мой друг бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и быстро оглядел комнату. Здесь было все, как днем. Он приблизился ко мне и, сложив руку трубкой, прошептал так тихо, что я едва понял его:

¹ Пáлмер, Уильям — английский врач, отравивший стрихнином своего приятеля; казнен в 1856 г. Пρίчард, Эдуард Уильям — английский врач, отравивший свою жену и тещу; казнен в 1865 г.

— Малейший звук погубит нас.

Я кивнул головой, показывая, что слышу.

— Нам придется сидеть без огня. Сквозь вентилятор он может заметить свет.

Я кивнул еще раз.

— Не засните — от этого зависит ваша жизнь. Держите револьвер наготове. Я сяду на край кровати, а вы на стул.

Я вытащил револьвер и положил его на угол стола. Холмс принес с собой длинную тонкую трость и поместил ее возле себя на кровать вместе с коробкой спичек и огарком свечи. Потом задул лампу, и мы остались в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эту страшную бессонную ночь! Ни один звук не доносился до меня. Я не слышал даже дыхания своего друга, а между тем знал, что он сидит в двух шагах от меня с открытыми глазами, в таком же напряженном, нервном состоянии, как и я. Ставни не пропускали ни малейшего луча света, мы сидели в абсолютной тьме. Изредка снаружи доносился крик ночной птицы, а раз у самого нашего окна раздался протяжный вой, похожий на кошачье мяуканье: гепард, видимо, гулял на свободе. Слышно было, как вдалеке церковные часы отбивали четверти. Какими долгими они казались нам, эти каждые пятнадцать минут! Пробыло двенадцать, час, два, три, а мы всё сидели молча, ожидая чего-то неизбежного.

Внезапно у вентилятора мелькнул свет и сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накалированного металла. Кто-то в соседней комнате зажег потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом всё смолкло, и только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, напряженно вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. И в то же мгновение Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

— Вы видите ее, Уотсон? — проревел он. — Видите?

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчетливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомленные глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился все громче и громче. Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдаленном домике священника крик этот разбудил всех спящих. Похолодевшие от ужаса, мы глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

— Что это значит? — спросил я, задыхаясь.

— Это значит, что всё кончено, — ответил Холмс. — И, в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдем в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было сурово. Он зажег лампу и пошел по коридору. Дважды он стукнул в дверь комнаты доктора, но изнутри никто не ответил. Тогда он

повернул ручку и вошел в комнату. Я шел за ним следом, держа в руке заряженный револьвер.

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. На столе стоял фонарь, бросающий луч света на железный несгораемый шкаф, дверца которого была полукрыта. У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы еще днем заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок вверх, неподвижно устремив глаза на потолок; в глазах застыло выражение страха. Вокруг его головы туго обвилась какая-то необыкновенная, желтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал звука.

— Лента! Пестрая лента! — прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперед. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась граненая головка и раздувавшаяся шея ужасной змеи.

— Болотная гадюка! — вскричал Холмс. — Самая смертоносная индийская змея! Он умер через десять секунд после укуса. «Поднявший меч от меча и погибнет», и тот, кто роет другому яму, сам в нее попадет. Посадим эту тварь в ее логово, отправим мисс Стоунер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.

Он схватил плеть с колен мертвого, накинул петлю на голову змеи, стащил ее с ее ужасного насеста, швырнул внутрь несгораемого шкафа и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток-Морона. Не стану подробно рассказывать, как мы сообщили печальную новость испуганной девушке, как с утренним поездом мы препроводили ее на попечение тетки в Харроу и как туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей — ядовитой змеей. Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

— Вначале я пришел к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон, — сказал он, — и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, восклицание несчастной девушки, пытавшейся объяснить, что она увидела, чиркнув спичкой, — всего этого было достаточно, чтобы навести меня на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я понял свою ошибку, и это может послужить мне оправданием. Я уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу же пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, угадал. Только такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке, могло прийти в голову прибегнуть к яду, который нельзя обнаружить химическим путем. В пользу

этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следовательно должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных темных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы ее не увидели на рассвете рядом с жертвой. Вероятно, давая ей молоко, он приучил ее возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползет по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы ее, если не сейчас, то через неделю. Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдо с молоком и плетъ, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стоунер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипение змеи, — вы, конечно, тоже слышали его, — я немедленно зажег свет и начал стегать ее тростью.

— Вы прогнали ее назад в вентилятор...

— ...и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили ее, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримсби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.

Перевод М. и Н. Чуковских

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. С чего начинается прочитанный вами рассказ о Шерлоке Холмсе и докторе Уотсоне*? Как уже в первые минуты разговора с утренней посетительницей проявились удивительные аналитические** способности Холмса? Перескажите историю загадочной смерти сестры Элен Стоунер. Какие подробности этой истории показались вам странными?

2. Какие факты направляли расследование по ложному пути?

3. Каким образом Шерлок Холмс раскрыл преступление в Сток-Мороне?

4. Докажите примерами или цитатами из текста, что Шерлок Холмс:

- проявлял интерес лишь к необычным преступлениям;
- обращал внимание на подробности, которые не привлекали внимания других людей;
- умел по незначительным деталям восстановить полную картину произошедшего;

* В некоторых русских переводах фамилия друга и помощника Шерлока Холмса имеет написание «Ватсон».

** Аналитический — от *анализ* — метод исследования путем рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей чего-нибудь.

- профессионально занимался расследованием преступлений;
- не опускался до грубости в общении с грубиянами;
- был наделен недюжинной физической силой, смелостью, выносливостью и мгновенной реакцией;
- был приверженцем принципа справедливости;
- обладал незаурядным логическим мышлением.

5. Какие качества Шерлока Холмса вы хотели бы в себе воспитать?

Думайте сами! На чем, по вашему мнению, основана дружба Холмса и доктора Уотсона?

Можно поспорить! В автобиографии А. Конан Дойл поделился следующими размышлениями: *«Я не хочу быть неблагодарным Холмсу, он был для меня во многих отношениях хорошим другом. Если иногда я вроде бы и уставал от него, так это потому, что характер его не допускает светотени. Это счетная машина, и всякая попытка добавить что-нибудь лишь способна испортить всё впечатление»*. Справедлива ли, по вашему мнению, такая оценка? Аргументируйте свою точку зрения.

Консультация профессора Филологова

Рецепт классического «шерлок-холмсовского» рассказа. Проанализировав произведения А. Конан Дойла, русский литературовед В.Б. Шкловский вывел общую схему их построения, которая позволяет увидеть, что представляет собой классический «шерлок-холмсовский» сюжет. Эта схема включает следующие пункты:

1. Холмс и доктор Уотсон предаются воспоминаниям о прежних расследованиях. Это, по сути, вступление, настраивающее читателя и погружающее его в состояние ожидания.

2. Появление посетителя, сообщающего о таинственном происшествии (убийстве, похищении и т.п.).

3. Расследование. Шерлок Холмс собирает улики и намеки.

4. Доктор Уотсон дает фактам неверное толкование. У него здесь двойная функция: увести читателя по ложному следу и подготовить «возвышение» великого детектива, проникающего в тайну.

5. Расследование на месте преступления. Преступник. Улики на месте.

6. Официальный сыщик (противопоставляемый великому Холмсу) дает ложную разгадку.

7. Размышления Уотсона, не понимающего, в чем дело. В это время Шерлок Холмс, скрывая напряженную работу мысли, курит или играет на скрипке, после чего проясняет связи между отдельными фактами, но не делает окончательного вывода.

8. Развязка, — как правило, неожиданная.

9. Шерлок Холмс делает аналитический разбор фактов.

(По энциклопедии для детей «Всемирная литература», т. 15, ч. 2) ●

АРТ-САЛОН

На перекрестках искусств

*В. Ливанов и В. Соломин в фильме
И. Масленникова*

Кинематографическая шерлокиана. Первый фильм о Шерлоке Холмсе был снят еще в 1900 г. в Нью-Йорке. Он длился всего 45 секунд. Это был фрагмент, в котором показывалось, как некий взломщик выходил из комнаты, входил снова и вылезал через окно, оставляя Холмса в недоумении. За истекшее столетие знаменитый герой А. Конан Дойла появился в 211 кинолентах. Эта рекордная цифра, свидетельствующая о том, что истории о Шерлоке Холмсе экранизируются чаще других произведений мировой литературы, зафиксирована в «Книге рекордов Гиннесса».

К числу лучших фильмов о сыщике с Бейкер-стрит принадлежит легендарный советский сериал «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона». Главные роли в нем были сыграны блестящим актерским дуэтом: Василием Ливановым (Шерлок Холмс) и Виталием Соломиным (доктор Ватсон). Выбирая этих исполнителей, режиссер Игорь Масленников ориентировался на рисунки Сиднея Падже — друга Конан Дойла и первого иллюстратора «Приключений Шерлока Холмса». Зрители высоко оценили безупречный вкус, чувство меры, остроумие и мастерство актеров, искусную работу режиссера, прекрасное музыкальное оформление (композитор

Наверняка вы тоже не раз с удовольствием просматривали этот сериал. Поделитесь своими впечатлениями о нем. Какие сюжеты и персонажи этой экранизации вам понравились больше всего?

Владимир Данкенич). Заслуженой творческой командой было и то, что в фильме с удивительной точностью воспроизводилась атмосфера Англии конца XIX — начала XX в.

Дружба писателя и живописца. Яркую страницу в историю русской культуры вписали творческие и дружеские отношения А.П. Чехова с выдающимся пейзажистом **Исааком Ильичом Левитаном**. Отношения этих мастеров искусства отличались редкой близостью мироощущения, эмоционального настроения, восприятия природы и творческих идей.

Именно у А.П. Чехова Левитан, страдавший из-за своего одиночества и непонимания окружающих, находил постоянную моральную поддержку. Он часто проводил лето вместе с семьей Чеховых в подмосковной усадьбе Бабкино. Сохранилось немало воспоминаний о парившей там нелинейной атмосфере радости, о совместных чтении стихов, музыкальных вечерах, охоте, рыбалке, веселых играх, закопщиком которых был неистощимый в своем остроумии Антон Павлович.

Неудивительно, что у Чеховых Левитану легко дышалось и хорошо работалось. Еще до того, как семья писателя начинала новый день, он успевал написать очередной этюд с утренним пейзажем. В Бабкино была начата работа над одной из лучших его картин — «Березовой рощей».

И. Левитан. Березовая роща

«В этом удивительном по свежести и лучезарности полотне выразилось весеннее настроение,

Опираясь на свое впечатление от репродукции картины «Березовая роща», попытайтесь представить, что объединяло И.И. Левитана и А.П. Чехова? Какую грань личности писателя приоткрывает его дружба с художником?

господствовавшее в душе живописца. Всё в изображенном Левитаном благодатном уголке молодого березового леса нежно сияет, вызывает отрадное чувство бодрости, причастности к живой, светлой энергии. Художник замечательно передает игру солнечных лучей на белых стволах, ярко-зеленых листьях берез и сочной траве, среди которой то здесь, то там виднеются искорки цветов. С присутствием ему мастерством пишет Левитан переливы зеленого цвета покрова земли и кудрей берез, умело используя при этом ритм мелких мазков».

(Из издания «Галерея искусств»)

РОБОТЯРЕШ И ОБОБЩАЕТ ИЗУЧЕННОЕ В ТРЕТЬЕМ РАЗДЕЛЕ

1. С творчеством каких писателей, представленных в этом разделе, вы бы хотели продолжить знакомство? Почему?
 2. Приведите примеры использования художественной детали в произведениях А.П. Чехова.
 3. На примере прочитанных произведений А.П. Чехова и О. Генри объясните различия между рассказом и новеллой.
 4. Дайте определение детективной литературы.
- Думайте сами! Найдите точки соприкосновения в построении сюжета у О. Генри и А. Конан Дойла.

УЧЕННЕ-РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Поиграем в Шерлока Холмса! Ниже вашему вниманию предлагаются части предложений, взятые из произведений, помещенных в третьем разделе. Восполните по памяти пропущенные части этих предложений:

1. «Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были...»
2. «Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и...»
3. «...работая из любви к искусству, а не ради..., Холмс никогда не брался за расследование... дел, его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь...»
4. «Порой казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьем, но на самом деле все его выводы были основаны на...»
5. «...я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи...»

Групповая работа. Разбившись на 2 группы, выполните одно из предлагаемых ниже заданий:

А. Придумайте современную версию встречи толстого и тонкого. Подготовьте ее инсценировку. Постарайтесь максимально задействовать в ней диалоги героев чеховского рассказа.

Б. Используя описанную В.Б. Шкловским схему классического «шерлок-холмсовского» сюжета, придумайте свой детективный рассказ.

РАЗДЕЛ
ЧЕТВЕРТЫЙ

Эпические
и лирические
жанры

«...ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ СТРАНЫ ДЕТСТВА»

«С добром надо спешить...»

Вспомните прочитанные в прошлом учебном году произведения русских и зарубежных писателей второй половины XX в. О чем в них шла речь? Какие из этих произведений вам понравились больше всего?

*Анатолий
Георгиевич Алексин
(Родился в 1924 г.)*

Литературные критики называют Анатолия Георгиевича Алексина одним из основоположников советской юношеской прозы и «властителем дум» нескольких поколений. Под влиянием его книг подростки задумывались над важными нравственными вопросами и учились понимать свои взаимоотношения с миром взрослых.

Настоящая фамилия писателя — Гоберман. Он родился 3 августа 1924 г. в Москве. Его отец, участник гражданской войны, подобно многим искренним сторонникам Октябрьской революции (1917), пал жертвой сталинских репрессий*. Это случилось в 1937 г., когда будущему писателю было 13 лет. Мать тут же была уволена с работы, а сам Анатолий попал в число «детей врагов народа».

Главным утешением в те годы для подростка стали книги. Особую моральную поддержку он находил в произведениях Ч. Диккенса и Марка Твена, рассказывающих о детях, которые достойно прошли нелегкие испытания.

В годы Великой Отечественной войны Анатолий работал на стройке. Затем он поступил на индийское отделение Московского института востоковедения. Завершение образования совпало с началом его писательской жизни: вышли в свет первые произведения, засвидетельствовавшие собой появление талантливого автора «юношеской повести». Сборники прозы, опубликованные в течение последующих десятилетий, принесли писателю известность во всей стране. В условиях идеологического давления они были азбукой нравственности для подростков и плотком свежего воздуха для взрослых.

Книги, написанные А.Г. Алексиним в советский период, воссоздают коллективный духовный портрет поколений 1950–1980-х годов. В качестве одной из главных черт этого портрета писатель выделял нравственный максимализм**. С позиций нравственного максимализма он в своих произведениях критиковал расчетливость, корыстолюбие, эгоизм, черствость, душевную лень, — иными словами, душевные качества, враждебные духу романтики. Осмысление нравственных проблем в прозе Алексина сочеталось

* Репрессии — карательные меры, исходящие от государственных органов.

** Максимализм — крайность в каких-нибудь требованиях, взглядах.

с глубоким проникновением в мир юной души. Благодаря этим качествам творчество писателя получило широкое признание у юношества.

За свои повести и рассказы, пьесы и сценарии к кинофильмам А.Г. Алексин неоднократно удостоивался государственных и международных премий. Его произведения переведены на полсотню языков, а общий тираж их изданий превысил 100 млн экземпляров.

С начала 1990-х годов А.Г. Алексин проживает в Израиле, но душой, по его словам, «ни на день не расстается с Москвой». Связь эта и в самом деле тесная. Россия не забывает своего талантливой сына, переиздавая десятки ранее написанных им книг, публикуя его новые произведения, выпуская в свет многотомные собрания его сочинений. Но и писатель, уже много лет пребывающий за рубежом, не остается в стороне от жизни страны, которой он отдал большую часть своих лет и творческих сил. Одной из самых ярких книг, написанных А.Г. Алексиним в Израиле, является роман «Сага о Певзнерах», рассказывающая о судьбе еврейской семьи в России XX в. В этом же ряду находится и повесть «Ночной обыск», в которой впервые было передано детское восприятие сталинского террора.

Отвечая на вопрос о том, как в разные периоды своей творческой биографии ему удавалось создавать произведения, всегда высоко оцениваемые публикой и критикой, писатель отмечал: «Главным героем моих повестей и рассказов, кои, полагаю, благостными не назовешь, неизменно была семья, поскольку человечество состоит из семей и именно через семью пролегают все проблемы — нравственные, социальные, экономические. И политические...» Действительно, на фоне признанных советской властью произведений, воспитывавших в молодом поколении прежде всего активных участников строительства коммунистического общества, книги А.Г. Алексина резко выделялись нестандартно «личным» звучанием тем. А в потоке сегодняшней развлекательной литературы его произведения, отличающиеся серьезным нравственным содержанием, выглядят островками духовности и человечности, столь необходимыми человеческой душе — как юной, так и взрослой.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какие биографические сведения об А.Г. Алексине вы почерпнули из прочитанной статьи?
2. Назовите писателей, оказавших благотворное влияние на его духовное и творческое развитие.
3. Что характерно для прозы Алексина? На какой читательский возраст она ориентирована?

Работа в парах. Обсудите следующее высказывание писателя: *«Если слабый и глупый человек жесток — это противно, но если умный и смелый жесток — это страшно»*. Согласны ли вы с этой мыслью?

Трилогия А.Г. Алексина «В тылу как в тылу»

Юность А.Г. Алексина совпала с тяжелым испытанием в жизни его родины — Великой Отечественной войной (1941–1945). Этой теме он посвящал, в частности, трилогию «В тылу как в тылу», в которую, помимо одноименной повести, вошли также повести «Запомни его лицо...» и «Ивашов».

Трилогия (греч. *trilogia*, от *tri* — в сложных словах — 3 и *logos* — слово, повествование) — произведение, состоящее из трех самостоятельных законченных произведений, объединенных общим идейным замыслом автора.

В своей трилогии Алексин, опровергая представление о том, что в тылу жизнь была легче и спокойней, чем в окопах, показывает, как люди, находившиеся вдали от линии фронта, предельно напрягали физические и душевные силы, чтобы помочь бойцам приблизить день победы.

Перед чтением. Ниже вашему вниманию предлагается одна из повестей трилогии А.Г. Алексина. Читая это произведение, обратите внимание на особенности построения его сюжета. Что прибавляют к рассказу героя о военных годах его впечатления от поездки на такси?

В тылу как в тылу

Из трилогии «В тылу как в тылу»

Дорогой, незабвенной маме

(Из воспоминаний Дмитрия Тихомирова)

Годы... Они длинные, когда еще впереди, когда предстоят. Но если большая часть пути уже пройдена, они кажутся до того быстроходными, что с тревогой и грустью думаешь: «Неужели так мало осталось?»

Я не был в этом городе очень давно. Раньше приезжал часто, а потом... всё дела, всё дела. На привокзальной площади я увидел те же осенние цветы в жестяных ведрах и те же светло-зеленые машины, подпоясанные черными шашечками. Как прошлый раз, как и всегда... Будто не уезжал. «Куда вам?» — туго, с напряжением включив счетчик, спросил таксист.

— В город, — ответил я.

И поехал к маме, у которой (так уж случилось) не был около десяти лет.

I

В октябре сорок первого мы шли с ней по этой привокзальной площади в темноте, проваливаясь в ямы и лужи.

Мама запретила мне притрагиваться к старомодному, тяжеленному сундуку: «Это не для тебя. Надорвешься!»

Как будто и во время войны одиннадцатилетний мог считаться ребенком.

В канун нашего отъезда всех предупредили, что взять с собой можно «только одно место». Мама выбрала сундук, обвитый железными лентами. В нем согласно домашней легенде когда-то хранилось прабабушкино приданое.

Приданого, видимо, было много, потому что сундук мне казался бездонным. За одну ручку ухватила мама, а за вторую — Николай Евдокимович. Своих вещей у него не было: за день до отъезда, когда Николай Евдокимович где-то дежурил, его дом разбомбили.

— Хорошо, что у меня нет семьи, — сказал он. — Вещи терять не так страшно.

Свободной рукой мама крепко держала меня за локоть, словно я мог вырваться и удрать.

— Смотрите под ноги! — предупреждал мужчина в брезентовом плаще с капюшоном. Промерзший голос нехотя вырывался из капюшона, как из рупора, и стеснялся своей заботливости.

Николай Евдокимович попросил маму остановиться. Он опустил сундук на доски, сложенные посреди дороги.

Кто-то, шедший сзади, наткнулся на нас и глухо, неразборчиво выругался.

— Простите, — сказал Николай Евдокимович. — Нога разболелась. Если не возражаете...

И присел на сундук. При маме он не мог сознаться, что просто устал.

Он любил маму. Это знали все.

— Ее красота слишком заметна, — постоянно говорил мне отец. И обязательно при этом вздыхал.

Ему хотелось, чтобы мамину красоту никто на свете не замечал. А прежде всего, чтоб о ней забыл Николай Евдокимович.

— Поверь, Алеша, я к нему не питаю никаких... таких чувств, — объясняла мама отцу. — Хочешь, поклянусь? Своим будущим и даже твоим!

Мое будущее она оставляла в покое.

— Я к нему ничего не испытываю, — настойчиво убеждала она отца.

— Но он испытывает к тебе. А это, пойми...

— И что же? Бросить его на произвол судьбы? — спросила она однажды.

И резко встала, как бы приняв окончательное решение. Она часто после негромкого разговора так вот вставала, давая понять, что ее аргументы исчерпаны. Голос менялся, становился сухим, словно река, потерявшая свои теплые, добрые воды и обнажившая вдруг каменистое дно.

— Ты умешь укрощать даже сварщиков и прорабов. Куда уж мне, интеллигенту-биологу? Я сдаюсь! — в другой раз воскликнул отец. И поднял руки вверх.

Такие разговоры возникали у нас дома нередко. Во время одного из них мама сказала:

— Николая в институте звали Подкидышем.

— А где тебе его подкинули?

— Там и подкинули: в нашем строительном. Зачем ты спрашиваешь о том, что давно уж известно?

Мама резко поднялась.

— К сожалению, меня в ваш строительный никто не подкинул, — печально сказал отец.

Он ревновал маму к прошлому. Как, впрочем, и к настоящему, и к грядущему тоже:

— Когда-нибудь ты покинешь меня.

— А о нем ты забыл?

Мама кивнула в мою сторону.

— Ну если... только ради него... Это слабое утешение.

— В какие дебри мы с тобой забрели! И всё из-за Подкидыша. Из-за этого безобидного князя Мышкина, — возмутилась мама.

Князь Мышкин, Подкидыш... Это должно было убедить отца, что он в полнейшей безопасности.

С тех пор отец стал называть Николая Евдокимовича только Подкидышем, словно прекратил думать о нем всерьез.

Он был выше Подкидыша минимум на полголовы, а то и на целых три четверти. Не говорил по десять раз в день: «Если не возражаете...» И всё же щуплого Николая Евдокимовича, близорукого, в очках с толстыми стеклами, отец, я видел, продолжал опасаться. С моей точки зрения, это было необъяснимо. Еще и потому, что мама, хоть ее и называли красавицей, представлялась мне в ту пору абсолютно пожилой женщиной: ей было уже тридцать семь лет!

На мой взгляд, Подкидыш не мог быть угрозой для нашей семьи. «Ну какая любовь в этом возрасте? — рассуждал я. — Вот у нас, в четвертом классе... Это другое дело!»

Отец думал иначе... Если Николай Евдокимович приглашал маму на вальс, он говорил:

— Она, к сожалению, очень устала.

— Я полна сил и энергии! — заявляла мама. И шла танцевать.

Она привыкла стоять на своем не только потому, что была красивой, а и потому, что работала начальником стройконторы: ей действительно подчинялись сварщики и прорабы.

— Твои про-рабы! — говорил отец, делая ударение на последнем слог.

Если Подкидыш обнаруживал, что у него «как раз три билета в кино», отец вспоминал, что в этот вечер они с мамой приглашены в гости.

— Меня никто не приглашал! — возражала мама.

Она всегда говорила правду. «Рубила», как оценивал это отец.

А честность тоже разная бывает,
И если доброты ей не хватает...

Отец начал как-то цитировать эти стихи, но запнулся.

— Честность есть честность! — ответила мама. И резко встала.

— Я не щадила тебя, — тихо сказала она, когда отец собирался по повестке на сборный пункт. Или, вернее сказать, на войну. — Я не щадила тебя... Прости уж, Алешенька. Но ты всегда мог быть абсолютно спокоен. Я пыталась воспитывать тебя... Это глупо. С близкими надо находить общий язык. Вот что главное... Ты простишь меня?

— Да, конечно, — ответил отец. — А Подкидыш поедет в одном эшелоне с тобой и Димой?

То, что мы уедем, было известно. Но когда — никто точно не знал.

— Хочешь, мы поедем в другом эшелоне? — сказала мама.

Я чувствовал, что она никогда больше не станет резко подниматься с дивана и разговаривать с отцом голосом начальника стройконторы.

— А если другого эшелона не будет? — ответил отец. — Неужели ты думаешь, что я могу рисковать... вами? — Он так сказал. Но мне показалось, что он всё же боится нашей поездки в одном эшелоне с Подкидышем гораздо больше, чем идти на войну. Войны он вообще не боялся.

— Обещай мне, что ты будешь спокоен. За нас... За меня! — умоляла мама. — И пиши... Каждый день нам пиши. Не представляешь, как мы любим тебя!

— А ты?

Для отца мамина любовь всегда была дороже моей. Я знал это. И мне не было обидно. Ничуть...

Прощаясь во дворе школы медицинских сестер, где был сборный пункт, отец тихо спросил маму:

— И вагон у вас с н и м... один?

— Мы поедem в теплушках. На нарах, — ответила мама. — Если хочешь, будем в разных теплушках. Только бы ты не думал... Ни одной секунды! До конца войны... До конца нашей жизни.

Она зарыдала. Я тоже заплакал.

— Ну что вы? Я скоро вернусь... — как и все вокруг, обещал нам отец. Это было седьмого августа. — И пусть Подкидыш вам помогает. Рядом должны быть близкие люди...

— Ты можешь быть абсолютно спокоен! — почти крикнула мама. — Клянусь всем на свете. Даже е г о будущим!

И прижала меня к себе.

2

Я знал, что хорошее начинаешь гораздо острее ценить, когда оно от тебя уходит. И что наши приобретения становятся в тысячу раз дороже, когда превращаются в наши потери или воспоминания. Эта истина казалась мне раньше лежащей на поверхности, а значит, не очень мудрой.

Но, качаясь на нарах, под потолком, где было много времени для размышлений, я понял, что первым признаком мудрой мысли является ее точность: всё, что недавно было обыденным и привычным, стало казаться мне нереальным, невозвратимым. А неприятности и заботы, так волновавшие меня прежде, я не разглядел бы теперь ни в один микроскоп.

Я с нежностью вспоминал о нашем учителе физкультуры, который ничего, кроме тройки с минусом, мне никогда не ставил, и о соседях, которые говорили, что я слишком громко хлопаю дверь и вообще ни с кем не считаюсь. «Ценишь, когда теряешь» — эту истину война всё упрямей, с жестокой прямолинейностью вдалбливала мне в сердце и в голову.

Отец заранее объяснил, какие нас с мамой встретят на Урале флора и фауна: он был биологом. Но нас встретил лишь низкорослый, неестественно широкоплечий человек, казавшийся квадратом, завернутым в брезентовый плащ с капюшоном. Из капюшона до нас донеслось хриплое сообщение о том, что «машин сколько есть, столько есть, а больше не будет».

Мои прежние путешествия в поездах всегда были праздником. «Гарантия возвращения — вот что было самым приятным в пути!» — понял я потом, через много лет.

— Что с Москвой? — раздался в темноте голос Николая Евдокимовича. Мы прошлепали по лужам еще несколько шагов. — Неужели всё-таки...

— Этого не будет! — Мама остановилась, словно, как прежде, резко поднялась со стула.

И пошла дальше. Мы тоже пошли.

— Я уверен... Я абсолютно уверен! Но мы целый день не слышали сводки Информбюро.

На каждой станции Подкидыш выпрыгивал из вагона на шпалы, на мокрую землю и бежал к газетному киоску или к громкоговорителю, если киоска не было. Узнав, что после упорных боев наши войска оставили какой-нибудь город, он сообщал об этом только в том случае, если его спрашивали. И то очень тихо.

И поглядывал с опаской туда, где лежали на нарах мы с мамой: не хотел нас расстраивать.

Никто не объявлял заранее, долгой ли будет остановка, никто не знал, когда тупо ударятся друг о друга, заскрежешут чугунные буфера и мы тронемся дальше.

— Останется... Где-нибудь он отстанет! — беспокоилась мама. И я этого тоже очень боялся.

В течение двух недель, проведенных в пути, мы с мамой выходили только на перроны больших городов. Она не выпускала мою руку ни на мгновение. Мы искали бывшие вокзальные рестораны, чтобы по талончикам получить там похлебку и кусок хлеба.

«Потерять, оставить, отстать...» — война со всех сторон окружала нас этой опасностью. Но больше всего мама страшилась расстаться со мной. Она даже объяснила, что, поскольку мне всего лишь одиннадцать лет, я вполне могу ходить вместе с ней в туалет. Я воспротивился... И она стала отпускать меня туда на больших станциях с Николаем Евдокимовичем.

Если мы с ним задерживались, она, чуть приоткрыв дверь и глядя куда-то в сторону, испуганно вопрошала:

— Вы там?

Он отвечал:

— Мы здесь!

«Да какая может быть любовь в этом возрасте?» — утверждался я в своей давней мысли.

Квадратный человек прохрипел из капюшона, точно из рупора:

— Побейте шевелитесь! Машины не будут ждать.

Мама покрепче сжала мой локоть.

Девять или десять крытых машин стояли на краю площади. Они сгрудились, как стадо молчаливых животных, пришедших на водопой.

— Поплотней утрамбовывайтесь, товарищи! — скомандовал капюшон.

Подкидыш протянул маме руку из глубины крытого кузова, но она вначале подсадила меня.

А за нами вскарабкивались и «утрамбовывались» все новые и новые пассажиры из эшелона.

На нарах в теплушке голосов почти не было слышно. Не из-за стука колес, а потому, что растерянность и неизвестность как бы сковали людей.

И в кузове грузовика было напряженно от тишины.

— Осторожней, здесь мальчик! — предупредила мама. Ей не возразили. Но и учесть ее просьбу никто не мог. Меня сжимали и утрамбовывали «на общих правах»: мест для пассажиров с детьми в крытой машине не было.

Я подумал, что нужно будет вообще забыть о своем возрасте. Взять и забыть...

Но мама не хотела, чтобы я забывал. В холодном бараке, который обогрелся еле мерцавшими печурками, она превратила наш сундук в стол и сказала:

— Здесь ты будешь делать уроки!

Сказала властным голосом начальника стройконторы, потому что меня нужно было встряхнуть и убедить, что всё продолжается.

«Комнаты» отделялись одна от другой простынями, бывшими скатертями или портьерами, прикрепленными к веревкам, как выстиранное белье.

Мама узнала, где находится школа, и повела меня туда сразу же, на рассвете следующего дня.

— Ты и так уж отстал от класса! — с упреком сказала она. Будто я отдыхал где-нибудь в пионерлагере или наслаждался выдуманными болезнями, как это случалось в мирное время.

Наше новое местожительство было на берегу уральской реки, названия которой я раньше не знал.

Оборонный завод напоминал человеческий организм, атакуемый перегрузками, но не ослабевший: его сердцебиение было слышно всему городу днем и ночью. Вместо кислорода он вбирал в себя электроэнергию, а выдыхал пар и дым. Ему некогда было думать о своем внешнем виде: одежда выцвела, поизносилась.

Мощность этого организма строители должны были увеличить во много раз и в немыслимо короткие сроки. Завод окружали дома из некогда красного, закопченного кирпича; вросшие в мокрую грязь одноэтажные бараки; клуб, называвшийся Домом культуры, и школа, где учились в три смены.

На школе висел плакат «В тылу как на фронте!».

— Ты понял? — спросила мама. — Хотя вообще-то я не люблю этого лозунга: все-таки фронт — это фронт, а тыл — это тыл.

— Но всюду пишут... — попробовал возразить я.

— Мы в отличие от отца, — тоном начальника стройконторы перебила мама, — прибыли в зону безопасности. Чтобы ты мог учиться. В том числе и для этого... Ты понял? Мне некогда будет напоминать.

Маме стало некогда уже с двенадцати часов дня. Ее вызвали в стройуправление и назначили «инженером — руководителем по комплектации и восстановлению оборудования». Название маминой должности было таким длинным, что я испуганно спросил:

— А что это значит?

— Ничего особенного, — ответила мама. — Приходят эшелоны с оборудованием. Надо пристроить его в старых цехах или под навесом, пока не построим новые.

— Каторжная работа, — раздался мужской голос из-за старого, облысевшего ковра с озером и двумя лебедями, отделявшего нас от соседей.

— Вы были на каторге? — спросила мама. — Откуда же вам известно? — мама не любила паниковать.

— Да уж знаю! — монотонно настаивал голос из-за озера с лебедями. — Правда, дают кое-что пожевать за вредность производства.

— Вот видишь, — сказала мама. — Во всем есть свои светлые стороны. Она их по крайней мере умела отыскивать.

— Мне придется редко бывать дома, — сказала она через несколько дней. — Эшелоны приходят один за другим. Так что приглашай в гости товарищей. Или товарища... Чтоб не соскучиться.

У нее самой был один только друг. Тот, которого ей подкинули в строительном институте.

— Его и здесь подбросили в мою группу, — сообщила мне мама.

— На каторжную работу? Разве он выдержит?

— Мы с вами в зоне полнейшей безопасности: спим в постели, нас не бомбят. В тылу как в тылу! — ответила она.

— Я хотел сказать... что Подкидыш очень худой.

— А в окопах только богатыри?

Мама вынула из сумки котлеты, завернутые в местную многотиражку: бумагу достать было трудно.

— Вот видишь, дополнительное питание. За вредность производства. Грех жаловаться!

Как и хотела мама, у меня появился приятель: Олег по прозвищу Многолетний брат. У него было две младших сестры. Последняя родилась двадцать второго июня — за год до начала войны.

— Умудрилась! — сказал Олег. — Попробуй теперь порадуйся в день ее появления на свет...

Многолетний брат бегал за «детским питанием», которое, как он говорил, в мирное время и взрослые не стали бы есть.

— Но организм ко всему приспосабливается, — объяснил мой новый приятель.

— Раньше и этого не было. Ивашов приказал открыть молочную кухню.

— Кто?

— Не слышал о нем?

— Не слышал.

— Об Ивашове?! Это же начальник строительства. Точнее сказать, душа... Так говорит отец. Ни разу о нем не слышал? Ну, знаешь!..

Олег был старше меня на полтора года.

— В вашем возрасте это много! — уверял Николай Евдокимович. — Вспомни Толстого! «Детство», «Отрочество», «Юность» — так он назвал свою трилогию. Речь идет о разных эпохах человеческой жизни. Если не возражаешь...

Но никакие эпохи нас с Олегом не разделяли. Когда я сказал об этом Подкидышу, он задумался:

— Война вообще объединила людей... хотя вроде бы их разлучила.

Олегу трудно было делать уроки дома.

— Сестры плачут дуэтом.

— Как же ты спишь?

— Организм ко всему привыкает.

Он приходил заниматься ко мне. Но прежде чем сесть за учебники, говорил:

— Я тут немного...

И подметал нашу «комнату», укреплял на веревках «озеро с лебедями», что-нибудь мне пришивал. Две сестры приучили его к труду. Олег выглядел не просто худым, а до крайности истощенным. Поэтому нос и глаза особенно выделялись. Узнав, что отец мой биолог, а раньше преподавал анатомию, Олег сказал:

— Я вполне бы мог стать для него экспонатом!

Он любил подшучивать над своей худобой.

Отец его через двадцать дней после начала войны потерял левую руку и теперь работал в редакции той самой строительной многотиражки, в которую мама заворачивала котлеты. Дома у них была пишущая машинка. Это произвело на меня сильное впечатление.

— Выдали под расписку, — сказал Олег. — Сестры под нее засыпают. Отец начнет печатать правой рукой — и они умолкают. Колыбельная песня! Иногда я помогаю отцу.

— Ты и печатать умеешь?

— А что ж тут такого!

* * *

Я торопился к маме. Она очень ждала меня. Это я знал...

И мое нетерпение тоже было таким напряженным, что я бессознательно, не отдавая себе в этом отчета, оттягивал встречу. По пути я решил задержаться возле дома, где жил Олег.

Таксист был рассержен непредвиденной остановкой. А когда я вышел из машины и направился к дому, он проводил меня взглядом, полным сомнений: приду ли обратно? Не сбегу ли, не расплатившись?

Чтобы успокоить его, я вернулся и, как задаток, положил на заднее сиденье букет, купленный для мамы на привокзальном базаре.

Потом я вошел в парадное. Всё было так же... Только стены покрасили в другой цвет.

Подниматься на третий этаж я не стал: Олега и его родных там уже давно не было. Они уехали к себе домой, в Белоруссию. Мы переписывались...

Я вернулся к машине. И едва успел хлопнуть дверцей, как таксист резко рванул с места. Так он выразил свое недовольство.

Я бы мог объяснить таксисту, что хочу хоть на время вернуть свое прошлое. Но вид его не располагал к откровенности.

4

В первое же утро после приезда, по дороге в школу, мы с мамой забежали на почту. Отец должен был писать до востребования. Так мы условились.

— Я чувствую: нас будет ждать письмо! — все четырнадцать дней в эшелоне говорила мне мама, без конца перечитывая те письма, которые мы успели получить от отца в Москве.

На почте ничего не было.

— Теперь мы с тобой так и будем жить: от письма до письма, — грустно сказала она. — Надо привыкать. Что тут поделаешь!

Она попросила, чтобы мне выдавали «корреспонденцию», которая будет приходить на ее имя. Мама собиралась, я понял, пропадать на стройке целыми сутками, а почта работала лишь до семи часов.

Когда мы вышли на улицу, мама спросила:

— Тебе кажется, я часто огорчала его?

Я не знал, что ответить. Тогда она продолжала:

— Сейчас страшны только те раны, которые может получить он. Или получал прежде. От меня, например... Только те раны опасны. А мы с тобой неплохо устроились.

— Хорошо, что он может быть... абсолютно спокоен, — машинально повторил я то, что слышал от нее во дворе училища медсестер, где мы с отцом расставались.

— Спокоен? Разве там, где он... бывает спокойствие? Ты вообще представляешь, что там происходит?

— Представляю.

— Это невозможно себе представить! — Мама резко остановилась, будто демонстративно поднялась с дивана или со стула, как это бывало раньше. — Каждый день заходи на почту. Каждый день! Я должна знать, есть письмо или нет.

— Я буду заходить. Обязательно!

Она пошла дальше.

— Я всегда знала, что перенести самую тяжкую болезнь легче, чем переживать болезнь ближнего. Но я не представляла, что это такое — непрерывное ожидание беды. Теперь нельзя давать себе отдыха... ни на минуту!

— Ни на минуту?!

— Чтоб некогда было сходить с ума... — Она вынула из сумочки фотографию, где отец был совсем молодым и веселым. — Он всегда был беззащитней меня. Так казалось в будничной жизни. Мужчины берут на себя самые страшные тяготы века, а зубной боли они боятся. Это известно. Я обязана быть... рядом с ним... Пусть даже здесь!

— И я тоже.

— Нет. Ты ребенок! Мы идем с тобой в школу. Прямо сейчас! Никто не может лишить тебя этого. Детство не повторяется.

— И старость не повторяется.

— Хватит с нее одного раза! А перед Алешей я всё-таки виновата.

— В чем?

— Сильнее, чем я люблю его... особенно вот сейчас, любить, мне кажется, невозможно. Он не узнал этого.

— А меня? — бестактно любопытствовал я.

— Это другое. Материнство... выше любви.

Я успокоился.

— Мне всегда хотелось доказать ему... Дать почувствовать, — виновато продолжала она. — Но я не спешила. В педагогических целях. Какая нелепость! Лучше поздно, чем никогда? Нет уж, Дима... С добром надо спешить, а то оно может остаться без адресата. Ты согласен?

— Согласен.

— Если это случится, я не прощу себе. Нет, не то... Я просто не вынесу.

5

Через двадцать дней, когда я зашел на почту, где меня уже знали, бледная девушка в окошке на миг оживилась и сказала:

— Сегодня вам есть...

Она перебрала несколько писем пальцами, которые казались очень тонкими из-за припухших суставов. Было холодно, почти как на улице. Руки у девушки, конечно, замерзли, но не покраснели, как мои, а были прозрачными, обескровленными.

Она протянула конверт без марки.

Я сразу, не отходя от окошка, разорвал конверт. Вынул листок, на котором было что-то напечатано типографским шрифтом. Только имя, отчество и фамилия отца были написаны чернилами, от руки. Я прочитал раза три или четыре спокойно. И только с пятого раза понял, что мой отец пропал без вести.

На улице ждал Олег. Я выбежал с белым листком в руке. Олег прочитал... Нос его сморщился, словно от внезапного света, глаза стали еще больше, круглее. У него были две младшие сестры — и он умел утешать.

— Пропал? Это слово имеет несколько значений. Ты вспомни... «Пропал» в смысле погиб тут не подходит. Здесь другое значение: он исчез, о нем ничего не знают. И всё...

Как старший брат, он умел втолковывать, объяснять.

— А если погиб... так и пишут: «погиб»? — спросил я.

— Так и пишут. Это называется похоронкой. А тут извещение. Неприятное, конечно. Не буду тебя обманывать.

Я знал, что даже родителей он никогда не обманывал.

Взяв у Олега листок, я опять впился глазами в строчки и твердо, до конца осознал, что отца моего уже нет. Совсем нет... навсегда...

Я не заплакал. Но понял, что это значит — «не находить себе места». Вернулся на почту, спросил у болезненной девушки, когда пришло это письмо.

— Сегодня, — ответила она. — Ты же вчера заходил.

Потом я, забыв об Олеге, помчался на стройку.

— Ты куда? — услышал я сзади его голос.

— К маме.

— Зачем?

— Показать...

— Да ты что?!

Мы оба остановились. «Я просто не вынесу», — тогда, возле почты, сказала мне мама. Как можно было это забыть?

— Что же делать? — спросил я Олега.

— А где твой портфель?

Портфеля действительно не было.

— Оставил на почте. Возле окошка...

Мы побежали обратно. Портфель уже был за стеклом, на столе у болезненной девушки.

— Ты что-нибудь такое... получил? — спросила она.

В ответ я ничего не смог выговорить.

— Отец пропал без вести, — объяснил ей Олег. — Не погиб... а просто нету вестей. Это же разные вещи.

— Вероятно, — сказала она. — Я не могу здесь больше работать...

И закрыла глаза болезненно белыми пальцами.

Я вспомнил пальцы отца. Он часто, сидя за столом, перебирал лечебные травы, которые сам же выращивал. Травы были высохшие, напоминавшие сено, а пальцы у отца загорелые, крепкие, но осторожные. Мне чудилось, он боится, что с трав осыплется что-то нужное и они потеряют свою целебность.

Отец был нежным, застенчивым человеком. «Ленинградская интеллигентность!» — пояснял Николай Евдокимович, хотя сам был закоренелым и отчаянным москвичом.

Отец любил лес, но еще больше — поля и луга. «Высокая, густая трава — это здоровье, — говорил он. — Это символ простора и жизни!»

И жизни...

— Ты не прощайся с отцом, — угадав мои мысли, сказал сзади Олег. — Пойдем.

Мы вышли на улицу.

— Дай мне конверт, — попросил он.

Я протянул.

Он аккуратно вложил в конверт листок с извещением. И так же неторопливо, обстоятельно отвел ему место в своем портфеле.

— Пусть будет у меня. А то мать найдет.

Я вновь затопал вверх по ступенькам почтового отделения и заглянул в полукруглое окошко.

— Только маме не говорите, что было письмо. Если она зайдет... — попросил я девушку, которая всё еще не отрывала рук от лица.

На почте никого не было, потому что весь город в это время работал.

— Олег говорит, что отец... еще может найтись...

— Не могу я здесь больше работать, — ответила девушка.

* * *

— На две минуты... Остановитесь, пожалуйста, — опять попросил я таксиста. Он тормознул так, что я ткнулся в его спину.

Почта была всё там же. И из того же окошка выдавали корреспонденцию до востребования. Человек пять стояли в ожидании. Но на их лицах не было нетерпеливой тревоги.

Я издали заглянул в окошко. Конверты перебирала девушка, на которую стоявшие в очереди мужчины поглядывали с интересом. Она стояла этого.

Таксист снова рванул, будто участвовал в мотогонках и ему только что был дан старт.

6

Мама приходила поздно вечером. А то и ночью, а то и под утро. Приподнимала простыню, отделявшую наше жилье от коридора. Другой нашей «стеной» был старый, облысевший ковер. Мама входила беззвучно, но я просыпался. Задавала мне несколько главных вопросов... Прежде чем шепотом рассказать о своих делах, она открывала разбухшую сумку, набитую бумагами и чертежами. Вытаскивала со дна еду, завернутую в газету, и протягивала ее мне. В сумке обязательно стояла бутылка молока, которая тоже полагалась маме «за вредность». Сидя на матрасе, я ел хлеб с котлетой и запивал молоком.

— Так поздно ужинать вредно, — говорила мне мама. — Но война всё поставила вверх ногами.

— А ты-то поела?

— Конечно, — отвечала она.

И наспех рассказывала, как ей удалось найти очередное «уютное местечко» для каких-нибудь многотонных «деталей», прибывших издалека. Говорила она еле слышно, но по ту сторону «озера с лебедями» обязательно кто-нибудь переворачивался и вздыхал.

— Всё надо принять, выгрузить, рассортировать. Уберечь от дождя и снега, — шептала мне мама, готовясь хоть немного поспать. — Ивашов говорит: «Потерять хоть одну деталь — значит отдать ее врагу».

Ивашов... На эту фамилию то и дело ссылались, ею убеждали и утешали. Иногда говорили: «Ивашов», а иногда — «он»: он приказал, он помог, он в курсе дела... «Увидеть бы его где-нибудь, — мечтал я. — Хоть издали... Хоть разок!»

Усталой мама не выглядела. Даже волосы накручивала на свернутые бумажки и смазывала лицо вазелином:

— Обветрилось... За собою надо следить. А то вернется отец — не узнает!

Нередко она объясняла мне, как важно соблюдать технику безопасности.

— Торопиться, но соблюдать! Если бы это правило существовало там, где отец...

Я в такие минуты закрывал лицо одеялом или говорил, что мне необходимо на минутку во двор.

Каждый раз прямо с порога мама спрашивала:

— На почте был?

— Был.

— Ничего нет?

— Пока нет.

Когда она возвращалась домой пораньше, к нам с другого конца барака заходил Николай Евдокимович.

Мы с ним в два голоса объясняли, что письмо могло затеряться, что путь от фронта до Урала очень далек.

Даже Подкидышу я об извещении не рассказал — это было нашей с Олегом тайной. И еще тайной той болезненной девушки, которая всё хотела покинуть свое окошко.

На стройке Николай Евдокимович очень старался облегчить мамину участь.

— Воздухосборники мы с ним комплектуем. И насосы, — шептала мне ночью мама.

— Какие насосы?

— Которые в этом бараке едва ли поместятся. Молоко свое предлагает... А зачем мне? Чтобы стариться, чтобы толстеть? Отец вернется и не узнает! Мы, женщины, куда выносливей, чем мужчины. Я вот ни разу в жизни не была у зубного врача! — Мама сверкнула улыбкой, про которую соседи в Москве говорили, что она «как у Любови Орловой». — Мужчинам нужно гораздо больше калорий.

Наверно, она имела в виду и меня.

Николая Евдокимовича маме подкинули, когда он был уже в зрелом возрасте. Много лет он работал на стройках «инженером без диплома»: у него было незаконченное высшее образование.

— Я не хотел закончить жизнь с незаконченным образованием, — говорил Подкидыш, — и в тридцать пять лет поступил на четвертый курс.

Там он встретил маму, которая была моложе его почти на тринадцать лет. Поэтому, я думаю, она называла Подкидыша на «вы». Он в ответ называл ее так же. Отец и по этой причине поглядывал на них с подозрением.

— Почему он не закончил институт в молодости? — спросил я однажды. — Плохо учился?

— Ты можешь представить себе, что он плохо учился?! — оскорбилась за Подкидыша мама. — У него были тяжело больные родители: он содержал семью. Тебе это трудно понять.

Своих «стариков» Подкидыш любил беззаветно. Случилось, что оба они были прикованы к постели в течение долгих лет. В их семье все друг за друга б о л е л и. Так было в буквальном смысле: когда отца разбил паралич, мать не вынесла горя, и сердечные приступы уже не покидали ее. Врачи и лекарства как бы прописались в семье Елизаровых... Из-за этого Николай Евдокимович не женился. А потом он встретил маму — и остался холостяком навсегда.

— Именно любовь сделала его вечным холостяком... Это выглядит старомодной историей, — при мне сказала маме наша соседка. Она думала, что я, в то время еще первоклассник, мичего не пойму: взрослые нередко на этот счет ошибаются.

— Не называй старомодным то, что тебе недоступно, — ответила мама соседке. — Мы часто смешиваем современность с самими собой. А рыцарство, учти, всегда современно!

Значит, она считала Подкидыша рыцарем... Он им и был.

Его родителей похоронили на Ваганьковском кладбище.

— И мое место там, — говорил Николай Евдокимович, будто поскорей добраться до этого места было его мечтой. — Только там... Других пунктов в моем завещании не будет.

Больше всего на свете Подкидыш любил Москву. А потом — мою маму... Он знал все арбатские переулки, в одном из которых был и наш дом. Он мог безошибочно сообщить, у кого и на сколько дней останавливался Пушкин, где умер Гоголь, а где бывали Веневитинов или Вяземский.

— Ты ходишь на лыжах по Гоголевскому бульвару? Не возражаешь, чтобы мы с тобой как-нибудь погуляли без лыж? Там, ближе к Кропоткинским воротам, есть такие святыни...

— А знаете, однажды зимой я лизнул бронзу на памятнике. Хотел попробовать снег!

— И язык остался на бронзе?

— Лучше бы он взял себе язык Гоголя, чем подарил ему свой! — заметила мама.

— И еще я катаюсь на этом бульваре с гор, — сообщил я Подкидышу.

— Горы!.. — грустно воскликнул он. — Когда-нибудь они покажутся тебе небольшим возвышением. Наши представления со временем так меняются!

— Почему вы говорите об этом с печалью? — спросила мама.

— «Печаль моя светла...» Она вызвана сожалением, что зрелость так точно определяет разницу между горой и холмом.

Пушкина он цитировал постоянно, считая, что поэт сказал всё обо всём на свете.

— В моем возрасте это уже можно постичь! — утверждал Подкидыш.

Цитаты он очень естественно вплетал в свою речь, потому что они точно выражали и его собственные суждения.

На фронт Подкидыша не взяли главным образом из-за плохого зрения. Стекла его роговых очков были такие толстые, что я никогда не мог определить, какого цвета у Николая Евдокимовича глаза. Видно было только, что они очень добрые.

Своего «белого билета» Подкидыш стыдился.

— У меня на медкомиссии обнаружили еще кучу болезней, — признался он мне. — Председатель сказал: «Практически у вас здоровы одни только уши». Не возражаешь против такого диагноза? Но Катюше не говори!

Маму он называл Катюшей.

— Не возражаете, чтобы я и завтра заглянул к вам? — спрашивал он у мамы.

— Если мы вернемся с объекта раньше двенадцати ночи, пожалуйста!

— Значит, не возражаете? А то, может быть, я наскучил: столько «сердца горестных замет», — сказал он, я помню.

— У меня «ума холодные наблюдения», поскольку мы должны принять завтра очередной эшелон. У вас «сердца горестные заметы». Получается искомое равновесие.

Назавтра они с мамой, как правило, возвращались позже двенадцати. И на второй и на третий день тоже... А через недельку им вновь удавалось выкроить часа полтора. Я очень любил эти вечера, потому что мы вспоминали о Москве, о мирных годах, казавшихся нереальными, об отце...

Однажды утром, минут в пятнадцать седьмого, когда мама уже собралась на работу, Подкидыш ворвался к нам без всякого предупреждения.

— Не возражаете? — И сразу вбежал. — Их разгромили под Москвой! Вы это предвидели, Катюша. И говорили об этом... Свершилось!

— А как вы узнали?

— По радио.

— Вдруг теперь... и письмо придет?

— Разумеется... Можно не сомневаться! И ты вставай, — тормозил меня интеллигентный Подкидыш.

А вечером мы собрались, чтобы отметить праздник.

Усталые, серые лица вроде бы оживились — и в бараке стало уютней. Мама всегда была гостеприимной хозяйкой. Если кто-нибудь приходил к нам в Москве неожиданно, без приглашения, она, произнеся в коридоре приветственные слова, не хваталась на кухне за голову, а говорила откровенно:

— Чем уж богаты...

Если у нас оказывался Подкидыш, духовное богатство семьи, естественно, увеличивалось. Он подробно сообщал о том, что было раньше на месте какой-нибудь станции метро или дома, в котором жили наши незваные гости, и те были очень довольны. На стол мама выставляла всё, что висело за форточкой, на крючке. И буфет она полностью очищала с таким

видом, будто он оставался до краев переполненным. Она отдавала, делилась, но не отрывала от себя.

В тот вечер, в бараке, мама предложила всем «объединить продуктовые запасы», откинуть бывшие скатерти, старые ковры и портьеры, разделявшие нас. Барак сразу сделался длинным, как деревянный туннель. Резали затвердевшие от холода буханки, казавшиеся ненастоящими, бутафорскими; покрывали хлебные куски таким тончайшим слоем масла, что сквозь него ясно просвечивали цвет хлеба и все его поры.

Кто-то принес полбутылки спирта и разбавил его водой до такой степени, что остался лишь запах.

— «Друзья мои, прекрасен наш союз!» — воскликнул Подкидыш. Это прозвучало слишком возвышенно, и я пригнул голову, уставился в пол, как бывает в театре, если на сцене происходит что-то неестественное, фальшивое.

Но в ответ все захлопали. И тогда мама сказала:

— За Москву! И чтобы наши мужья вернулись... — Посмотрела на женщин и поспешно добавила: — Братья и сыновья тоже!

Мне стало страшно. Заныло в животе. Я скрючился, присел на топчан. И тут перехватил пристальный взгляд Николая Евдокимовича. Он пробился даже сквозь толстые стекла очков.

8

На следующий день, когда я возвращался из школы, Подкидыш ждал меня возле барака. Он отлучился ~~с~~ объекта, что нелегко было сделать. Морозный и сухой воздух потрескивал, точно кто-то баловался деревянным игрушечным пистолетом. Вокруг лежал снег, серый от золы, которую ТЭЦ, работавшая, как и люди, взхлеб, через силу, вываливала на город.

И снова толстые стекла очков, даже заиндевшие, показались мне увеличительными: Николай Евдокимович хотел проникнуть в глубь моей тайны.

— Он... убит?

— Нет... Я думаю, нет.

— Что было в письме?

— Откуда вы...

— Катюша ничего не узнает, — впервые в жизни перебил он меня. — Но сейчас не скрывай! Что с отцом?

— Пропал без вести.

— «И от судеб защиты нет...» — прошептал Николай Евдокимович.

— Слово «пропал» имеет в русском языке не одно значение, — начал я успокаивать его и себя.

Я озирался, прикрывал рот заштопанной, шершавой варежкой.

— Ты прав, — согласился Подкидыш. — Наверно, ты прав... «Пропал» ближе к слову «потерялся», чем к слову «погиб». А тот, кто потерялся, может найтись. — Он взглянул на меня с надеждой.

— Как мы находим силы? — Подкидыш снял и протер очки. — Где мы находим?

— Организм приспосабливается.

— Весь... Кроме сердца, — ответил он. Съежился и побежал на работу.

«Но ведь мама может послать запрос, — подумал я вдруг. — И ей сообщать».

Она бы давно уж послала, но, как я догадывался, просто боялась, пред-почитала неведение. Могла, однако, не выдержать... В каком словаре искал бы я тогда утешительные определения слова «пропал»?

Надо было предпринимать что-то срочное!

Вскоре ко мне пришел Олег делать уроки.

Обычно он торопился, а на этот раз раскладывал тетради и учебники не спеша:

— Отец печатает на машинке — и сестры спят.

— Обе?

— Они всё делают коллективно!

— А отец, значит, печатает?

В голову мне пришла неожиданная идея.

— Сотрудников всех призвали, — стал объяснять Олег. — Остался только отец с машинисткой. Она печатать почти не умеет... Но у нее муж и сын на войне. Карточки получать надо! А печатает плохо. Я и то лучше... Прихо-дитесь помогать отцу: ему трудно... одной рукой.

— А мне ты поможешь?

Я взял Олега за плечи и повернул к себе лицом. Огромные глаза его еще больше расширились.

— Объясни, пожалуйста.

— Объясню... Только тихо!

* * *

— Притормозите еще. Выходить я не буду. Издали посмотрю... — пообещал я таксисту.

Барака, в котором мы жили, уже не было. На его месте был парк, кото-рый назывался Парком Победы.

«Первую победу, — вспомнил я, — мы отмечали зимой сорок первого именно здесь».

Таксист нажал на газ, боясь, должно быть, что я передумаю и захочу прогуляться по парку.

9

Сестры Олега действительно засыпали под пишущую машинку. Под эту странную колыбельную песню: организм приспосабливается.

Они уместались на одной тахте, обнесенной со всех сторон аккуратными досками, как забором.

— Это я придумал, — сказал Олег. — А иначе за ними не уследишь: рас-ползутся, свалятся — не отыщешь.

Мать Олега тоже называлась «сестрой»: старшей медсестрой госпиталя, который был в трех километрах от города.

— Дома ночует два раза в неделю, — сообщил Олег.

— Взяла бы отпуск. Раз... дочери маленькие.

— Мы уговаривали. Но у нее двух братьев убили.

— Так... быстро? — спросил я.

— Одного в августе на Украине. А другого недавно возле Калинина... Оба моложе ее. Была старшей сестрой в семье, а теперь только в госпитале. Если бы не они, — Олег кивнул на тахту, обнесенную досками, — на фронт бы ушла.

— Тебя бы оставила?

— Я уже взрослый.

«Тот, кто должен отвечать за других, раньше вырастет», — подумал я. Меня-то ведь мама считала ребенком.

— Брат ее, который погиб под Калинином, — продолжал Олег, — только что школу окончил. Непонятно, зачем учился. Готовил уроки, как мы с тобой. Мать, я боялся, с ума сойдет. Была с т а р ш е й сестрой! Понимаешь?

Глядя на него, на старшего Многодетного брата, я понимал.

— Вам бы бабушек с дедушками на помощь!

— Они в Белоруссии остались. В деревне... «Здесь мы родились, здесь мы и будем...» А твои?

— У мамы давно уже нету... А папины в Ленинграде.

— И сам отец был... То есть, я хотел сказать, он тоже из Ленинграда?

— Подкидыш говорит, что «оттуда вся его потомственная интеллигентность».

Олег сел за машинку, медленно застучал, и сестры, которые уже были сонными, сразу затихли.

От имени командира воинской части мы сообщили Екатерине Андреевне Тихомировой, что муж ее, легко раненный, попал к партизанам, в такие места, откуда писать невозможно. И что, как только освободят Украину, сразу придет письмо...

Олег достал со дна ящика, из-под газет, конверт, полученный мною из рук болезненной девушки. Там ~~ф~~ его хранил... Мы заменили листок с типографским текстом на тот, который пришел «от командира воинской части». И я спрятал конверт в портфель.

Потом явился отец Олега.

Ни осень, ни зима не смыли, не вывели дождем и морозом веснушки с его лица. А ушанка еле держалась на высоких, жестких волосах, словно на проволочных витках.

Движением левого плеча он ловко сбросил шинель. Плечо как бы обрывалось пустым рукавом, заправленным за пояс гимнастерки.

«Повезло Олегу, — подумал я. — Отца его больше никуда не отправят...» Я сразу же устыдился этой мысли. Но она всё равно осталась со мной.

Будто прочитав ее, Кузьма Петрович сказал:

— Зачем демобилизовали? Правую руку вполне можно заставить и за левую потрудиться. Научить и заставить!

Он не гордился своим пустым рукавом, а поглядывал на него со смущением.

Правая рука, чувствуя ответственность и за левую, не знала покоя. Она то приглаживала волосы, которые пригладить было немислимо, то пробежала по клавишам машинки, точно по клавишам баяна или аккордеона, то перелистывала толстый блокнот.

— Стройматериал для завтрашнего номера! Время такое, что людям беседовать некогда. На лету ловлю факты, заказываю статьи и заметки. Привык уже!

— Организм приспосабливается, — в очередной раз произнес Олег.

— Мирное время в этом полностью убедить нас не может, — ответил Кузьма Петрович. — А война за шесть месяцев доказала, что человек может вынести всё. Только зачем ему в с ё выносить?

В раннем детстве Олег называл отца папой Кузей. Дома его и сейчас звали так.

— Радость может быть безграничной, — продолжал папа Кузя. — Я за это! Но беда... Чтобы ее можно было выдержать, перенести, возникает энергия родства. Какой еще не бывало... Между чужими людьми! Вы заметили? — Мы с Олегом кивнули. — Между прочим, — обратился ко мне папа Кузя, — Екатерина Андреевна твоя мать?

— Моя...

— Да что ты говоришь! Не представлял себе. Слышу: «Дима Тихомиров... Дима Тихомиров...», а спросить, как зовут маму, всё забывал. Стало быть, ты ее сын? Хорошо. Я за это!

— Вы ее знаете?

— Недавно о ней писал. Неужели не показала?

— Нет.

— Значит, не так написал.

— Что вы! Просто не любит она...

— Не любит? Но ты почитай. Я принесу этот номер.

Он говорил и двигался так стремительно, точно хотел доказать самому себе, что потеря левой руки на нем вовсе не отразилась.

— А о чем вы писали? — спросил я.

— Они с инженером Елизаровым...

— С Николаем Евдокимовичем?

— Именно с ним... Так вот, они вместе придумали, как подавать оборудование на рабочие места новым способом. Предложили передвижные деревянные краны, кое-где опоясанные металлом.

— Деревянные?! — воскликнул я, будто разбирался в передвижных кранах.

— Они уже соорудили один такой кран. Представляете: дерево вместо металла. Я за это! Решили проблему. И тихо, без шума.

— Не любят они...

— Не любят? Хорошо. Я за это! Но главное, за это Ивашов. Сам Ивашов!

Правая рука его, не найдя себе дела, дважды стукнула по столу. Пишущая машинка слегка подпрыгнула. Обе сестры проснулись, испугались и сразу заплакали.

10

Пора детства не отягощена опытом и потому в мыслях и действиях своих бывает до наивности непосредственна. Она уверена, что добро должно порождать только добро и причем сразу, незамедлительно.

Олег выстукал на машинке письмо, которое доказывало, что мой отец не погиб... «Вот сейчас покажу его маме, — думал я по дороге домой, — и она успокоится». Впопыхах я забыл, что письмо это могло стать желанной вестью и облегчением лишь по сравнению с истиной, о которой мама не знала. В те далекие одиннадцать лет я любил мысленно ставить других на свое место и легко предсказывать таким образом чужие поступки, не создавая, что на с в о е м месте могу быть только я сам. Я скрывал от мамы

извещение, пришедшее из Москвы, но свой предстоящий разговор строил так, будто она, как и я, обо всем уже знала.

«...Легко раненный попал к партизанам, в такие места, откуда писать невозможно», — напечатал Олег. Это было радостью на фоне слов «пропал без вести». Но ведь мама этих слов не читала.

Я завернул на почту. По-прежнему я заходил туда каждый день, и почти каждый день девушка с прозрачными пальцами говорила мне, что найдет другую работу. И еще повторяла: «Треугольные письма люблю, а конвертов... боюсь. Особенно если тонкие и со штампом. Почему именно я должна их вручать?»

— Война — время писем, — сказал однажды Подкидыш. — Она всех раскидала в стороны. И люди пишут друг другу, как никогда! Разлучает, объединяет... — медленно повторил он свою старую мысль про войну.

На почте никого не было: весь город в это время работал.

Увидев меня, девушка вскочила, и лицо ее исчезло из окошка, скрылось за непроницаемо-матовым стеклом. Но я заметил, что рука в окошке что-то схватила со стола. А потом девушка выбежала из-за перегородки прямо ко мне.

— Треугольное письмо! — возбужденно кричала она на ходу, желая, чтоб я поскорей об этом услышал. — Треугольное... Значит, от него самого!

Я выхватил бумажный треугольник из ее тонких ледяных пальцев. Торопливо развернул его... Щеки у девушки остались такими же бледными, но глаза, казалось, в то мгновение их освещали.

«Уважаемая Екатерина Андреевна, — прочитал я. — Пишет вам фронтовой друг вашего мужа Алексея Алексеевича Тихомирова. Он дал мне ваш адрес и просил, если что, сообщить. Вот я и выполняю... Муж ваш, Алексей Тихомиров, героически сражался с врагами и остался на поле боя...»

— Что с тобой? — услышал я голос девушки. — Что с тобой?!

Я вернулся к Олегу... Кузьмы Петровича уже не было. Сестры возились за дощатым забором, окружавшим тахту. Олег прочитал... Нос его сморщился, как от яркого света.

— Думай о матери, — сказал он. И больше не произнес ни слова.

Он хотел спрятать бумажный треугольник туда же, на дно ящика, под газеты. Но я возразил:

— Пусть будет со мной. Всегда... Если отпороть подкладку и зашить его прямо внутрь, в куртку, а? Я только в ней хожу... Даже сплю, когда в бараке не топят. Зашей... Ты умеешь.

Олег достал ножницы, нитки с иглой и молча, проворно выполнил мою просьбу.

Когда я стал натягивать шапку, он остановил меня.

— Матери всё равно покажи то письмо... которое мы напечатали. И держись! — Он всматривался в мое лицо своими огромными, забывшими про детство глазами. — Я пойду вместе с тобой.

— А они? — кивнул я на двух сестер.

— Позову соседку. Она остается с ними... иногда, в крайних случаях.

«Биология — женское дело», — то ли в шутку, то ли всерьез говорил мне отец. Поэтому «мужским началом» в нашей семье он считал маму. И вдруг ее сила исчезла. Тут же, на наших глазах. Она растерянно опустилась на

А. Лактеонов. Письмо с фронта

сундук, заменявший нам стол. И стала беспомощно оглядываться, как бы прося защиты.

— Ничего еще не... — попытался сказать Подкидыш. Но замолчал.

Мама не перечитывала, а долго, бесконечно, как мне казалось, смотрела на бумагу, которую мы сочинили с Олегом. Наконец она поднялась: взяла себя в руки.

— А где это письмо было целых полтора месяца? — спросила она.

— У меня, — ответил я.

— Мы вместе его получали, — заверил Олег.

Она изучила штемпель нашего города, перевернула конверт, чтобы найти штемпель отправителя. Он был московским.

— А почему же тут... — начала мама.

— Командир воинской части написал, наверно, в Москву, в Наркомат обороны, — засеменил я словами. — А оттуда переслали. Ты же сообщила наш адрес.

Она осторожно уложила бумагу обратно в конверт.

— Я боялся тебе показать.

У меня заныло в животе. Я скрючился. Бумажный треугольник, зашитый в куртку, издал хрустящий звук.

— Что-то мы сегодня в столовой съели, — объяснил всем Олег.

— Я ждала этого, — всё еще с трудом овладевая словами, сказала мама. — Пока мы тут живем припеваючи, он, раненный... не в больнице, не в госпитале, а где-то в лесу. — Она помолчала, набралась сил. — Раньше, когда он заболел простудой с температурой тридцать семь и три, я укладывала его в постель. И при этом непременно посмеивалась над его мнительностью. Сама же укладывала и сама же посмеивалась... Зачем? Если бы можно было перед ним извиниться!

— Всё вернется, — пообещал Николай Евдокимович.

— Легче восстановить завод, чем здоровье одного человека, — ответила мама. И обхватила руками голову: — В лесу... Без врачей, без лекарств...

— В партизанских отрядах есть врачи. Там делают операции, — напомнил Подкидыш.

— Иногда даже пилой или кухонным ножом. Я читала в газете... Когда это касается других, восхищаешься, а когда близких людей — ужасаешься и страдаешь.

— Но вы же не возражаете против того, что в партизанские отряды доставляют... — снова начал Подкидыш.

— Из этого отряда, как вы заметили, даже нельзя писать, — перебила она. — Мы тут неплохо устроились, и нам очень легко рассуждать.

Николаю Евдокимовичу, и правда, убеждать ее было легче, чем нам с Олегом: он не видел бумажного треугольника и не знал, не мог себе представить... что отца уже нет.

— Будем ждать. Что нам еще остается? — сказала мама. И, заметив на краю стола-сундука белую бутылку, спросила: — А почему ты утром не пил молоко?

— Сейчас выпью. Может быть, и ты...

— Я сыта.

— Не возражаете, если я принесу свое? — предложил Николай Евдокимович.

— Зачем? — удивилась мама. — В партизанский отряд я не смогу его переправить. Так что пейте: мужчинам нужно больше калорий.

Мама потеряла виски, села на топчан, заменявший постель. А уши закрыла руками. Она не плакала. Просто ей не хотелось никого видеть и слышать... Мы потихоньку вышли.

11

Правая рука папы Кузи бегала по клавишам машинки, не нажимая на них.

— Нервничает, а молчит, — пожаловался Олег. — Не пробьешься! Ну, чего он молчит? Надо разрядиться — и сразу бы полегчало. Ему и нам с сестрами.

— Они тоже чувствуют?

— Еще как! Даже маленькая реагирует очень нервно.

— Плачет?

— Гораздо хуже.

Я понял.

— Мама умеет его разряжать, — продолжал Олег. — Но у нее новая партия раненых: пятые сутки домой не приходит. Что у тебя случилось? — обратился он к папе Кузе.

Тот с удивлением взглянул на него. Но ответил:

— Рука у меня одна, а ног пока две. И всё же не успеваю... Столько разных объектов! Расстояния километровые... Мало заказать горящий материал — надо его и забрать. А где же нынче курьеры? Обращаться к Ивашову — мол, подбросьте курьера! — стыдно, не повернется язык. Хотя он бы подбросил. — Папа Кузя прогулялся пальцами по клавишам машинки. — Но кого же всё-таки гонять в мороз за статьями?

— Поручи своей машинистке.

— Да болеет она...

Папа Кузя заметался по комнате,

— А если мы будем тебе помогать? — так же деловито, как он пришивал пуговицы, поинтересовался Олег.

— Что-что? — Папа Кузя нажал на клавиши, по которым в тот миг гуляла его рука.

— Будем ходить по объектам, которые не засекречены. Что тут такого?

Кузьма Петрович, размышляя, еще немного пометался по комнате.

— Ну что же... Выхода нет...

— Договорились, — удовлетворенно сказал Олег.

— Что ты ликуешь? — набросился на него отец. — Вам нужно в парке культуры на каруселях кружиться А вы воюете, голодаете... Теперь вот будете ходить по морозу. Ты думаешь, я за это? Уродства военного времени!

Он сел за машинку, взял бланк с красным названием газеты вверх и выстукал удостоверение. В нем было написано, что нам с Олегом доверается исполнять обязанности курьеров.

После уроков мы с таинственными лицами, не позволяя себе улыбаться или шутить, шли на те объекты, которые не числились в «засекреченных».

Люди были так заняты и измучены, что у них не хватало сил удивляться. Увидев наше удостоверение, они спрашивали:

— Что нужно?

И, не отрываясь от чертежей или инструментов, говорили, к кому обратиться. Женщины устало сетовали, что мы в ботинках с галошами, а не в валенках. Валенки выдавали только тем, кто работал «на свежем воздухе».

Воздух не свежим, а таким плотно застывшим, что его трудно было вдыхать. На сером от золы снегу валялись замерзшие воробьи. Люди меж тем клали кирпич, врубались в стены отбойными молотками, что-то измеряли и даже записывали окаменевшими пальцами.

«Всё для фронта! Всё для победы!» — читали мы на выцветшей, будто простиранной снегом и стужей, материи или прямо на кирпичках. Но люди и так отдавали всё...

Вначале нам нравилось выполнять поручения папы Кузи. Но вскоре мы уже не делали таинственных лиц. От игры ничего не осталось. Мы еле дотаскивались до объектов. Заходили в конторы, чтобы попрыгать возле печурок. А потом без всякой гордости и воодушевления предъявляли свой мандат.

Однажды ветер был таким сильным, что навалился на нас как нечто живое, тяжелое. Олег прятал лицо в воротник. А мой воротник был узеньким, и спрятаться в него я не мог.

— Варежками закройся, — посоветовал мне Олег. Но я его не послушал.

— У тебя побелели щеки, — сказал он. — Надо потереть снегом.

Серая гарь скрипела и пачкала руки. Наконец я добрался до чистого снега. И испуганно, изо всех сил стал тереть щеки.

— Не надо так сильно, — сказал Олег.

Но уже было поздно. Из-под стертой кожи выступили коричневые пятна, кровоподтеки.

Таким мама увидела меня поздно вечером.

В прежние мирные времена она волновалась, если я задерживался во дворе или в кино. Или если приносил домой «неуд». Но когда случалось нечто серьезное, она сразу брала себя в руки. На сей раз она с подчеркнутым, напряженным спокойствием прищурилась, и я понял, что вид у меня ужасный.

— Как раз вчера мне случайно принесли немного жира со шкварками, — сказала мама. — Прораб с женой ездили в район и достали гуся. Для дочери. У нее сильное истощение... Ивашов дал им машину. Шкварки — для внутреннего употребления, а жиром я смажу тебе лицо.

В трудный момент у мамы почти всегда с л у ч а й н о обнаруживался спасательный круг. Покрыв мои щеки аппетитно пахнущим жиром, она сказала:

— Я захватила из Москвы отцовские целебные травы. Два или три пакета... Буду заваривать, чтобы ты понемножку пил. Это защищает от дистрофии.

— Но я ведь и так... съедаю всё, что тебе дают на работе за «вредность».

— Ты растешь, — категорически заявила мама. — Закладывается фундамент здоровья. А мой фундамент был заложен в мирное время.

— Давай пить настой вместе, — предложил я.

— Травы мне противопоказаны. Ты разве не знаешь?

Ей всегда было противопоказано то, чего в доме у нас не хватало.

К нам зашел Николай Евдокимович...

Он не умел брать себя в руки и с порога воскликнул:

— Кто тебя так?!

— Мороз, — ответил я.

— Не возражаете, если я принесу вазелин? У меня есть две баночки.

— Я лечу его более дефицитным средством, — ответила мама. — Гусиный жир! А вазелин подарите мне: все же косметика...

Шкварки она разделила поровну, на две части и положила на хлеб.

— Я абсолютно... — начал Подкидыш.

— Только не делайте вид, что это постоянное меню военного времени!

— А вы сами?

— Мне жирное противопоказано с детства, — ответила мама.

Смущенно покончив со шкварками, Подкидыш сказал мне:

— Тебе сейчас нельзя выходить на улицу. — Он с испугом разглядывал мои щеки. — Или надо закутываться. Если не возражаете, я принесу шерстяной шарф, который мне много лет назад... связала мама. В день бомбежки он чудом оказался на мне. Раз такое несчастье...

— Какое несчастье? — подбадривая меня, удивилась мама. — А шарф принесите... На всякий случай. Впрочем, а как же вы сами?

— У меня есть еще один. Спасибо, Катюша. Я буду рад этой возможности...

— Кстати, — сказала мама и погрузила руки в пакет, где хранились отцовские травы, — здесь, на дне, я обнаружила немного грецких орехов. Когда-то люди ели орехи! Невозможно поверить.

Я достал молоток... Мы с Подкидышем кололи орехи, ядра которых напоминали маленькие полушария головного мозга с лабиринтами замысловатых извилин. Так по крайней мере их изображали в учебниках. Я протянул первое ядро маме.

— Разве ты не знаешь, что орехи я никогда не ем? — категорично, тоном начальника стройконторы сказала она.

Потом Подкидыш и мама стали обсуждать то, что они называли «забавным вариантом».

Мама боялась высоких слов, и, если речь шла о чем-нибудь необычном и важном, она говорила: «Это забавно!»

Забавность в данном случае состояла в том, что они придумали, как сгружать тяжелое оборудование «более легким способом»: с помощью тросов, лебедок, блоков и «других такелажных средств». Слушая их, я всё торопливо и подробно записывал.

— Тише, Дима делает уроки, — предупредила Подкидыша мама. Я не стал возражать. А после спросил:

— Можно об этом написать? В газете... Получится обмен опытом!

— Поднабрался ты всяких слов в журналистском семействе, — ответила мама.

— Если не возражаешь... прежде чем писать, надо проверить, — сказал Николай Евдокимович. — Нам и Ивашов посоветовал.

Подкидыш тоже назвал фамилию, без которой ни один важный разговор на стройке не обходился.

Папа Кузя был того же мнения, что и Подкидыш:

— Надо проверить! А вообще, перспективно... Сгружать с платформ многотонные грузы — сплошное мучение. Если они облегчат, я за это! Но надо испытать, убедиться на практике.

— А та газета... с первой заметкой про маму и Николая Евдокимовича? — спросил я.

Он «развел» одну свою руку в сторону:

— Не нашел. Даже из подшивки выдрали. На курево, надо полагать. Трудно с бумагой.

— А с чем легко? — задумчиво произнес Олег.

12

В тот день прибыли платформы с «вращающимися печами».

— Как раз вовремя подоспели, — утром сказала мама. — Новый цех подвели под крышу. Так что квартира готова!

Она смазала мне лицо вазелином: гусиный жир кончился. Проследила, чтобы я съел котлету, которая только по старой привычке называлась мясной, и запил ее настоем из отцовских целебных трав.

— Тебе нельзя заболеть дистрофией, — настойчиво повторила она. — Пойми: закладывается фундамент!

Потом она закутала меня в шарф, который когда-то связала для своего сына мать Николая Евдокимовича. Мама по-прежнему старалась, чтобы я не испытывал бед военного времени. Или испытывал их поменьше... Она и валенки мне раздобыла, которые я должен был натягивать рано утром, пока она не ушла на работу.

— Хочу убедиться... Не хватает еще обморозить и ноги! — сказала она в тот день.

Мама внимательно оглядела меня напоследок, словно объект, подготовленный к сдаче. И побежала готовиться к встрече платформ с печами.

А я через полчаса отправился в школу.

Накануне где-то прорвало трубы, и мы занимались в шапках, в пальто. А я еще и в огромном шарфе, оставлявшем на виду только нос и глаза. Конечно, в классе я мог бы и снять этот шарф, но тогда бы меня наверняка вызвали отвечать. Учителя уже давно меня не тревожили: я находился как бы на излечении.

С последних уроков нас сняли и послали на расчистку подъездных путей. Для платформ с теми самыми печами, которые умели «вращаться».

Нас часто посылали на такие работы. И хотя орудовать на морозе лопатами и скребками было нелегко, мы радовались: во-первых, приобщались к важному делу, а во-вторых, срывались уроки. Мы одержимо стремились к взрослости, но оставались детьми.

Чтобы получить от Кузьмы Петровича очередное задание, мы пошли потом к Олегу домой... Его мама только что проснулась после многосуточного дежурства.

Она была очень полной. «Последствия родов...» — объяснил мне Олег. Но делала всё четко, без лишнего движений, будто подавала инструменты хирургу во время операции.

Комната была завешана детскими рубашонками и трусиками. Пахло стиркой и чистотой.

Вера Дмитриевна встала, подсыпала в утюг горячих углей, деловито ощупала белье, сняла его с веревок. Затем дотронулась мокрым пальцем до металлического утюга, напоминавшего переднюю часть игрушечного корабля. Утюг зашипел, и она принялась гладить.

— Ты отдохнула? — спросил Олег.

— Чуть-чуть вздремнула. И хватит! — Она обратилась ко мне: — Чем сильнее устаю, тем больше полнею. Главврач говорит: нарушен обмен. А что сейчас не нарушено?

Она говорила об этом бойко и весело. Должно быть, столько видела каждый день страданий, что ее личный обмен веществ и все домашние дела не казались столь уж серьезными.

— Я бы сам погладил, — сказал Олег.

— А мне что прикажешь, сидеть без дела? — Она взглянула на часы. — До дежурства еще есть время. Отец вот запаздывает...

Выгладив всё с фантастической быстротой, она отправилась за дощатый забор, то есть к своим дочерям.

— Отвыкли, — сказала Вера Дмитриевна. — Дети любят тех, кто с ними возится. Скорей бы кончалась война!

Она не заигрывала с ними, а по-деловому проверяла, всё ли в порядке. Сестры молча терпели, точно являлась ответственная комиссия... Дверь распахнулась, и вошел папа Кузя.

Он не поздоровался ни с женой, ни с нами. Стянул ушанку с высоких и жестких волос.

— Как раз сегодня мама и Николай Евдокимович испытывают новое приспособление. Очень забавное... — поспешил сообщить я. Потому что он просил меня вовремя об этом сказать.

— Знаю, — ответил папа Кузя. И резким движением левого плеча сбросил шинель. — Платформы пришли.

— Мы пути расчищали, — сказал Олег.

— Молодцы, — машинально похвалил он.

— А что случилось? — спросила Вера Дмитриевна.

— Что случилось?!

Он стукнул правой рукой по столу. Все притихли. И даже сестры не посмели заплакать.

— Что, Кузьма? — повторила она.

— Трос не выдержал. Лопнул... И там, на платформе, инженера Елиза-рова...

— Ударило? — шепотом спросил я.

— Но со страшной силой. Со страшной!

— А что с ним сейчас? С Николаем Евдокимовичем?..

— Был жив.

— А... мама?

— Она стояла внизу.

Кузьма Петрович подошел и положил свою руку на мою.

— Стояла внизу. Ты веришь мне?

— Да.

— А с Елизаровым плохо...

Он отошел.

— И куда же его отправили? — четко произнося слова, спросила Вера Дмитриевна.

— Советовались... Решили к вам в госпиталь. Поскольку недалеко... Я был за это.

— Ну, я пойду, — сказала Вера Дмитриевна.

И ужас, перехвативший горло, немного отпустил меня.

— Мне пора, — сказала она.

13

После операции Николая Евдокимовича положили не в общую палату, а в комнату старшей медсестры. Так устроила Вера Дмитриевна.

— Он смертельно ранен, — сказала она. — Но и смертельно раненные иногда выживают. Случаются чудеса.

Нас с мамой пустили к нему.

Запах госпиталя проникал и туда: запах крови, открытых ран, гноя, лекарств.

Вера Дмитриевна забегала каждые пятнадцать минут. В белом халате мать Олега казалась еще более полной, но передвигалась бесшумно. Она действовала: проверяла пульс, поправляла подушку, делала уколы. И появлялась надежда...

Хотя говорила она только правду. Говорила так тихо, что даже стены не слышали.

— Всё отбито внутри... Всё отбито, — одними губами сообщила она.

— Может быть, позвоним Ивашову? — спросила мама.

— Здесь и он ничего не сможет... Даже он.

Очнувшись, Подкидыш попросил, чтоб ему вернули очки. Наверно, думал, что сквозь толстые стекла не будет видно, как он страдает.

— Боль должна быть невыносимая, — опять одними губами проговорила Вера Дмитриевна. И сделала Николаю Евдокимовичу еще какой-то укол.

— Теперь станет легче.

Он заснул. Внутри у него что-то скрежетало, переворачивалось. Странно... но это нас успокаивало: мы вроде бы с ним общались. Двигаться по комнате мы не имели права. Я сидел на белой табуретке, а мама стояла. Один раз Николай Евдокимович, вновь очнувшись, подозвал нас. И прошептал:

— Мне очень... вас жалко...

— Ты... наш дорогой! — ответила мама.

Никогда прежде она не называла его на «ты». Услышав в этом отчаяние, Подкидыш захотел улыбнуться.

— «Учитесь... властвовать собой», — тихо посоветовал он.

Или, верней сказать, попросил.

К вечеру в палату вошел милиционер в накинутах на форму халате. Я не мог определить его чина.

Он подсел к постели, раскрыл тетрадку и сказал:

— Мне разрешили... на пять минут. Дело требует! — Это напоминало сцену из кинофильма. — Так что несколько слов...

Николай Евдокимович весь как-то напрягся.

— Запишите, — с твердостью, которой трудно было ожидать, сказал он. — Тросы проверял я. Лично я...

— Но ведь руководительница работ... — осторожно вставил милиционер.

— Нет, — перебил Николай Евдокимович. — За это отвечал я. И доложил ей, что все в полном порядке.

Последние слова он прошептал торопливо, боясь не успеть. Он израсходовал все свои силы. Но потом снова напрягся:

— Если не возражаете... Я хочу подписать.

— Это еще не всё, — с грубоватой неумелостью поправляя подушку, сказал следователь.

— Это всё. Вы запишите, пожалуйста... Побystрее. — Следователь поспешно задвигал чернильным карандашом, кончик которого то и дело неловко совал в рот.

— Я подпишу это место, — настойчиво попросил Подкидыш.

— Когда мы кончим весь протокол...

— Нет, дайте сейчас. Это место... Помогите, пожалуйста.

Следователь послюнил карандаш, наклонился к Подкидышу. И тот подпisał.

Мне показалось, что ему полегчало.

Вера Дмитриевна вошла, опытным взглядом оценила обстановку и потребовала, чтобы милиционер вышел.

Лицо Подкидыша в роговых очках затерялось на подушке.

— Устал, — сказала мама Олега. — Вы всё выяснили?

— Надо бы...

— Да нельзя! — перебила она милиционера. И проверила у Подкидыша пульс.

Следователь махнул рукой и вышел в коридор. Мы с мамой, хоть он и не звал, тоже вышли.

— Я вам нужна? — спросила мама.

— Да чего тут!..

— Надо было перестраховаться, — сказала она. — Перепроверить!

— Он же докладывал вам, что всё в порядке.

— Не помню... По-моему, не докладывал.

— Показания подписаны собственноручно. Так что... такое дело.

— Это я... его...

— Это война, — сказал милиционер. И захромал прочь от нас вдоль коридора: тоже, наверно, был ранен.

— Зачем ты так говоришь?! — набросился я на маму.

— Прости, — сказала она. — Я не должна была... ради тебя. А вообще, следовало... перепроверить. Техника безопасности! Сколько раз Ивашов предупреждал: техника безопасности! Но и ему отвечали: война. Тросы с ней не считаются.

Пока мы были в коридоре, Николай Евдокимович умер.

Его старики были в Москве, на Ваганьковском кладбище. Он мечтал лежать рядом с ними.

Как-то однажды он рассказал мне, что и Есенин лежит там же, неподалеку.

— Это был великий философ! — утверждал Николай Евдокимович. — «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье...» Если взять одни только эти строки! Или... «Ведь каждый в мире странник — пройдет, зайдет и вновь оставит дом...»

Подкидыш оставил наш дом навсегда.

«На Ваганьковском кладбище... Других пунктов в моем завещании не будет», — говорил он.

Кто в мире мог выполнить его просьбу?

— Солдат хоронят там, где они погибают, — сказал на следующий день Кузьма Петрович. — Он ведь и умер в госпитале... Среди солдат.

А старики ждали его на Ваганьковском кладбище.

* * *

Я приближался к маме... И тем более перед встречей с ней мне захотелось взглянуть на госпиталь, где умер Подкидыш.

Я вспомнил, что там, в комнате старшей медсестры, он раз или два с невероятным напряжением приподнимался на локтях. Вероятно, хотел сказать что-то маме. Но я не догадался выйти из комнаты. К тому же Вера Дмитриевна то и дело пыталась его спасти. А позже приковывал следователь...

Я попросил таксиста завернуть к бывшему военному госпиталю. Он первый раз обернулся и взглянул на меня с интересом и даже сочувствием.

— Вы в госпитале лежали?

— Да нет... Я был тогда еще школьником.

— А-а, — разочарованно протянул он и повернулся спиной.

«Этот парень, должно быть, еще не родился в ту пору, когда сюда привозили раненых», — подумал я.

Прежде госпиталь был в трех километрах от города. А теперь это здание наверняка находилось где-нибудь в центре. Да и что в нем сейчас? Школа, больница?.. Или какое-нибудь учреждение?

«Вряд ли найдем», — подумал я. И изменил маршрут.

14

После смерти Подкидыша мама без конца перечитывала письмо «командира воинской части», которое выстукал на машинке Олег. Боялась новой потери, не зная, что она к нам... уже пришла. А в гибели Николая Евдокимовича продолжала винить себя:

— Что мне стоило перепроверить? Что стоило?

Иногда она кончала словами, которых никто от нее раньше не слышал: «Я устала. Очень устала».

Мне казалось, что устала она прежде всего от мыслей: об отце, о Подкидыше. А стремясь избавиться от усталости, нагружала на себя всё больше и больше дел.

Наш барак к тому времени окружили красные коробки будущих цехов. На стройке одного из них мама пропадала с рассвета и до ночи. Ей уже не приходилось встречать эшелоны, сгружать оборудование, рассортировывать... Но забот прибавлялось. Домой она приходила часов на шесть. Укладывалась, когда радио кончало свои передачи, а вставала, как только черный круг на стене оживал. Так было изо дня в день, изо дня в день...

— Твоя мама уехала? — спросил меня как-то Олег. Он никогда не заставлял ее дома.

— Она на стройке.

— И отец там. Но не всегда же...

— А мама всегда.

Город заполнялся похожими, как двойники, корпусами, перебрался через реку, занял позиции на том берегу. Нам с мамой дали восьмиметровую комнату в настоящем кирпичном доме.

— Ивашов приказал, — сообщила мне мама. — Проходит как-то и мимоходом спрашивает: «Вы с сыном всё еще в бараке живете? Засиделись!»

— Он и обо мне знает?

— Кажется, он знает на стройке всех... не только по именам, но и по судьбам.

— Всех?!

— Так мне кажется.

— Он красивый? — осторожно поинтересовался я.

— На это я не обратила внимания.

И я поверил, что она действительно не обратила...

Мы собрали все свои вещи, сложили их в бездонный сундук, обвитый железными лентами.

— Как я могла заставить Подкидыша тащить его? — продолжала терзать себя мама. — У него было столько болезней!

— Ты знала о них?

— Конечно... Ценим, когда теряем. И жалеем, когда теряем. Говорят, лучше поздно, чем никогда. Порой эта поговорка звучит бессмысленно. Поздно — значит, всё... Поезд ушел. И всегда-то мы наваливаемся на безотказность человеческую, на деликатность. Эксплуатируем их беспощадно...

— Ты о чем?

— Всё о том же.

Я никогда до той поры не догадывался, что душевные перегрузки подтачивают здоровье гораздо сильнее, чем физические. В физических мама искала спасение. И нагружала себя и нагружала... Я редко встречался с нашими соседями по бараку: они затемно уходили и возвращались во тьме. Но когда мы стали прощаться, вдруг выяснилось, что я знал не только их надвинутые на глаза мохнатые шапки, не только их валенки и полшубки, — я угадывал, сам того не подозревая, их лица. И помнил глаза... Оказалось, что мы с ними в этом бараке сроднились.

Позже я понял: война не давала людям возможности и просто-напросто времени для проявления всех своих «разнокалиберных» качеств. На передовую позицию жизни выкатывались орудия главного калибра. Ими были каждодневная, будничная отвага и готовность жертвовать и терпеть. Люди становились чем-то похожи друг на друга. Но это не было однообразием и безликостью, а было величием... Так думал и говорил я гораздо позже, когда война уже кончилась: «Большое видится на расстоянии». Быть может, сравнения мои звучали высокопарно. Но ведь и героизм людей, живших с нами рядом, в бараке, тоже было высоким.

Тот сосед, что жил за «озером с лебедями» и угрюмо обещал маме каторжную работу, оказался водителем пятитонки. Он приехал на ней, погрузил сундук и отвез его в наши восьмиметровые хоромы, казавшиеся мне необъятными.

Прощаясь, все просили «не забывать». И мы обещали. Хотя тогда я не представлял себе, что этот барак, похожий на деревянный туннель, останется в моей памяти навсегда.

Заходить в гости никто не приглашал, потому что ни у кого не было времени принимать и наведываться.

Весна, лето, осень шли, как и положено, друг за другом.

— А что теперь не нарушено? — спросила как-то, переходя от своего обмена веществ к общим проблемам, Вера Дмитриевна.

В природе порядок не нарушался. Но отношение к временам года стало иным. Я всегда обожал зиму с коньками и лыжами на Гоголевском бульваре. Теперь же я боялся мороза, как беспощадного недруга. Но ничего в природе изменить было нельзя — и холода опять наступили.

Каждый день начинался со сводки Информбюро. Если сводка была плохой, все знали, что надо утроить усилия. А если хорошей, то тем более надо утроить...

Мама утраивала свои усилия бесконечно. К тому же она не расставалась с письмом «командира воинской части» и не могла забыть металлический трос, который бы не убил Подкидыша, если бы всё вовремя «перепроверили». В конце концов она заболела... Простудилась, потому что очередной цех начали возводить в январе сорок третьего, на морозе.

Я сразу ощутил, что наша восьмиметровая комната уж не так велика. В ней поселилось третье существо — болезнь с кашлем, лекарствами. Стало тесно... И очень страшно. Я вглядывался в мамино лицо, а она улыбалась. Улыбка у нее была по-прежнему, «как у Любви Орловой».

— Обыкновенной простуды испугался? Чудак! — говорила она.

Я попросил зайти к нам Веру Дмитриевну, поскольку Олег объяснил мне, что старшая сестра госпиталя опытнее любого профессора: практика очень большая. Она заполнила нашу комнату собой... и уверенностью, успокоением.

— Воспаление легких. Организм истощен, конечно... Слабо сопротивляется. Но это не смертельное ранение. И даже не тяжелое. Уж поверь мне! Мы, женщины, очень живучи. Поставим банки, горчичники — и всё как рукой снимет. Не сомневайся!

* * *

Таксист мрачно, уже выходя из терпения, притормозил возле нашего трехэтажного дома.

Дом казался мне раньше высоким, как и «горы» на Гоголевском бульваре. «Да, представления о масштабах с годами меняются», — вновь согласился я с Николаем Евдокимовичем. Мамин адрес тоже давно изменился...

— Сколько мы еще будем останавливаться? — наконец выразил вслух свое недовольство таксист. — У меня план!

— Почти приехали. Это последняя остановка, — ответил я.

До мамы оставалось всего два квартала.
Я сказал, куда надо ехать.

15

А в самом начале сорок четвертого года у Олега в доме появилась вдруг девушка с почты. Она жила, оказывается, в соседнем подъезде и разыскала меня.

— Ты уже давно не приходишь. А вам вот... письмо.

Она протянула треугольник без марки. Пальцы ее стали совсем прозрачными и еще больше распухли на сгибах.

Я взял треугольник в руки. Уронил его... Поднял. Опустился на стул.

— Что с тобой? — как тогда, около двух лет назад, услышал я голос девушки.

Это было письмо от отца.

Рядом стояла пишущая машинка, на которой Олег выстукал сообщение «командира воинской части». И вот теперь... Это было невероятно.

Дорогая Катенька! Дорогой Дима! — писал отец. — Родные мои, бесконечно любимые люди! Представляю, что вы из-за меня пережили, что передумали за эти два с лишним года.

Расскажу сейчас только о главном. Тороплюсь, чтобы письмо ушло с первым же самолетом: к годам вашего ожидания не могу добавить ни одной лишней минуты!

В октябре сорок первого меня ранило. Двигаться я не мог и попал в плен. Про лагерь писать не буду. Это страшно, но уже позади! Мне с двумя солдатами удалось наконец бежать. Добрались до партизан... А вчера (только вчера!) воссоединились с нашей армией.

Я еще немного хромаю — и меня определили пока на службу в прифронтовой госпиталь.

Дорогие, я чувствую, что победа близка. А это значит, что мы соберемся, как раньше, у нас, в Гагаринском переулке. И расскажем друг другу обо всём, что нам пришлось вынести. Это будет уже сброшенная с плеч ноша — и поэтому она не покажется нам непосильной. О подробностях в следующем письме. Тороплюсь... Но всё же скажу еще вот что. Какие бы я ни испытывал муки, всегда было у меня утешение: вы в безопасности, за вас я могу быть спокоен! Хочу узнать о каждом прожитом вами дне...

Передайте привет Николаю Евдокимовичу. Как он живет и работает? Оберегает ли вас? Если оберегает, я буду благодарен ему до конца своих дней.

Как замечательно, что вы, Катенька, там, в глубоком тылу.

Дорогая моя, скоро мы победим, чтобы никогда больше не расставаться...

* * *

«Екатерина Андреевна Тихомирова, — прочитал я на гранитной плите, — 1904—1943».

Я приехал к маме, у которой не был около десяти лет. Так уж случилось. Сперва приезжал часто, а потом... всё дела, всё дела.

«Организм истощен. Слабо сопротивляется...»

Прости меня, мама.

1. Какие нравственные вопросы поднимает писатель в повести «В тылу как в тылу»?
 2. Какие отношения царили в семье Тихомировых в довоенное время? Были ли у отца основания для ревности? Как вы думаете, почему мать возражала против попыток мужа оградить ее от внимания Николая Евдокимовича? А почему, уходя на фронт, отец изменил свое мнение на этот счет?
 3. Как устроился быт Тихомировых в эвакуации? С какими трудностями они столкнулись? Что было самым тяжелым для матери? Какие ее душевные качества проявились в этот период?
 4. Почему, несмотря на благоприятный прогноз медсестры, мать рассказчика не смогла справиться с болезнью?
 5. Какое впечатление произвел на вас Николай Евдокимович в начале повествования? Что изменилось в вашем представлении об этом герое к концу повести? Было ли справедливым прилепившееся к нему прозвище Подкидыш? Каким человеком он был в действительности?
 6. Раскройте смысл названия повести.
 7. Каждая из повестей трилогии «В тылу как в тылу» содержит в подзаголовке ссылку на воспоминания конкретных людей (в одноименной повести — это воспоминания Дмитрия Тихомирова). Как вы думаете, почему автор прибегает к такому приему?
 8. Очевидно вам, как и многим читателям, поначалу казалось, будто рассказчик после 10-летней разлуки приехал навестить живую мать. Попробуйте объяснить, как автор достигает такого впечатления и с какой целью он это делает.
- Можно поспорить!** За что, по вашему мнению, рассказчик просит прощения у матери в конце повести?
- Работа в парах.** Обсудите следующие высказывания матери героя:
- «Я всегда знала, что перенести самую тяжкую болезнь легче, чем пережить болезнь близкого».*
- «Ценим, когда теряем».*
- «С добром надо спешить, а то оно может остаться без адресата».*

Глава 2

ПОЭЗИЯ, РОЖДЕННАЯ ВОЙНОЙ: ПО СТРАНИЦАМ РУССКОЙ ЛИРИКИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Какие стихи и песни о Великой Отечественной войне вы знаете?

1 Вторая мировая война стала самой страшной в истории человечества. По площади боевых действий, количеству жертв и жестокости она превзошла все предыдущие войны. Миллионы уничтоженных и искалеченных людей, тысячи разрушенных городов и сожженных сел, сотни разоренных музеев, оскверненных церквей и памятников — такими были итоги этой войны.

Против гитлеровского нашествия поднялись бойцы из разных стран. Однако честь победителя принадлежит Союзу Советских Социалистических Республик. С первых дней на защиту страны встали все населявшие ее народы. В истории СССР этот период получил название Великая Отечественная война.

Дорогой ценой досталась победа советской армии. Многие воины погибли, не дожив до Дня Победы. Но их сердца по-прежнему бьются в стихах, рожденных Великой Отечественной войной...

2 Сразу после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз сотрудники редакции издания «Красная Звезда», готовя специальный выпуск газеты, обратились к ряду известных поэтов с просьбой написать стихи, которые поднимали бы воинский дух солдат. Одним из первых откликнулся *В.И. Лебедев-Кумач* — на следующее утро после разговора с журналистами он принес в редакцию стихотворение, начинавшееся словами:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Эти строки вдохновили руководителя ансамбля песни и пляски Красной армии *А.В. Александрова* на создание песни «Священная война». Впервые она была исполнена уже на пятый день войны. В дальнейшем, в течение всего военного времени, эта песня звучала по радио каждое утро после боя курантов. Она стала своеобразным гимном страны, борющейся с захватчиками.

3 Стихи, придававшие моральную силу и утверждавшие волю к победе, огромную роль играли в самые трудные военные годы, когда советские войска отступали в глубь страны. В то время, когда почти всё пространство Украины было захвачено гитлеровскими оккупантами, поэт *Л.С. Первوماйский* провозглашал:

Настанет день, и я верну тебе
Комок земли нетленной, Украина!

Такие строки поддерживали и тех, кто с оружием в руках сражался на фронте, и тех, кто работал на победу в тылу. Однако существовала и другая, задумчиво-лирическая военная поэзия. Людям, ожесточенным ненавистью к врагу и жадой возмездия, такие стихи напоминали о тепле домашнего очага, заботливых руках матери, нежности любящего сердца, милосердия, одним словом, — о человечности, во имя которой, в конечном счете, и совершались ежедневные воинские подвиги на фронте и трудовые подвиги в тылу.

Ниже вашему вниманию предлагается подборка наиболее известных стихотворений о Великой Отечественной войне. В нее вошли произведения, написанные участниками боевых действий и людьми, переживавшими военное лихолетье в тылу, — мужчинами, выполнявшими долг защитника отечества, и женщинами, проявившими удивительное мужество перед лицом военных испытаний.

**Константин Михайлович Симонов
(1915–1979)**

Константин (настоящее имя — Кирилл) Михайлович Симонов — русский поэт, прозаик, автор пьес и сценариев фильмов. Родился в Санкт-Петербурге в семье военного. Вскоре после его рождения отец погиб на фронте. Мать, происходившая из старинного дворянского рода Оболенских, вышла замуж за офицера, который после революции вступил в Красную армию и стал преподавателем военного училища.

Отчим привил будущему поэту вкус к романтике армейской службы и строгой дисциплины, мать — любовь к литературе. Окончив школу, Константин выучился на токаря и поступил работать на завод. После публикации первых стихов (1936) он по совету издателя поступил в Литературный институт им. Макейима Горького (Москва). С началом Великой Отечественной войны Симонов был призван в армию. В качестве военного корреспондента он побывал на многих фронтах, прошел всю войну и закончил ее в Берлине, где присутствовал при подписании акта капитуляции гитлеровской Германии. Война стала главной темой его творчества.

* * *

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За всё, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. Какие чувства вызвал у лирического героя спящий мальчик? Что его поразило в облике ребенка?
2. Объясните смысл следующих строк стихотворения: «Кто раз увидел этого мальчишку, Домой прийти не сможет до конца».
3. Почему лирический герой связывает свой воинский долг с образом «седого мальчишки»?

Сергей Сергеевич Орлов
(1921–1977)

Сергей Сергеевич Орлов — русский поэт. Родился в селе Мегра Вологодской области в семье учителей. Стихи начал писать рано и еще в школьном возрасте получил за них премию на Всесоюзном конкурсе поэзии. В 1940 г. поступил на исторический факультет Петрозаводского университета. В первые дни Великой Отечественной войны С.С. Орлов был зачислен в истребительный батальон народного ополчения Белозерска, а через 2 месяца стал танкистом. В 1944 г. во время боя поэт едва не сгорел заживо в танке; следы полученных тогда ожогов не исчезли с его лица до конца жизни. На фронте продолжал писать стихотворения. Одно из них, начинающееся пронзительной строкой «Его зарыли в шар земной», стало своеобразным поэтическим памятником всем погибшим солдатам Великой Отечественной войны.

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолее земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые громят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. Какая картина предстала в вашем воображении при чтении этого стихотворения? Каким настроением она проникнута?
2. Что подчеркивает автор уточнением: «Всего, друзья, солдат простой, Без званий и наград»?
3. Раскройте смысл сравнения земного шара с мавзолеем.

**Евгений Михайлович Винокуров
(1925–1993)**

Евгений Михайлович Винокуров — русский поэт. Родился в Брянске в семье военнослужащего. Прямо со школьной скамьи был призван в армию. Пройдя сокращенный курс обучения в артиллерийском училище, отправился на фронт. В неполные 18 лет принял командование артиллерийским взводом. По окончании войны учился в Литературном институте им. Максима Горького (Москва). Опыт военных лет определил содержание многих стихотворений

Е.М. Винокурова. Отразились в них и общие отличительные черты лирики этого поэта: интерес к точной бытовой детали, стремление постичь скрытую сущность будничных явлений, задушевный эмоциональный тон, музыкальная ритмичность. Одно из самых популярных стихотворений Е.М. Винокурова на военную тему — «В полях за Вислой сонной...» — в 1958 г. было положено на музыку А.Я. Эшпаем.

* * *

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино,
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный.
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Выразительно прочтите вслух стихотворение «В полях за Вислой сонной...». Какими чувствами оно проникнуто?
2. Как в этом произведении раскрывается тема памяти о войне?
3. Какую бытовую деталь использует поэт для того, чтобы выразить скорбь матерей, потерявших своих сыновей на войне? Найдите эпитет, придающий этой детали дополнительную художественную выразительность.

Буллат Шалвович Окуджав
(1924–1996)

Буллат Шалвович Окуджав — талантливый поэт и прозаик, один из самых авторитетных представителей так называемой авторской песни, завоевавшей огромную популярность в СССР на рубеже 1950–1960-х годов. Юность Б.Ш. Окуджавы прошла под знаком тяжелых испытаний. Поэту было 14 лет, когда его семью захлестнула волна сталинских репрессий: отец был расстрелян, а мать — приговорена к длительному заключению. В 18-летнем возрасте, прямо со школьной скамьи, Окуджав добровольцем пошел на фронт. Служил в артиллерийских войсках. Ранение и последовавшее за ним лечение, возможно, сохранили поэту жизнь, но оставили в нем чувство вины перед товарищами, погибавшими на фронте в то время, когда он находился в госпитале. Это чувство многое определило в дальнейшем мировосприятии Окуджавы. По окончании войны он учился в Тбилисском университете, затем работал учителем в Калуге, где и опубликовал первый сборник своих стихов. А вскоре по всей стране распространились магнитофонные записи песен поэта в авторском исполнении. Так к нему пришла широкая известность. Всё, о чем писал, говорил и пел Окуджав на протяжении 40-летнего творческого пути, было пронизано идеей любви к человеку и чувством тревоги за его жизнь — непрочную, хрупкую, беззащитную перед лицом всевозможных угроз мира.

До свидания, мальчики

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли —
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!

Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не шадите,

и всё-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб — разлуки и дым,
наши девочки платица белые
раздали сестренкам своим.
Сапоги — ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки.
Мы сведем с ними счеты потом.

Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной наугад...
До свидания, девочки!

Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. Как и многие другие свои произведения, Б.Ш. Окуджава положил стихотворение «До свидания, мальчики» на музыку. Эту песню он создал в 1958 г., когда обращение к уходившим на фронт с просьбой вернуться назад уже не имело смысла. Как вы думаете, почему, несмотря на это, автор построил стихотворение на таком обращении?
2. Как в этом произведении изображается разрушительная сила войны? А как в нем проявляется человечность поэта?
3. Что придает стихотворению интонации доверительного «домашнего» разговора?
4. Прослушайте фонограмму песни «До свидания, мальчики» в исполнении автора. Соответствует ли, по вашему мнению, музыка и манера исполнения песни ее тексту?

**Юлия Владимировна Друнина
(1925–1991)**

Юлия Владимировна Друнина — русская поэтесса-фронтовичка, оставившая заметный след в поэтической культуре России XX в. Родилась в Москве в семье учителя-физика. С детства мечтала связать свою жизнь с литературным творчеством. В 11 лет написала первые стихи. Когда началась Великая Отечественная война, 16-летняя поэтесса записалась в добровольную санитарную дружину. Участвовала в строительстве оборонительных сооружений под Можайском, служила санитаркой пехотного полка. После ранения обучалась в Школе младших авиаспециалистов, по окончании которой отбыла на фронт. Снова была ранена и снова вернулась в строй — в звании старшины медицинской службы. В 1944 г. вследствие контузии Ю.В. Друнину признали негодной к несению воинской службы и уволили из действующей армии. В следующем году в печати впервые появилась подборка ее стихотворений.

Пройдя на войне через неженские испытания, Друнина сохранила женский взгляд на военную реальность. Этот взгляд отразился и в ее стихах о войне.

* * *

Я столько раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Зинка

1

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.

Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступать вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы, —
Мы хотели со славой жить.
Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав.
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3

Знаешь, Зинка, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

1. Чем стихотворения Ю.В. Друниной отличаются от прочитанных вами стихотворений К.М. Симонова, С.С. Орлова и Е.М. Винокурова?
2. Какой предстаёт война в четверостишии «Я столько раз видала рукопашный...»?
3. Какова главная тема стихотворения «Зинка»? Как в нём раскрывается трагедия гибели девушки?
4. Опираясь на прочитанные стихотворения Ю.В. Друниной, расскажите о том, какой вам представляется судьба женщин-фронтовиков.

Анна Андреевна Ахматова
(1889–1966)

Анна Андреевна Ахматова (настоящая фамилия — Горенко) — великая русская поэтесса, творчество которой ознаменовало собой целую эпоху в истории русской культуры XX в. Родилась под Одессой в семье отставного инженера-механика флота. Годы ее взросления прошли в Царском Селе. После развода родителей Анна вместе с матерью переехала в Евпаторию, затем — в Киев, где окончила Фундуклеевскую гимназию и поступила на юридический факультет Высших женских курсов. Через несколько лет продолжила образование на Высших историко-литературных курсах в Петербурге. В 1910 г. стала женой талантливого поэта Н.С. Гумилева. Начиная с 1912 г. выходят в свет поэтические сборники А.А. Ахматовой, которые приносят ей большой успех. После революции 1917 г. в ее жизни начался новый этап, сопряженный с тяжелыми потрясениями, выпавшими на долю всего народа, — большевистским террором, сталинскими репрессиями, Великой Отечественной войной. Но несмотря на утраты, страдания, многолетнюю травлю, организованную советскими идеологами, Ахматова не изменила ни своим убеждениям, ни своему поэтическому призванию. И в стихах о войне она стремилась утверждать душевную стойкость, мужество и верность нравственным идеалам.

Клятва

И та, что сегодня прощается с милым,
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.

Шужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. К кому обращено стихотворение «Клятва»? К чему оно призывает? Что придает ему торжественное звучание?
2. Что позволяет отнести стихотворение «Мужество» к военной лирике? Объясните, почему поэтесса сосредоточивает здесь внимание на «великом русском слове».
3. Выучите наизусть оба стихотворения А.А. Ахматовой.

Комментарий профессора Архивайкина

Феномен* Брестской крепости. В прочитанном вами стихотворении К.М. Симонова упоминается Брестская крепость: именно оттуда, по словам поэта, был вывезен поселевший за дни войны мальчик. Этой легендарной крепости, располагавшейся на западной границе Советского Союза и первой принявшей на себя удар гитлеровских войск, принадлежит особое место в истории Великой Отечественной войны. Именно у ее стен враг впервые получил урок поразительной отваги советских солдат; именно здесь он впервые столкнулся с тем, что нельзя было предусмотреть даже в безукоризненно продуманных планах военных операций — с героизмом воинов, в буквальном смысле стоявших насмерть за каждую пядь земли.

Из хроники непокоренной крепости

¹ Накануне 22 июня 1941 г. гарнизон Брестской крепости насчитывал всего около 3 тыс. человек. На территории крепости находились также семьи командиров. В первые же минуты нападения на Советский Союз гитлеровцы, имевшие почти 10-кратное превосходство сил, обрушили на эту оборонную точку огонь более 600 орудий и минометов. Сотни самолетов сбрасывали на нее смертельный груз. По свидетельству очевидцев, взрывы сливались в сплошной грохот, земля сотрясалась и стонала. Небо было затянуто дымом и пылью, валились деревья, горели и рушились здания. Фашисты открыли ураганный огонь по казармам, мостам, входным воротам и домам командного состава. Находившиеся в крепости люди внезапно проснулись среди огня и смерти. Многие из них погибли в первые же секунды, так и не осознав, что происходит. По двору метались обезумевшие женщины с детьми и; пораженные осколками, падали; в казармах стонали раненые. Но, вопреки всему, бойцы смогли организовать решительное сопротивление.

² На второй день после начала осады немцы поставили захваченных ими в плен женщин, детей и раненых впереди своих атакующих цепей. Увидев это «живое прикрытие», защитники крепости прекратили огонь. Однако

* **Феномен** — о человеке или явлении, выдающемся, исключительном в каком-нибудь отношении.

когда враги, приблизившись к цитадели, приготовились к решающему броску, пленные, падая на землю, закричали: «Стреляйте, не жалейте нас!» И тут же по открывшимся немецким автоматчикам ударили из окон крепостных стен пулеметы. Теряя десятки солдат, вражеские цепи рассыпались и в беспорядке отхлынули назад.

Гитлеровцы попытались вступить в переговоры с бойцами, предъявить им условия сдачи крепости. Но в ответ на это советские пограничники подняли над воротами цитадели полотнище, на котором раненые своей кровью написали: «Все умрем, но крепости не сдадим!»

3 Немцы рассчитывали за несколько дней справиться с непокорной крепостью, о чем и писали в своих ежедневных отчетах. Однако отчаянное сопротивление советского гарнизона сметало все планы. Оно не ослабело и после того, как защитникам крепости стало ясно, что враг продвинулся в глубь страны и, значит, на помощь им никто уже не придет. Отрезанные от всего мира, оставшиеся посреди развалин с таявшими запасами боевого снаряжения, еды и питья, они более месяца отбивали атаки противника. В крепости горело всё, что могло гореть. Пожары не прекращались ни на час, над крепостью постоянно стояло густое облако дыма. Огонь проникал и в подвалы: кое-где от высокой температуры плавилась даже кирпичи. Люди задыхались от пыли и дыма, вызывавших мучительный кашель и нестерпимую жажду. Это было самой жестокой мукой, так как водопровод был разбит в первый же день войны, и солдаты, рискуя жизнью, добывали воду из реки. Закончились медикаменты и перевязочные материалы. Бойцы наспех перетягивали раны чем придется или вообще их не перевязывали и снова брались за оружие. Ничто не могло сломить их дух. Только в августе 1941 г., когда от брестского гарнизона осталась небольшая горстка изможденных солдат, враг смог овладеть крепостью.

Еще несколько месяцев после этого из подвалов цитадели доносились одиночные выстрелы и взрывы: это продолжали отстреливаться чудом уцелевшие бойцы. Но самое невероятное событие произошло 12 апреля 1942 г. В тот день последний красноармеец, израсходовавший все патроны и давно мучимый голодом, вышел из своего убежища, чтобы принять смерть под родным солнцем. Это был неимоверно исхудавший человек в лохмотьях. Немцы поставили перед ним еду, но он к ней не прикоснулся. Немецкий офицер обратился к своим подчиненным со словами: «Этот человек — настоящий герой. Учитесь у него, как надо защищать свою землю. Его воля победила смерть, голод, лишения, и это — великий подвиг солдата». Изможденный боец назвался лейтенантом Николаем Плужниковым и сказал несколько фраз о себе. Враги решили поместить его в госпиталь и принесли носилки. Однако лейтенант решительно отказался от них. Собравшись с силами, он сделал несколько шагов и замертво упал на землю. Последний герой Брестской крепости, он, как и многие другие его товарищи, погиб непобежденным. ●

*Холмские ворота
Брестской крепости*

АРТ-САЛОН

Знаменитые фильмы и песни о Великой Отечественной войне

О Великой Отечественной войне снято огромное количество кинофильмов. Первые из них появились в кинопрокате еще в военные годы. Каждое поколение сценаристов, режиссеров и актеров открывало в этой теме новые грани. Лучшие из их работ составили золотой фонд военного кинематографа. В него, в частности, вошли следующие кинокартины:

«Баллада о солдате», 1959 г. (художественный фильм; авторы сценария В. Ежов, Г. Чухрай; режиссер-постановщик Г. Чухрай);

«Белорусский вокзал», 1970 г. (художественный фильм; автор сценария В. Трунин; режиссер-постановщик А. Смирнов);

«В шесть часов вечера после войны», 1944 г. (художественный фильм; автор сценария В. Гусев; режиссер И. Пырьев);

«Великий перелом», 1945 г. (художественный фильм; автор сценария Б. Чирсков; режиссер Ф. Эрмлер);

«Восхождение», 1976 г. (художественный фильм по мотивам повести В. Быкова «Сотников»; авторы сценария Ю. Клепиков, Л. Шепитько; режиссер-постановщик Л. Шепитько);

Кадр из фильма
«Восхождение»

«Два бойца», 1943 г. (художественный фильм по мотивам повести Л. Славина «Мои земляки»; режиссер Л. Луков);

«Иваново детство», 1962 г. (художественный фильм по мотивам рассказа В. Богомолова «Иван»; авторы сценария В. Богомолов, М. Папаев; режиссер-постановщик А. Тарковский);

«Летят журавли», 1957 г. (художественный фильм; автор сценария В. Розов; режиссер-постановщик М. Калатозов);

«Обыкновенный фашизм», 1965 г. (художественно-публицистический фильм; авторы сценария М. Ромм, М. Туровская, Ю. Ханютин; режиссер-постановщик М. Ромм);

«Повесть о настоящем человеке», 1948 г. (художественный фильм по одноименной повести Б. Полевого; автор сценария М. Смирнова; режиссер А. Стоп-лер);

«Судьба человека», 1959 г. (художественный фильм по одноименному рассказу М. Шолохова; авторы сценария Ю. Лукин, Ф. Шахмаонов; режиссер-постановщик С. Бондарчук).

Кадр из фильма
«Судьба человека»

Чем были песни о Великой Отечественной войне для солдат? Некоторое представление об этом дает хорошо известный вам фильм «В бой идут одни старики», где герои-летчики вдохновенно поют «Смуглянку», после чего с новыми силами атакуют врага. (Кстати, песня «Смуглянка», родившаяся в годы войны, благодаря этой кинокартине обрела «второе дыхание».) Действительно, песни обладали огромной воодушевляющей силой. Незримыми нитями они соединяли фронтовиков с их родными и любимыми, находившимися в тылу.

Какие из перечисленных выше фильмов вы видели? Поделитесь своими впечатлениями о них. В случае, если эти киноленты вам не знакомы, расскажите о своем любимом фильме о Великой Отечественной войне. Объясните, чем он вам интересен или дорог.

В этом смысле показательна история возникновения знаменитой песни «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь...»). Автор ее стихов, поэт-фронтовик А. Сурков рассказывал: «Стихотворение, из которого родилась песня, возникло случайно. Оно не собиралось быть песней. И даже не претендовало стать печатаемым стихотворением. Это были 16 «домашних» строк из письма жене. Письмо было написано в конце 1941 г., после очень трудного для меня фронтового дня под Истрой, когда нам пришлось после тяжелого боя пробиваться из окружения с одним из полков». Вот в

таких, «нечаянно» исходивших из глубины души строках миллионы людей узнавали свои сокровенные чувства и мысли.

Всенародную любовь завоевали следующие песни о Великой Отечественной войне:

«Темная ночь» (стихи В. Агатова, музыка Н. Бого-словского);

«Синий платочек» (стихи Я. Галицкого и М. Максимова, музыка Е. Петербургского);

«Случайный вальс» (стихи Е. Долматовского, музыка М. Фрадкина);

«Ты одессит, Мишка!» (стихи В. Дыховичного, музыка М. Воловаца);

«Огонек» (стихи М. Исаковского, музыка народная);

«В прифронтовом лесу» (стихи М. Исаковского, музыка М. Блантера);

«Дороги» (стихи Л. Ошанина, музыка А. Новикова);

«Соловы» (стихи А. Фатьянова, музыка В. Соловьева-Седого);

«Давай закурим» (стихи И. Френкеля, музыка М. Табачникова);

«До свидания, мальчики!» (стихи и музыка Б. Окуджавы).

Сегодня эти и многие другие песни соединяют нас с дедами и прадедами, воевавшими, погибавшими, но выигравшими самую страшную войну в истории человечества.

1. Используя фонограммы вышеупомянутых песен, подготовьте сценарий литературного вечера «Концерт в прифронтовом лесу».

2. Какие песни о Великой Отечественной войне любят в вашей семье?

Глава 3

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Назовите известных вам писателей-фантастов. Какие фантастические рассказы, повести или романы вы уже читали? Чем вас привлекают подобные произведения?

Имя современного американского писателя Роберта Шекли хорошо известно читателям разных стран. Названия некоторых его произведений стали нарицательными. В частности, заглавия романа «Координаты чудес» и рассказа «Абсолютное оружие» дали имя популярным книжным сериям. По его произведениям снято несколько кинофильмов.

Писательская звезда Р. Шекли взшла в 50–60-е годы XX в., когда стали выходить в свет его произведения, признанные первосортными образцами научной фантастики XX в.

Научная фантастика — это отдельная область художественной литературы, в которой исследуются и прогнозируются последствия достижений научно-технической мысли для человеческой цивилизации. При этом в создаваемых писателями-фантастами картинах, как правило, обнажаются реальные проблемы современного общества. В наиболее глубоких научно-фантастических произведениях захватывающий сюжет насыщен нравственно-философскими проблемами.

Роберт Шекли родился 16 июля 1928 г. в Нью-Йорке. Его детство и юность прошли в городке Майплвуд (штат Нью-Джерси). После окончания школы Роберт некоторое время работал рассыльным, буфетчиком, садовником, затем служил в армии. С 1946 по 1948 г. в составе американских оккупационных войск он в качестве редактора полковой газеты находился в Корее.

Решив выучиться на инженера, Шекли распрощался с армией и поступил в Нью-Йоркский университет. По завершении образования он устроился работать на авиационный завод, но надолго там не задержался: успех первых публикаций утвердил его в давнем намерении стать профессиональным писателем.

В дальнейшем Шекли вел преимущественно «бродячий» образ жизни. Многочисленные поездки по США и Европе, многократная смена места жительства — таков был привычный фон его творчества. Побывал писатель и в Украине. Весной 2005 г. он приехал сюда, чтобы наряду с другими авторами принять участие в Международной ассамблее фантастики «Портал». Однако в Киеве состояние его здоровья резко ухудшилось, и он был помещен в частную клинику. Узнав о том, что у Р. Шекли нет возможности оплатить лечение, поклонники его творчества организовали сбор средств. Благодаря этой помощи и усилиям украинских врачей писатель смог вернуться на родину. Перед отъездом он пообещал через год снова посетить Украину. Однако этот план остался неосуществленным: 9 декабря 2005 г. знаменитый писатель-фантаст, в течение полувека радовавший читателя своими книгами, ушел из жизни.

Фантастические истории Р. Шекли приближаются одновременно и к жанру притчи, и к жанру анекдота; они привлекают как оригинальностью, так и остроумием своих сюжетов. Это Шекли придумал, пожалуй, самый невероятный в научной фантастике звездолет, члены экипажа которого одновременно являются его же «составляющими частями», образуя в своей совокупности слаженный «биомеханизм». Это Шекли создал образ кибернетического общества, в котором преступников ловят и карают с помощью электронного «стервятника», а в «конце света» разворачивается грандиозная битва кибердемонов с киберангелами. И это Шекли показал, что самым

*Роберт Шекли
(1928–2005)*

сильным, самым совершенным техническим сверхоружием на земле является... человеческая агрессия.

Присущее Р. Шекли чувство юмора (он был назван критиками самым острым на язык фантастом) сочетается в его книгах с настроением искренней тревоги за судьбу человечества. Фантаст стремится заглянуть в глубины сознания, исследовать «непарадную» сторону научных открытий, показать их возможную разрушительную силу, и, в конечном счете, предупредить человечество о вероятных угрозах и опасностях. Поэтому литературные критики сравнивают произведения Р. Шекли с мостиками, соединяющими научную фантастику с классической прозой.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Что вы знаете о жизни и творчестве Р. Шекли?
2. Чем характеризуются произведения этого писателя?
3. Дайте определение понятия «научная фантастика».

Можно поспорить! В одном из своих интервью Р. Шекли заявил: *«Я не ожидаю, что люди когда-нибудь станут святыми. Но мне кажется, что цивилизация постепенно приведет людей к тому, что они станут менее эгоистичными и более щедрыми. Я надеюсь, вместо того, чтобы говорить "дай", они всё чаще будут говорить "возьми"»*. Согласны ли вы с прогнозом писателя? Обоснуйте свою точку зрения.

Перед чтением. На какие размышления наталкивает вас название помещенного ниже рассказа?

Запах мысли

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел почтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать, — иронически ответил Кливи. — Если не считать труб, приборов и проводки, всё прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор, — сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствия. — Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, отер пот, заливавший глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся. — Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой плетеной корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал раскаляться.

— Не отходите от приемника, — сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся шлаком, раскаленным добела. Четвертый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось, — сообщил он. — По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернется.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звезд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не было ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую 3-М-22, — проревел он сквозь нарастающие разряды.

— Хорошенько присматривай за почтой, — протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. — Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи спросил, что ему делать с почтой — со всеми двадцатью фунтами¹ почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил прием.

Кливи удачно приземлился на 3-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскаленным приборам невозможно было прикоснуться. Размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолет-243 вполз в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов² от поверхности отказался от борьбы и рухнул вниз камнем.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже темно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристегнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов³. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи навзничь. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришел в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в великодушном, непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом; разум же ничем не был отягощен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверек, величиной с белку, но с темно-зеленым мехом.

¹ Фунт — английская мера веса, равная 453,6 г.

² Фут — английская мера длины, равная 30,48 см.

³ Ярл — мера длины, равная 91,44 см.

Когда зверек приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой черт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли...

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка. Этот зверь тоже был зеленого цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У животного тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в приоткрытой пасти у него сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых?

Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трех футов он, по-видимому, потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении. «Слепой охотится на слепца», — подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, точно дервиш¹, внезапно прыгнул на белку и сожрал ее, трижды лязгнув зубами.

«Какие у волков большие зубы», — безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

«Теперь он съест и меня», — подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. По земле протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Всё было цело.

Он привстал на одно колено, еще пошатываясь от слабости, но уже во всём отдавая себе отчет. Что случилось? Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль взорвался, он отошел поодаль и упал в обморок. Потом познакомился с волком и белкой.

Кливи неуверенно поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Должно быть, последний фрагмент воспоминаний ему пригрезился. Его бы давно уж не осталось в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

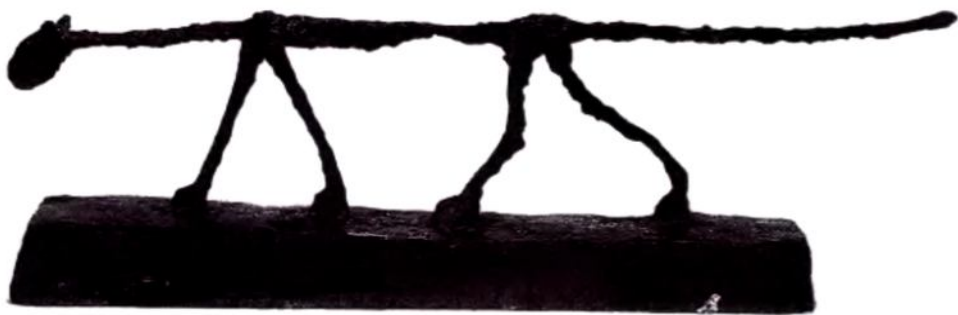
Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зеленый хвостик белки, а чуть поодаль ее голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут происходит и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей. Но тогда каким образом выслеживали они друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

¹ Дёрвиш — здесь: факир.

А. Джакометти. Кошка (бронза)

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах от него пробегало нечто похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

«Проклятый зверинец», — подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошел в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

«Что же я сделал? — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. — Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Всё, что я успел, — это решил ей не попадаться...»

Подняв морду вверх, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Это послужило последней каплей. Животное, лишенное глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Оно непременно должно обладать телепатическими способностями.

Чтобы испытать свою теорию, Кливи мысленно произнес слово «пантера», бессознательно отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера яростно взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней мере перестал думать на той длине волн, какую улавливает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взревел. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и эта дистанция быстро уменьшалась. «Всё, что остается делать, — подумал Кливи, — это не думать о... думать о чем-нибудь другом. Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след». Он принялся думать обо всех

девушках, которых когда-либо знал, старательно припоминал мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать о девушках, и о космолетах, и о планетах, и опять о девушках, и о космолетах, и обо всём, кроме пантеры.

Пантера придвинулась еще на пять футов.

«Черт возьми, — подумал он, — как можно о чем-то не думать? Ты лихо-радожно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к... но ты ее игнорируешь и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай еще раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но вообще-то не узнавая п... Как бы там ни было, она всё же приближается».

Пытаться о чем-то не думать — это всё равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддается бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, и о вечеринках, и о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!); о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детенышах (берегись!), п-панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно восемь футов), обедах, филеминьонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, всё еще напрягающаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая ее? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детенышах, о теплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами!

Самец замурлыкал!

Кливи улегся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Она коротко зарычала глубоким горловым рыком, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и всё вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь и что он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера еще на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос

в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его образ мыслей, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера учуяла его лишь в тот момент, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной; чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что же, подождем — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удается... однажды.

Кливи лег навзничь и воззрился в небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтеками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливают некое перемирие? Ему было наплевать.

К дьяволу белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!
Он уснул.

Утром он удивился, что всё еще жив. Пока всё идет хорошо. В конце концов денек может выдаться недурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолета-243 осталась лишь груда искореженного металла на оплавленной почве. Кливи нашел металлический стержень, прикинул его на руку и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но всё-таки придает уверенность.

Корабль был в безнадежном состоянии. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счел, что он терпкий, но вкусный. Он до отвалу наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалеку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаяться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотой в шесть футов.

К концу дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам, быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое. Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Там что-то есть!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полет.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрел дальше. Еще через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи можно выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой пла-

неты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал прием, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зеленый, другой пятнистый, третий...

Быть может, у этих волков не рождались пятнистые детеныши. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи не способен как следует изобразить пантеру. Волки прекратили отступление. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутек, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же соскочили с него. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понесся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд вверх, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на зеленую землю, которая ковром расстилается всё шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая всё выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил еще один день. Но, по-видимому, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придет спасательное судно?

Когда стемнело, он долго еще не мог заснуть и всё смотрел в небо. Однако там виднелись только звезды. Слышал же он лишь редкое рычанье волка да рев пантеры, мечтающей о завтраке.

...Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся с ощущением усталости; сон его не освежил. Не вставая, Кливи ждал. Где же спасатели? «Времени у них было предостаточно, — решил Кливи. — Почему их еще нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...»

Не надо было так думать. В ответ справа от себя он услышал звериный рык.

Кливи встал и отошел подальше: гораздо охотнее он предстанет перед волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к реву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-желтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свой страх и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперед. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому намеренные довольствоваться остатками ее трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после едва уловимого колебания продолжала свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порожденной отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвел. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но всё же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

«Ну право же, — думал Кливи, — кому придет в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я — всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь обломить зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поела кусты? А ведь я и есть куст. Спроси у моей мамы. Она тоже куст. Все мы кусты. Так повелось исстари, с каменноугольного периода».

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась она и удалиться. Кливи сомневался, что долго протянет. О чем он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка. «Ну не мило ли, — подумал Кливи. — Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти».

Птичка легонько клюнула Кливи в шею. «Полегче, — подумал Кливи. — Не надо рубить сук, на котором сидишь...»

Птичка клюнула еще раз, примеряясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

«Проклятый дятел», — подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгрел птичку и швырнул ее в пантеру...

Пантера щелкнула зубами, но опоздала. Оскорбленная птичка произвела разведочный полет вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мертвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения еще на несколько дней. Он сосредоточился на том, как ужасно неудобоварим, как он безнадежно невкусен. И в глубине души — он был в этом убежден — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасен! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донесся п о д л и н н ы й запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле ее назвали бы стервятником.

В тот миг Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошел к нему вперевалячку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с ~~б~~стротой молнии явилась вновь, и на ее глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

— Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнем в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь с волками.

Пришел его черед! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх пожара! Право же, Кливи будет самым страшным пожаром, какой когда-либо охватывал эту местность.

Поднялся легкий ветерок и разнес его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники побежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел всё, что происходит вокруг, и всё ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая всё на своем пути. И чувствовал страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царем природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеек в трех милях¹ от старта, воспламенил группу кустов, запыхал, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он всё горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь.

Он начинал угасать.

«Это просто нечестно», — подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на ее условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепое деяние природы всё погубило.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

* * *

— ...Чертовски удачная работа. Ты берег почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолета.

Он находился на спасательном судне.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Мы подоспели как раз вовремя, — ответил Почтмейстер. — Тебе пока лучше не двигаться. Еще немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошел к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зеленую поверхность.

— Ты был на волосок от гибели, — сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. — Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Рассматривая безупречный зеленый ковер, Почтмейстер, казалось, испытывал минуту сомнения. Он посмотрел еще раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

Перевод Н. Евдокимовой

¹ Милья — английская мера длины, равная 1,523 км.

I. Учимся осмысливать прочитанное

1. Чем вас заинтересовал рассказ Р. Шекли?
2. Какие достижения научно-технической мысли XX в. обыгрывает в нем писатель?
3. В чем заключалась главная опасность пребывания Лероя Кливи на чужой планете? Как он догадался об этой опасности?
4. А какие качества характера помогли герою избежать гибели? Перескажите наиболее впечатлившие вас эпизоды его борьбы за выживание.
5. В чем состоит неожиданность финала рассказа?

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Определите главный смысл прочитанного вами произведения.
2. К каким малоисследованным явлениям привлекается здесь внимание читателя?

Можно поспорить! А. Что, с вашей точки зрения, спасло жизнь Лерою Кливи: сила воли, сила разума или сила фантазии?

Б. Считаете ли вы поведение этого персонажа героическим?

В. Может ли нечто похожее произойти в реальности? Верите ли вы в то, что живые существа могут на расстоянии угадывать мысли друг друга?

III. Учимся фантазировать

Предположим, что на планете 3-М-22 обитали не только звери и птицы, но и люди. Придумайте, как в таком случае развивались бы события.

IV. Филологический мастер-класс

1. Как вы знаете, произведения Р. Шекли проникнуты чувством юмора. Как эта особенность проявляется в «Запах мысли»?

2. Сопоставьте рассказ «Запах мысли» с изученными в шестом классе новеллами Р.Д. Брэдбери. Найдите общее и отличное в фантастических картинах, нарисованных обоими писателями.

Консультация профессора Филодогова

О научной фантастике. Научная фантастика стала одним из самых популярных жанров XX в. Истории о космических пришельцах и оживших динозаврах появляются на кино- и телеэкранах едва ли не чаще, чем истории из реальной жизни.

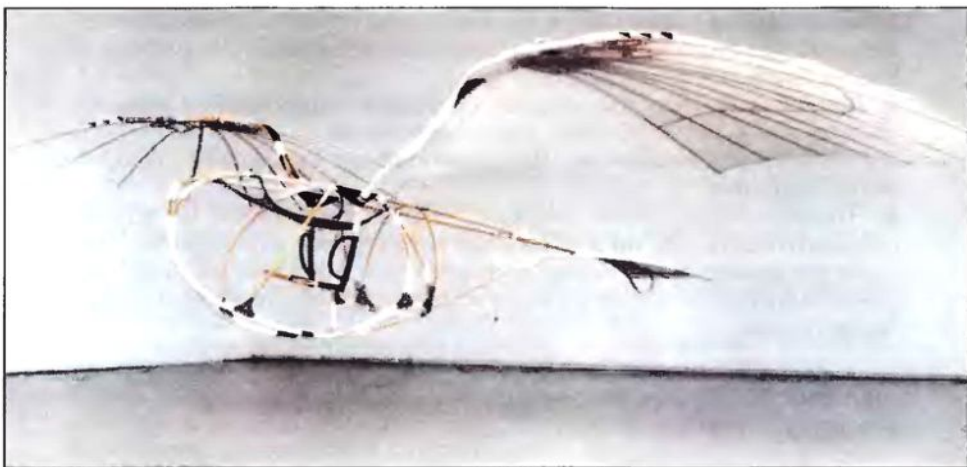
Научная фантастика в XX в. — это не просто разновидность художественной литературы, а целое движение, со своими журналами и газетами, съездами восторженных почитателей и горячими дискуссиями.

В самых ранних произведениях, создававшихся фантастами на заре научно-технической революции, центром изображения были новые открытия и изобретения. Сегодня, когда развитие науки и техники опережает самую бурную фантазию, внимание писателей преимущественно сосредоточилось на исследовании человеческого общества. Наш мир в современной фантастике понимается как сложная система со множеством вариантов развития, и нередко авторы-фантасты ставят перед собой задачу воздей-

ствия на реальный выбор пути, показывая последствия тех или иных решений.

Слово «научная» в определении жанра сегодня приобрело дополнительные смыслы: научная фантастика — это уже не только литература о достижениях науки, но и литература, использующая такие научные методы, как построение гипотезы, мысленный эксперимент и др. В то же время, современной фантастике присущи размышления о самых важных проблемах человека, и это роднит ее с философской притчей. Нынешняя фантастика крайне разнообразна по своим темам и жанрам. Среди многочисленных писателей-фантастов наиболее известны Р.Д. Брэдбери, А. Кларк, У. Ле Гуин, К. Саймак, А. Азимов, Р. Шекли.

(По энциклопедии для детей «Всемирная литература», т. 15, ч. 2) ●

В. Татлин. Летатлин

ПОВТОРЯЕТ И ОБОБЩАЕТ ИЗУЧЕННОЕ В ЧЕТВЕРТОМ РАЗДЕЛЕ

1. Что нового для себя вы узнали из повести А.Г. Алексина «В тылу как в тылу»? А какой нравственный урок вынес из описанных в ней событий герой-рассказчик?
2. В какую трилогию входит эта повесть А.Г. Алексина? Объясните, что такое трилогия.
3. Назовите известных вам поэтов-фронтовиков.
4. Какие стихотворения о Великой Отечественной войне вам понравились больше всего? Почему?
5. Докажите, что рассказ «Запах мысли» Р. Шекли принадлежит к жанру научной фантастики.

Думайте сами! В литературной критике иногда Р. Шекли называют «Чеховым в фантастике». Что, по вашему мнению, дает основания для такого определения?

Творческое задание. Напишите небольшое сочинение на одну из предложенных тем:

«Непоказной героизм людей, работавших на победу в тылу (по повести А.Г. Алексина "В тылу как в тылу")»;

«Трагическая муза военной поэзии: мои впечатления от стихотворений о Великой Отечественной войне»;

«Твои возможности, человек!» (По рассказу Р. Шекли "Запах мысли")».

УЧЕННЕ-РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Групповая работа. Разбившись на 3 группы, выполните одно из предложенных ниже заданий:

А. Подготовьте материал для литературно-музыкальной викторины. Подберите звукозаписи наиболее популярных песен о Великой Отечественной войне. Запишите короткие отрывки этих песен — так называемые музыкальные сигналы. По этим сигналам команды, образованные из групп «Б» и «В», должны правильно назвать песню. Дополнительные баллы присуждаются в случае, если члены команды называют имена автора стихов и композитора прозвучавшего произведения. После этого песню можно прослушать до конца, а еще лучше — вместе спеть под фонограмму.

Б. Представьте, что вы пишете сценарий экранизации повести «В тылу как в тылу». Какими картинками вы бы начали и закончили эту киноленту? Опишите их. Продумайте также музыкальное оформление этих сцен.

В. Чтобы выжить, герой рассказа Р. Шекли вынужден не только напрягать фантазию, но и постоянно упражняться в пантомиме. Попробуйте сделать то же самое: повторите принимаемые им позы так, чтобы ваши одноклассники узнали соответствующие перевоплощения Лероя Кливи.

Вот и пришло время подвести итоги. Чтобы проверить знания, приобретенные в течение этого учебного года, поработайте над нижеследующими вопросами и заданиями. Если некоторые из них вызовут трудности, перечитайте соответствующие главы учебника или воспользуйтесь словарем, помещенным в конце учебника.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАЗМИНКА

1. Назовите основные литературные роды. Кратко их охарактеризуйте.
2. Установите, к какому жанру относится каждое из указанных произведений:
 - «Пестрая лента»;
 - «Узник»;
 - «Мцыри»;
 - «Толстый и тонкий»;
 - «Вольга и Микула Селянинович»;
 - «Тарас Бульба»;
 - «Дары волхвов»;
 - «Запах мысли»;
 - «Перчатка».
3. Что представляют собой былины? Когда они возникли? Как исполнялись эти произведения в старину? Чем они отличаются от сказок?
4. Что характерно для жанра баллады? Назовите известные вам фольклорные и литературные баллады.
5. Какие темы характерны для гражданской, философской и пейзажной лирики? Подкрепите свой ответ примерами.
6. Кого называют «лирическим героем»? Почему нельзя утверждать, что лирический герой и автор — это одно и то же лицо?
7. Что такое цикл? Назовите известные вам циклы литературных произведений.
8. Что представляет собой композиция?
9. Дайте определение жанра поэмы.
10. Приведите примеры использования художественной детали в литературных произведениях. В творчестве каких писателей подобные детали играют особенно важную роль?
11. Чем рассказ отличается от новеллы?
12. Что такое интрига?
13. Дайте определение детективной литературы.
14. Что означает слово «трилогия»? Как называется трилогия А.Г. Алексина, в состав которой входит повесть «В тылу как в тылу»?
15. Что характерно для научной фантастики? Назовите наиболее популярных представителей этого жанра.

ПРАКТИКУМ

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВСЕЗНАЕК

1. Кто из писателей изобрел бронезилет?
2. Где вы встречались с персонажем по имени Иван Петрович Белкин? Что представляет собой этот персонаж?
3. Вспомните старинные названия былин. Объясните, как в этих названиях отразились художественные особенности былин.

4. Кому из поэтов принадлежит фраза: «От этих старых песен... во мне прорастали прежде дремавшие зерна поэзии»?
5. Какой подзаголовок Н.В. Гоголь дал своей книге «Миргород»?
6. Кто из писателей совмещал литературное творчество с занятиями медициной?
7. Как звали человека, чьи удивительные аналитические способности, возможно, подсказали А. Конан Дойлу «метод» Шерлока Холмса?
8. Какого персонажа в детстве прозвали Геростратом? Благодаря чему прославился Герострат?
9. Кто из поэтов был наставником наследника российского престола?
10. Установите, кому принадлежат псевдонимы.

А.А. Горенко

О. Генри

А.П. Чехов

Алексин

У.С. Портер

Антоша Чехонте

А.Г. Гоберман

Ахматова

УЗНАЙТЕ АВТОРА ПО ШТРИХАМ ЕГО ПОРТРЕТА

Этот автор...

- принадлежал к числу незаурядных правителей, любил военные походы и охоту, имел привычку во всём, включая хозяйственные хлопоты, полагаться на самого себя;
- всю жизнь занимался тяжёлым крестьянским трудом, в силу чего его так и называют — «поэт-пахарь»;
- несмотря на плохое состояние здоровья, много путешествовал, а в конце жизни перебрался на остров Самоа;
- любил Кавказ и посвятил ему часть своих произведений;
- за вольнодумство был отправлен царским правительством в ссылку;
- родился и вырос в Украине, что во многом определило его творческое развитие;
- считал скромность одним из главных качеств интеллигентного человека;
- приобрел писательскую известность, находясь в тюремном заключении;
- увлекался разнообразными видами спорта;
- известен как мастер «юношеской повести».

УЗНАЙТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ

Продолжите начатое предложение, а затем укажите точное название произведения, в котором действует данный персонаж.

Этот герой...

- однажды на вокзале встретил своего бывшего гимназического товарища и узнал, что тот...
- отправился на арену к хищным зверям, чтобы...
- попал на незнакомую планету, где обнаружил, что...
- самоотверженно любил свою дочь, которая уехала вместе...
- хотел порадовать рождественским подарком свою любимую и для этого...
- в детстве был отдан на воспитание в монастырь, откуда...
- ради любви отрекся от товарищей, отца и брата, за что был...
- пытался разобраться в том, кому принадлежит собака, укусившая ювелира, однако...

- не пожелал открыть врагам тайну медоварения, и потому...
- получив письмо, в котором сообщалось о том, что его отец пропал без вести...

Групповая работа. Разбившись на 3 группы, выполните одно из предложенных заданий:

А. Перечитайте сведения, помещенные в рубрике «Комментарий профессора Архивайкина». Какие из них вас больше всего заинтересовали? Какие исторические комментарии к другим произведениям вы бы хотели получить? На основе изученных произведений составьте список своих вопросов к профессору Архивайкину.

Б. Выберите наиболее интересную и полезную для вас статью из рубрики «Консультация профессора Филологова» и обоснуйте свой выбор.

В. Подготовьте вопросы для викторины по произведениям изобразительного искусства, репродукции которых содержатся в учебнике.

Баллада (франц. *ballade*, от прованс. *balada* — танцевальная песня) — жанр, в основе которого лежит повествование с необычным историческим, легендарным, фантастическим или бытовым сюжетом. В это повествование, как правило, включен диалог (явный или скрытый), в нем нередко присутствуют также зачин и концовка. Характерная черта баллады — эмоциональная оценка изображаемых событий.

Былина — древнерусская фольклорная песня, повествующая о героических свершениях легендарных богатырей. Для былины характерно переплетение фантастических и исторических элементов, а также торжественно-приподнятый, спокойно-величавый тон, задаваемый былинным стихом. Сюжет былины украшен традиционным фольклорным орнаментом (повторы, гиперболы, постоянные эпитеты и др.).

Герой-рассказчик — герой, от лица которого ведется повествование в художественном произведении.

Детективная литература (от англ. *detective* — сыщик) — разновидность приключенческой литературы, посвященная, как правило, раскрытию загадочных преступлений.

Драма объединяет произведения, написанные для театральной постановки. Самое важное в драме — это действия, поступки героев.

Жанр (от франц. *genre* — род, вид) — вид художественных произведений, например басня, повесть, притча. Каждый жанр имеет свои особенности, которые сохраняются на протяжении веков, но в то же время разные эпохи приносят в него новые черты. Это обеспечивает жанру и долголетие, и постоянное обновление.

Интерьер (в литературе) — художественное изображение в литературном произведении внутренних частей зданий, помещений, как правило, служащее для дополнительной характеристики героя или события.

Интрига (франц. *intriguē*, от лат. *intrico* — запутываю) — сложное и напряженное сплетение действий персонажей, которые для достижения своих целей прибегают к уловкам и сокрытию своих намерений. Интрига обычно вводится в сюжеты с приключенческими элементами.

Композиция — построение художественного произведения, обусловленное его содержанием и жанром.

Лирика выражает переживания и мысли поэта, его внутреннее состояние. Большинство лирических произведений написаны в стихотворной форме.

Лирический герой — образ поэта в лирике, художественный «двойник» автора, наделенный определенными чертами характера, а иногда — и индивидуальной судьбой. Между лирическим героем и автором существует сходство, однако в этот образ, как и в любой другой, автор привносит элементы художественного вымысла.

Лирическое отступление — слова повествователя, прямо не связанные с описываемыми событиями, но содержащие в себе важные комментарии и эмоциональные оценки изображаемых явлений.

Литературные роды — эпос, лирика, драма.

Научная фантастика — отдельная область художественной литературы, в которой исследуются и прогнозируются последствия достижений научно-технической мысли для человеческой цивилизации. При этом в создаваемых писателями-фантастами картинах, как правило, обнажаются реальные проблемы современного общества.

Новелла (итал. *novella* — новость) — прозаическое произведение небольшого объема, повествующее о каком-либо необычном происшествии. Новелла похожа на рассказ, однако отличается от него более острым сюжетом, для которого характерно стремительное развитие и неожиданный финал.

Повесть — прозаическое произведение, как правило, большего, чем рассказ, объема. В повести описывается ряд событий из жизни главного героя и детально изображаются связанные с ним второстепенные персонажи.

Поэма (греч. *poiema*, от *poiéo* — делаю, творю) — крупное стихотворное произведение с лирическим или повествовательным сюжетом.

Рассказ — небольшое по объему прозаическое произведение, в котором описывается один эпизод из жизни героя.

Стихотворение — написанное стихами произведение, преимущественно лирическое, как правило, небольшого объема.

Трилогия (греч. *trilogia*, от *tri* — в сложных словах — 3 и *logos* — слово, повествование) — произведение, состоящее из 3-х самостоятельных законченных произведений, объединенных общим идейным замыслом автора.

Характер литературного героя (от греч. *charakter* — отпечаток, признак, отличительная черта) — образ человека в литературном произведении, сочетающий индивидуальные и обобщенные черты. Характер раскрывается через переживания, мысли, речь и поступки героя.

Художественная деталь — выразительная подробность в художественном произведении, которая несет важную информацию и имеет самостоятельное значение.

Цикл (от греч. *kyklos* — круг) — группа произведений (стихотворений, рассказов, повестей и т.д.), объединенных автором в одно целое. Между этими произведениями существует внутренняя связь, которая важна для понимания их общего замысла.

Эпос изображает события, поступки и внутренний мир людей. Эпические произведения чаще всего написаны в прозаической, реже — в стихотворной форме.

Юмор — изображение в художественном произведении каких-либо явлений в комическом, смешном виде. При этом внешняя насмешка сочетается с внутренне серьезным, сочувственным отношением к предмету осмеяния.

- Сборник «На Буяне, славном острове» (сост. Н. Колпакова) и другие сборники былин (по выбору учащихся).
- «Задонщина» (отрывок по выбору учителя), «Повесть о Петре и Февронии Муромских».
- Бернс Р. «Кузнецу», «Был честный фермер мой отец», «В горах мое сердце» и др. стихотворения (по выбору учащихся).
- Буссенар Л.-А. «Похитители бриллиантов».
- Генри О. «Вожьд краснокожих», «Клад» и др. новеллы (по выбору учителя).
- Гоголь Н. «Миргород», «Коляска».
- Джованьоли Р. «Спартак».
- Конан Дойл А. «Собака Баскервилей», «Приключения Шерлока Холмса» (рассказы по выбору учащихся).
- Лермонтов М. «Беглец», «Воздушный корабль», «Боярин Орша», «Русалка» и др. стихотворения (по выбору учащихся).
- Рид М. «Всадник без головы», «Оцеола, вожьд семинолов».
- Некрасов Н. «Несжатая полоса», «Саша».
- Платонов А. «Юшка», «В прекрасном и яростном мире» и др. рассказы (по выбору учащихся).
- По Э. «Лягушонок», «Золотой жук».
- Пушкин А. «Обвал», «Редееет облаков летучая гряда...», «Бесы», «Песни о Стеньке Разине» и др. произведения (по выбору учащихся).
- Стивенсон Р.-Л. «Черная стрела».
- Скотт В. «Айвенго».
- Толстой Л. «Отрочество», «Течение воды», «Три сына» (по выбору учащихся).
- Тургенев И. «Записки охотника» (рассказы по выбору учащихся).
- Чехов А. Рассказы (по выбору учащихся).
- Стихотворения русских поэтов о Второй мировой войне (по выбору учащихся).
- Абрамов Ф. «О чем плачут лошади», «Алька».
- Брэдбери Р.Д. «Звук бегущих ног».
- Вампилов А. «Простите нас».
- Гюго В. «Человек, который смеется».
- Булычев Кир. «Новые подвиги Геракла», «Авгиева лаборатория».
- Крапивин В. «Мушкетер и фея», «Острова и капитаны», «Я иду встречать брата», «Оранжевый портрет с крапинками».
- Кристи А. «Случай с итальянским вельможей».
- Крюсс Дж. «Тим Таллер, или Проданный смех».
- Нестлингер К. «Три почтовых грабителя».
- Носов Е. «Кукла», «Живое пламя».
- Олдридж Дж. «Последний дюйм», «Мальчик с лесного берега».
- Пиранделло Л. «Черепашка».
- Рыбаков А. Трилогия о Кроше (по выбору учащихся).
- Сименон Ж. «Мегрэ и другие».
- Сэлинджер Дж. «Над пропастью во ржи».
- Триз Дж. «Ключ к тайне».
- Троепольский Г. «Белый Бим Черное Ухо».
- Фраерман Р. «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви».
- Шукин В. «Критики».

Введение. Книга — ключ к человеческой душе	3
--	---

Раздел первый

ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Глава 1. Богатыри былинные	8
«Преданья старины глубокой...»	8
Ратные подвиги былинных богатырей	10
Илья Муромец и Соловей-разбойник	11
Трудовые свершения былинных богатырей	20
Вольга и Микула Селянинович	20
Глава 2. Величественный храм древнерусской литературы	28
Живые голоса древности	28
Нравственные заветы «Поучения»	31
Поучение Владимира Мономаха (Отрывок)	31

Раздел второй

ЖАНРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Глава 1. Роды и жанры художественной литературы	38
Глава 2. Поэзия, вскормленная народной песней	40
<i>Роберт Бернс</i>	40
Честная бедность	43
Глава 3. Открыватель островов духовных сокровищ	44
<i>Роберт Луис Стивенсон</i>	44
Вересковый мед	46
Глава 4. «Певец таинственных видений...»	48
<i>Василий Андреевич Жуковский</i>	48
Перчатка	50
Светлана	53
Глава 5. «Дана мне лира от богов...»	61
<i>Александр Сергеевич Пушкин</i>	61
«Будь молод в юности твоей!»	61
По страницам лирики А.С. Пушкина	63
Узник	63
Цветок	65
«Если жизнь тебя обманет...»	65
По страницам прозы А.С. Пушкина	66
Станционный смотритель	67
Глава 6. «В уме своем я создал мир иной...»	79
<i>Михаил Юрьевич Лермонтов</i>	79
«Венец певца, венец терновый!»	79
Из стихотворений М.Ю. Лермонтова о Кавказе	81

Кавказ	81
Кавказ в лермонтовских поэмах	82
Мцыри	83

Глава 7. Романтика битв и подвигов

<i>Николай Васильевич Гоголь</i>	103
Гениальный сын украинской земли	103
Оглядываясь назад: насколько исторична историческая повесть?	105
Тарас Бульба (<i>В сокращении</i>)	106

Раздел третий РАССКАЗ И НОВЕЛЛА

Глава 1. «Мелочи», омрачающие нашу жизнь

<i>Антон Павлович Чехов</i>	170
«Душа моя просится вширь и ввысь...»	170
Мастер коротких рассказов	173
Толстый и тонкий	174
Хамелеон	178

Глава 2. Новеллы, зажигающие огонек надежды

<i>О. Генри</i>	181
Зигзаги писательской удачи	181
Мастер новеллы	183
Дары волхвов	183

Глава 3. Чудеса человеческого разума

<i>Артур Конан Дойл</i>	189
Писатель, достойный своего героя	189
Мастер детективного жанра	191
Пестрая лента	192

Раздел четвертый ЭПИЧЕСКИЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

Глава 1. «Все мы вышли из страны детства»

<i>Анатолий Георгиевич Алексин</i>	216
«С добром надо спешить...»	216
Трилогия А.Г. Алексина «В тылу как в тылу»	217
В тылу как в тылу	218

Глава 2. Поэзия, рожденная войной: по страницам русской лирики

<i>о Великой Отечественной войне</i>	258
<i>Константин Михайлович Симонов</i>	252
«Майор привез мальчишку на лафете...»	252
<i>Сергей Сергеевич Орлов</i>	253
«Его зарыли в шар земной...»	253
<i>Евгений Михайлович Винокуров</i>	254

«В полях за Вислой сонной...»	254
<i>Булат Шалвович Окуджава</i>	255
До свидания, мальчики	256
<i>Юлия Владимировна Друнина</i>	257
«Я столько раз видала рукопашный...»	257
Зинка	257
<i>Анна Андреевна Ахматова</i>	259
Клятва	259
Мужество	259

Глава 3. Новые горизонты научной фантастики

<i>Роберт Шекли</i>	264
Запах мысли	266
Заключение	279
Словарь литературоведческих терминов	282
Литература для внеклассного чтения	284

